БГУ

Э.М. Загорульский

АРХЕОЛОГИЯ БЕЛАРУСИ

ВВЕДЕНИЕ

Заселение человеком территории Белоруссии относится ко временам каменного века, отделенным от наших дней десятками, а может быть, и сотнями тысяч лет. Имеющиеся в распоряжении историков письменные источники охватывают немногим более одной тысячи лет истории Белоруссии. Громадный исторический период был, следовательно, бесписьменным, и свидетельством древнейшей истории людей, населявших территорию Белоруссии, являются почти исключительно вещественные археологические памятники.

Однако и в изучении более близкого к нам времени, от которого имеется достаточно много письменных документов, археологические материалы часто имеют первостепенное значение. Во-первых, потому, что письменные источники распределены неравномерно: чем дальше отстоит период от наших дней, тем их меньше; во-вторых, характер древних письменных источников, как правило, не позволяет представить важнейшие стороны хозяйственной жизни того или иного периода, все многообразие материальной и духовной культуры народа на каждом этапе исторического развития; в-третьих, основные письменные документы древности уже известны и изучены. Археологические же материалы поступают постоянно и во все возрастающем объеме.

Археологические памятники разнообразны и многочисленны. Объектами археологического изучения являются поселения, могильники, остатки древних укреплений, древние мастерские и рудные разработки, отдельные постройки, древние дороги и оросительные каналы, древние рисунки и надписи, отдельные вещевые находки и т. д.

На территории Белоруссии зарегистрировано около тысячи стоянок каменного века и бронзы, свыше тысячи городищ железного века и раннефеодального времени, несколько тысяч курганных групп, насчитывающих в общей сложности десятки тысяч отдельных курганов.

Наиболее важными археологическими памятниками являются поселения. Различают поселения укрепленные и неукрепленные. К неукрепленным относят первобытные стоянки каменного и бронзового времени и открытые селища железного века и феодализма. Группу укрепленных поселений составляют городища, города, военные крепости, феодальные замки. Каждый тип поселения имеет свои характерные признаки.

Население обычно хорошо осведомлено о существовании древних поселений. Их привлекает и необычайный внешний вид таких объектов и характер грунта на них. Грунт этот, представляющий собой культурные напластования, отложившиеся в процессе жизни людей, отличается от окружающего своей темной окраской и мощностью. Еще и теперь можно услышать рассказы о том, что эту землю когда-то специально сносили шапками с полей. Сами археологические объекты известны у населения под разными названиями городищ, городков, замков, валов. Как правило, с ними связывают различные легенды о провалившемся городе или церкви, закопанной колеснице и т. д.

Другую большую группу памятников составляют древние погребения. Они различаются между собой по времени захоронения, устройству могил и деталям погребального обряда. Одни погребения имеют заметные внешние признаки, другие их не имеют. К первым относятся курганы. В Белоруссии их называют также копцами, волотовками, могилками, шведскими или французскими могилами. Захоронение может быть произведено или в яме под насыпью кургана, или на уровне древнего горизонта под насыпью (на материке), или в самой насыпи. Погребения, не имеющие внешних признаков, называют бескурганными или грунтовыми. Найти их значительно труднее. Часто они обнаруживаются случайно при земляных работах.

Основными обрядами захоронений являются трупоположение и трупосожжение. И тот и другой одинаково представлены в курганных и бескурганных погребениях. В обрядовой стороне имеется много различных деталей, подчас очень важных для исторических выводов: количество захороненных в одной могиле, ориентировка покойников, характер сопутствующих вещей, их размещение, наличие или отсутствие каких-нибудь дополнительных подсыпок и т. д.

Археологические памятники в СССР являются всенародным достоянием и находятся под охраной государства. Поскольку они представляют собой очень ценный и в ряде случаев единственный исторический источник, изучение которого требует особых методических приемов, всякие самостоятельные раскопки их запрещены. Право на производство археологических раскопок предоставляется Академией наук СССР или союзной республики людям, имеющим специальное археологическое образование и опыт полевых раскопочных работ. Археологические раскопки в СССР ведутся в соответствии с планами научно-исследовательских работ и преследуют цели разрешения конкретных исторических задач.

Археологическое изучение Белоруссии по существу началось после Октябрьской социалистической революции. До этого раскопки носили случайный и односторонний характер. Исследовались в основном курганы IX—XIII вв. Чаще всего главной задачей таких «исследований» было пополнение личных музейных коллекций. Несоблюдение методики раскопок и полная бесконтрольность работ привели к хищническому разрушению многих памятников и гибели ценных вещей.

В Советской Белоруссии при Институте белорусской культуры, с 1929 года при Академии наук БССР был впервые создан центр, осуществляющий научное руководство и исследование археологических памятников республики. До Великой Отечественной войны были проведены значительные работы по сплошному обследованию территории Белоруссии, выявлению и систематизации археологических памятников. Впервые были обнаружены древнейшие стоянки, относящиеся к палеолиту, были отмечены локальные особенности в памятниках железного века, небольшим раскопкам были подвергнуты древние города Белоруссии. Широкий размах исследования различных археологических эпох на территории Белоруссии получили после Великой Отечественной войны.

Сейчас проблемами белорусской археологии занимается большой коллектив ученых. Ежегодно силами научных сотрудников Института археологии АН СССР, Института истории АН БССР, Белгосуниверситета им. В. И. Ленина и музеев проводятся раскопки и обследования различных археологических памятников. В последнее время накоплен значительный материал, на основе которого написан ряд монографических исследований и специальных статей, позволяющих уже теперь наметить общие контуры белорусской археологии.

I . КАМЕННЫЙ ВЕК

Глава1 КАМЕННЫЙ ВЕК БЕЛОРУССИИ

Древнейшую эпоху в истории человечества, когда основным материалом для изготовления орудий был камень, принято называть каменным веком. По своей продолжительности каменный век намного превосходит все последующие эпохи, вместе взятые. Начался он около миллиона лет назад и закончился к IV—III тысячелетию до н. э.

В зависимости от типов орудий и способов их изготовления каменный век подразделяют на периоды: палеолита — древнего каменного века (около 800… 10 тысяч лет до н. э.), мезолита — среднего каменного века (10…5 тысяч лет до н. э.) и неолита — нового каменного века (5…3 тысячи лет до н. э.).

Палеолит

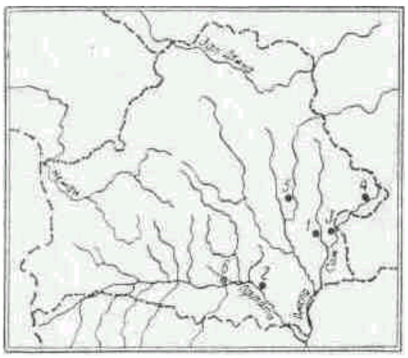
В палеолите выделяют две стадии: раннюю и позднюю. Начальные этапы раннего палеолита, представленные археологическими культурами дошелльской, шелльской и ашельской, относятся к временам, когда люди типа питекантропа и синантропа жили в теплых климатических условиях среди субтропической растительности в окружении теплолюбивых животных. Основными орудиями шелльской и ашельской эпох были массивные кремневые отщепы и ручные рубила миндалевидной формы, изготовленные простой техникой двухсторонней оббивки.

Местонахождения шелльского и ашельского времени известны в Европе на юге Англии, во Франции, в Бельгии, Германии, Чехословакии, юго-западной Польше и в южных районах Европейской части СССР. В Белоруссии их нет. Однако следует отметить, что граница ныне известных культурных остатков начальной поры палеолита все больше отодвигается к северу. Недавние находки ашельских орудий на Волыни дают основание надеяться, что и на территории Белоруссии могут быть со временем обнаружены древнейшие памятники ископаемых людей. Природные условия здесь были вполне благоприятны для существования человека, что подтверждается находками остатков теплолюбивой фауны и флоры. Так, в Витебской области были обнаружены остатки южного слона, характеризующего собой фаунистический комплекс, обычно сопровождающий находки орудий шелльской поры раннего палеолита.

Последняя эпоха раннего палеолита представлена культурой мустье, которая иногда выделяется в самостоятельную стадию среднего палеолита. Ее создателем был неандерталец. В приемах изготовления и в формах каменных орудий появились новые черты, связанные с распространением техники скола. От кремневого дисковидного ядрища откалывались отщепы треугольных очертаний, которые затем путем специальной оббивки по краям (ретуши) превращались в специализированные орудия: остроконечники, скребла и скобели. В мустьерскую эпоху были распространены также небольшие рубильца. Остроконечник считают мужским ножом. Им добивали животных, разделывали туши, обрабатывали дерево. Скребло — женское орудие. Применение его, по-видимому, разнообразно. Проведенное С. А. Семеновым микроскопическое изучение мустьерского скребла из стоянки Волгоград по характерным признакам сработанности рабочего края показало применение его для обработки кожи. Скобель использовался для обработки дерева.

Крупнейшим достижением мустьерской эпохи было овладение способами получения огня.

В геологической истории Земли палеолит приходится на плейстоценовую эпоху четвертичного периода, отмеченную грандиозными колебаниями климатических и природных условий, а также сложнейшими геоморфологическими изменениями, вызванными неоднократными оледенениями. В период максимального (рисского, или днепровского) оледенения южная граница надвинувшегося с гор Скандинавии и Финляндии ледника проходила от Темзы через Среднюю Германию к низовьям Днепра и далее на восток через верховья Печоры к Таймырскому полуострову. На десятки тысяч лет территория Белоруссии, прикрытая сплошным ледяным щитом, была исключена из области обитания человека. К югу от ледника широкой полосой тянулись заболоченные низины и тундры, а за ними — холодные степи.

Карта палеолитических местонахождений на территории Белоруссии.
1 — Бердыж; 2 — Юревичи; 3 — Светиловичи; 4 — Клеевичи; 5 — Абидовичи; 6 — Беляжевичи.

В результате резкого похолодания и изменившихся условий существования вымерли или отступили на юг теплолюбивые животные. Животный мир приледниковой зоны был представлен мамонтом, шерстистым носорогом, лошадью, пещерными медведем и львом и др.

Следующее и последнее по времени валдайское (вюрмское) оледенение, имевшее три фазы наступания и отступания ледника, занимало значительно меньшую территорию. Его конечные морены очерчивают дугу, лежащую одним концом в Ютландии, другим — в устье Печоры. Середина дуги проходила через верховья Днепра и Волги. Большая часть территории Белоруссии была свободна от ледника. Но условия существования человека были трудными. В составе фауны особенно четко отразились северные признаки.

Вопрос о существовании на территории Белоруссии мустьерской стадии раннего палеолита требует специального рассмотрения. В открытой и раскопанной белорусским археологом К. М. Поликарповичем в 20-х годах

нашего века верхнепалеолитической стоянке Бердыж (Подлужье I) среди массы позднепалеолитических орудий были найдены кремни, имевшие мустьерский облик, в их числе небольшое ручное рубильце [21].

Отдельные находки кремневых изделий мустьерского облика были сделаны и в других местах. Так, недалеко от д. Светиловичи Гомельской области на р. Беседи было найдено в 1929 г. скатанное и латинизированное кремневое изделие типа заостренного скребла, представляющее собой удлиненную пластину размером 9х4,6х1,2 см с обработкой правой стороны краевой ретушью. Сведения об условиях нахождения, к сожалению, противоречивы.

Кремневое рубильце мустьерского облика. (Бердыж.)

В д. Клеевичи Костюковичского района Могилевской области вместе с остатками мамонта и дикой лошади были найдены мелкие кремни с ретушью по краям. Поликарпович считал возможным предполагать их мустьерский характер, хотя и не исключал, что ретушь могла образоваться случайно в результате ударов о другие камни [18].

В 1953 г. К. М. Поликарповичем возле д. Подлужье Гомельской области на верхней надпойменной террасе правого берега Сожа были предприняты поиски остатков чистой мустьерской культуры, на вероятность существования которой указывали некоторые находки бердыжского верхнепалеолитического комплекса. В шести раскопах общей площадью около 350 м^2 было собрано значительное количество кремня. Большинство кремней, по свидетельству Поликарповича, имело следы искусственной обработки мустьерского характера. В коллекции, насчитывающей около 970 кремневых единиц, были представлены большие желваки, служившие исходным материалом, отщепы, чешуйки, пластины. Некоторые из отщепов и пластин, по мнению Поликарповича, носят следы оббивания на нуклеусе мустьерского типа [20]. Из характерных мустьерских орудий К. М. Поликарпович выделил 17 скребел. Большая часть кремней была покрыта коричневой патиной. По заключению исследователя, «кремней верхнепалеолитического времени в этих раскопках встречено не было». Стратиграфически кремень залегал на глубине от 2,6 до 7,2 м. Остатков фауны в раскопках не найдено. К. М. Поликарпович делает определенный вывод о наличии в Подлужье остатков поселения второй половины мустьерской эпохи (стоянка, о которой идет речь, находится рядом с верхнепалеолитической между деревнями Подлужье и Бердыж. Чтобы различать стоянки между собой, К. М. Поликарпович предложил первую называть Подлужской, а вторую Бердыжской. Существуют и другие обозначения. Бердыжскую верхнепалеолитическую стоянку называют Подлужье I, а местонахождение с мустьерскими орудиями — Подлужье II.) По определению геолога М. М. Цапенко [12], культурные остатки Подлужской стоянки залегают между днепровской и московской моренами рисского оледенения.

Другой исследователь палеолита Белоруссии В. Д. Будько, анализируя материалы К. М. Поликарповича, а также материалы, полученные собственными разведывательными работами на той же Подлужской стоянке, пришел к совершенно иным выводам [6, 7]. В коллекции К. М. Поликарповича им были выделены 4 удлиненные пластины с ретушью, 3 резца, обломок массивного рубящего предмета, топоровидный рубящий предмет, 20 пластинок, снятых с призматических ядрищ, несколько отщепов архаической формы. По его мнению, здесь совершенно не было типичных для мустье орудий и дисковидных ядрищ.

Несколько позднепалеолитических изделий из кремня было найдено самим Будько. Это сильно скатанные и заполированные боковые резцы, скребки на пластинах, отщепы с чешуйчатой подтеской концов и др. Иными оказались выводы и относительно стратиграфического залегания подлужских материалов. По определению Л. Н. Вознячука [7], расщепленные кремни, обнаруженные в шурфах В. Д. Будько, поставленных между раскопками Поликарповича, залегали в толще солифлюкционных отложений, относящихся ко времени второго наступления валдайского ледника. По абсолютной хронологии это не ранее 30 тысяч лет до н. э.

Окатанность и заполированность подлужского кремня, а также условия его нахождения свидетельствуют о переотложенности материала. Кремневые изделия архаического облика рассматриваются В. Д. Будько как типичный пример пережиточных явлений, характерных для многих верхнепалеолитических стоянок.

Несмотря на спорность подлужского материала, вопрос о мустьерской стадии нижнего палеолита на территории Белоруссии все более приближается к своему положительному решению. Недавно были сделаны новые находки кремневых изделий мустьерского облика возле д. Абидовичи Быховского района Могилевской области. По предварительным данным, это вероятное мустьерское местонахождение может быть отнесено к периоду днепровско-валдайского межледниковья [15]. Скребла, нуклеусы и отщепы треугольных очертаний были найдены около д. Беляжевичи под Петриковым и на берегу оз. Нобель, на границе Белоруссии и Украины.

Приблизительно 40 тысяч лет до н. э. наступила эпоха верхнего палеолита. Хотя основным материалом для орудий по-прежнему оставался кремень, верхнепалеолитический человек добился больших успехов в технике его обработки и в изобретении новых типов орудий. Значительно усовершенствовалась техника скола. От кремневого желвака точными рассчитанными ударами скалывались удлиненные узкие пластины с правильными параллельными гранями. Еще чаще отделение пластин производилось новым техническим приемом с помощью сильного нажима на

край желвака костяным или каменным наконечником. Нуклеусы верхнепалеолитического времени в отличие от мустьерских дисковидных имели форму удлиненной призмы. Сколотые пластины имели отлично режущие края и могли употребляться без дополнительной обработки. Но часть пластин с помощью новой техники ретуши превращали в разнообразные специализированные орудия: резцы для обработки твердых материалов, различного типа скребки, тесла, проколки, ножи, острия, наконечники копий и дротиков.

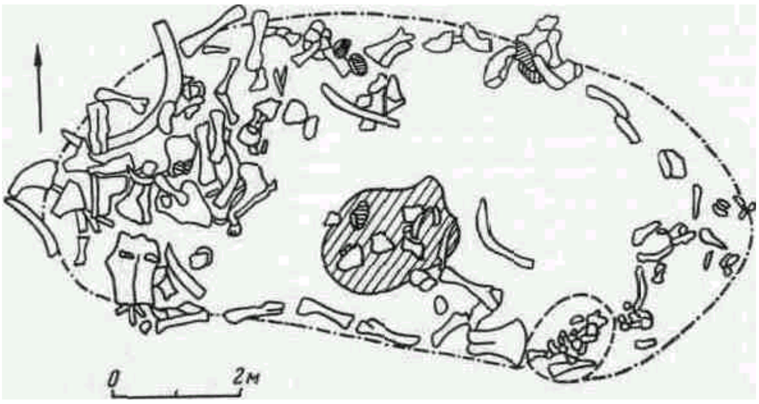
Жизнь верхнепалеолитического человека отличалась прочной оседлостью. Стоянки этого времени имеют мощные культурные напластования. Располагаются они обычно на высоких берегах рек или возле глубоких оврагов, что было обусловлено особенностями организации коллективной загонной охоты на крупных зверей. Основным объектом охоты был мамонт, зверя загоняли к краю обрыва, с которого он падал. Охота требовала большого числа участников, поэтому люди вынуждены были жить большими коллективами. Стоянки занимали значительные площади и были застроены большими жилищами и хозяйственными сооружениями. Это были первые искусственные жилые сооружения в истории человечества.

В верхнем палеолите возникает матриархальная родовая община, включающая в себя группу людей, связанных между собой узами родства. Археологическим подтверждением этого является существование поселений с прочной оседлостью и больших общинных жилищ, а также находки реалистических статуэток женщин. Последние свидетельствуют также о возникновении в верхнем палеолите искусства.

Слабая заселенность, изолированность и замкнутый образ жизни верхнепалеолитических общин были причиной возникновений местных культурных особенностей в различных областях.

На территории Белоруссии изучены две верхнепалеолитические стоянки, обе в Гомельской области. Одна — на правом берегу Сожа (Бердыжская, или Подлужье I), другая — на Припяти (Юревичская).

Бердыжская стоянка расположена в 3 км к югу от Бердыжа на южном склоне оврага, врезающегося в плато первой надпойменной террасы. Плато круто обрывается к пойме реки, возвышаясь над ней на 12…14 м. Стоянка впервые обнаружена К. М. Поликарповичем в 1926 г. во время сплошного обследования им правобережья среднего течения Сожа. Исследовалась она в течение ряда лет самим К. М. Поликарповичем [18, 22], а также С. Н. Замятниным (1927 г.) и В. Д. Будько (1959…1961 гг.) [4]. Культурные остатки залегали в слое зеленовато-серой супеси и в нижней части перекрывающих ритмично слоистых песков. Мощность культурного слоя составляла 40…60 см. Раскопками выявлены обильные остатки фауны, костный и древесный уголь и расщепленный рукой человека кремень. Подавляющая часть костей принадлежала мамонту позднего типа. Найдены почти все части костяка от 40…45 особей. Кроме мамонтовых костей, здесь собраны костные остатки дикой лошади, первобытного быка, шерстистого носорога, бурого медведя, волка, рыжеватого суслика, песца, водяной крысы, филина. Поликарпович отмечал также находки костей северного оленя.

Остатки палеолитического жилища в Бердыже

Замечательным открытием было обнаружение здесь верхнепалеолитических жилищ. Одно жилище имело овальную форму и размеры 4,5x3,4 м. Основание его составили черепа мамонта, тазовые, трубчатые и другие крупные кости. Внутри этого большого скопления костей выявлены линзы зольной и углистой массы и обожженные кости, по-видимому, от очага.

Второе жилище представляло собой полуземлянку, углубленную в землю на 0,4…0,5 м, сильно удлиненной овальной формы размером 11x5,2 м. В ее основании также обнаружены черепа мамонта, вертикально стоявшие тазовые кости, лопатки и крупные трубчатые кости. Тазовые кости в некоторых случаях имели подпорки из других костей. Как и в других известных жилищах верхнепалеолитического времени, они выполняли роль несущих конструкций. В южной части жилища обнаружены остатки несколько деформированного очага размером 2x1,5 м. Недалеко от жилища открыты ямы-хранилища. Одна имела размеры 3x1,8 м и глубину 0,5 м.

Внутри она заполнена плотной гумусированной супесью, насыщенной костными остатками мамонта и других животных, углем и расщепленным кремнем. У юго-восточного и южного краев ямы лежали два черепа мамонта. В восточной части яма как бы перекрывалась тремя большими обломками бивней мамонта.

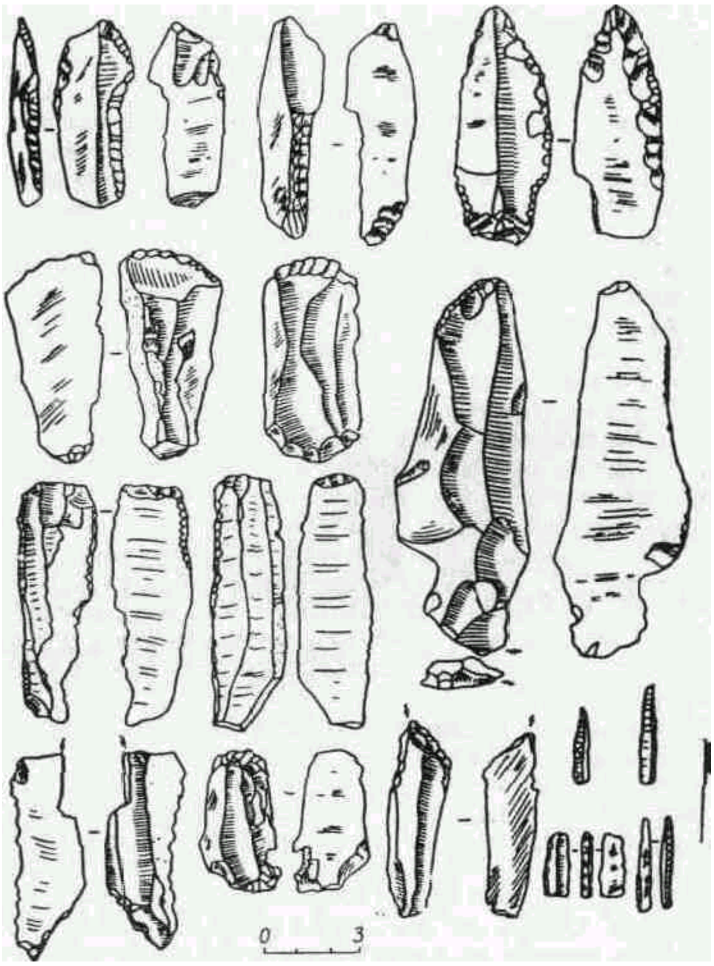
Многочисленные орудия, найденные при раскопках Бердыжской стоянки, изготовлены из темно-серого или реже светло-серого с более светлыми крапинками кремня. Орудия и расщепленные кремни, залегавшие в культурном слое стоянки, хорошо сохранились, не имеют заметных следов латинизации и окатанности. Можно отметить, что в районе самой стоянки имеются выходы мелового кремня.

Среди орудий наиболее характерны наконечники с боковой выемкой, которые могли служить в качестве наконечников копий или дротиков, использовавшихся при загонной охоте на крупных зверей. Их могли также применять и для вспарывания шкур. Бердыжские наконечники имеют сходство с наконечниками из Костенок I, отличаясь от них только несколько более грубой отделкой, что, впрочем, можно объяснить худшим качеством бердыжского кремня.

Очень характерны также сделанные на пластинах ножи с концевой подтеской. Они также сходны с

костенковскими.

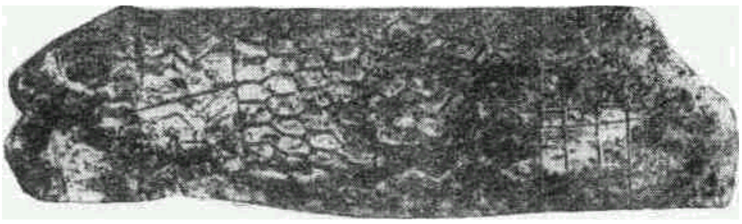
Скребки делались на пластинах, отщепах и укороченных пластинках. Скребками можно считать и массивные пластины, у которых был отретуширован верхний край.

Орудия верхнего палеолита. (Бердыж.)

Резцы представлены в основном боковыми с косой подретушевкой верхнего края. Имеются также угловые, срединные и резцы супоневского типа. Можно отметить также находки острий типа граветт, орудия с чешуйчатой подтеской концов, орудий топоровидной формы, проколок на отщепах и пластинках, больших пластин, имеющих длину до 16 см. В целом кремневый инвентарь Бердыжской стоянки очень близок к материалам костенковско-авдеевской верхнепалеолитической культуры. По геологической стратиграфии стоянка может быть отнесена к начальным этапам поморской (поздневалдайской) стадии последнего оледенения. Такова же геологическая хронология и памятников костенковско-авдеевской культуры. По аналогии с ними Бердыжскую стоянку можно датировать 23—24 тысячелетиями до н. э.

Иной культурный характер имеет Юревичская верхнепалеолитическая стоянка, открытая К. М. Поликарповичем в 1929 г. Стоянка раскапывалась К. М Поликарповичем (1929…1931 гг.) и В. Д. Будько (1959…1960 гг.) [7]. За все время вскрыта пока незначительная площадь — около 200м^2.

Орнаментированная пластинка из бивня мамонта. (Юревичи. Раскопки В. Д. Будько.)

Стоянка занимает террасообразный склон левого берега Припяти в 20 км к юго-востоку от Мозыря. Здесь выявлено два горизонта культурного слоя. Нижний залегает на глубине 1,6 м от поверхности в слое плотного сизоватого, неясно слоистого глинистого песка. Мощность культурного слоя — 0,35…0,40 м. Верхний горизонт отделен от нижнего незначительной стерильной прослойкой. Мощность его местами достигает 1,8 м.

Судя по кремневому материалу и геологическим условиям залегания, оба горизонта близки между собой по времени. В нижнем горизонте найдены только вещи. Никаких жилых или других строительных комплексов там не обнаружено. Орудия сделаны из темно-серого кремня. Преобладают концевые скребки и острия типа граветт. Найдены также боковые резцы, пластины с ретушью, миниатюрные острия, орудия с чешуйчатой подтеской концов.

Второй горизонт залегал в слое желтовато-серого ритмично слоистого песка. В культурном слое встречены скопления гумусированного песка, плиток песчаника и валунов. Своеобразное расположение валунных камней и песчаниковых плиток в виде округлых выкладок, внутри которых находились обожженные камни, кости и скопление

углистой массы, позволяет видеть в них остатки по меньшей мере двух очагов, расположенных в жилище. Можно предполагать, что в строительстве юревичского верхнепалеолитического жилища были также применены валунные камни и плиты песчаника. Замечено, что они располагались по краю жилища.

В культурном слое верхнего горизонта обнаружены костные остатки мамонта, первобытного быка и песца. Кремневый инвентарь представлен концевыми скребками, пластинками, боковыми резцами. Найдено также два острия типа граветт. Некоторые находки заслуживают особого внимания, они связаны с художественным творчеством верхнепалеолитического человека. Это, прежде всего пластинка из бивня мамонта, на которой резцом нанесен орнамент в виде чешуи рыбы. Точно такой орнамент покрывает пластинки, найденные в раскопках верхнепалеолитической стоянки Елисеевичи, находящейся в Брянской области, недалеко от границ Белоруссии. Это обстоятельство указывает на культурно-историческую и хронологическую близость Юревичской стоянки с Елисеевичской. Можно отметить также несколько пластин, покрытых беспорядочными штрихами. Очень интересной находкой является небольшая мотыга из бивня мамонта.

По условиям залегания Юревичская стоянка относится примерно к первой трети поморской стадии последнего оледенения, что соответствует поздней поре верхнепалеолитической эпохи [7].

Мезолит

С окончанием ледникового периода климат постепенно приближается к современному. Растительный и животный мир тоже постепенно принимает современный облик. Покрываются лесами области, имевшие ранее тундровый характер. Складывается близкое к теперешнему зональное распределение растительности. Уже в течение последнего валдайского оледенения вымирают или истребляются такие характерные для верхнепалеолитического фаунистического комплекса животные, как мамонт, шерстистый носорог, пещерный лев, гигантский олень и др. Холодолюбивые животные отступают к северу вслед за ледником. В лесах появляются новые виды животных: благородный олень, лось, зубр, бурый медведь, кабан, бобр.

Новые условия, в которых оказался человек, принудили его изменить свой быт. Исчезновение крупных животных, бывших основным объектом охоты и главным источником пополнения мясных запасов, потребовало выработки новых приемов охоты и поисков нового оружия, которое было бы достаточно эффективным при охоте на любого зверя, особенно мелкого. Был изобретен лук. Значение его трудно переоценить. «Лук, тетива и стрела,— писал Ф. Энгельс,— составляют уже очень сложное оружие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и изощренные умственные силы, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений». (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953, стр. 21…22.)

Изобретение лука и стрелы почти повсюду знаменует собой наступление мезолитической эпохи, охватывающей время от 10 до 5 тысяч лет до н. э. Лук и стрела создали новые возможности существования и повлекли за собой важные хозяйственные перемены. От загонной охоты на крупных зверей, требовавшей большого коллектива людей, человек перешел к охоте на более мелких нестадных животных небольшими группами и в одиночку. Отпала, следовательно, экономическая необходимость в большом человеческом коллективе, столь характерном для верхнепалеолитического быта. В мезолите происходит процесс раздробления многолюдных общин.

Исчезновение ледника привело к появлению новых обширных незаселенных пространств. Характерной чертой нового периода стало интенсивное освоение человеком этих освободившихся территорий. Двигаясь небольшими группами, люди достигли берегов Балтики и Ледовитого океана. Именно в мезолите была заселена основная территория Белоруссии.

Подвижный образ жизни отразился на характере мезолитических стоянок. Они невелики и, как правило, имеют незначительный культурный слой, слабо насыщенный находками. Бродячему образу жизни соответствовали и мезолитические жилища, представлявшие собой легкие постройки типа шалашей с открытыми очагами внутри.

Несравненно более разнообразный растительный и животный мир, окружавший человека мезолитического времени, способствовал значительному возрастанию роли собирательства.

Кремневые орудия мезолита отличаются своим микролитоидным обликом, т. е. малыми размерами. Значительная часть их изготовлена из тонких, узких пластинок. Многие микролиты связаны с оснащением метательного вооружения, т. е. использовались в качестве наконечников стрел. На протяжении всей мезолитической эпохи шли усиленные поиски новых, более совершенных форм их. Помимо этого, микролиты служили вкладышами составных орудий.

Мезолит Белоруссии изучен слабо, хотя памятников известно достаточно много. По наблюдению Поликарповича, мезолитические местонахождения в отдельных районах обнаруживаются через каждые 12…13 км. Стоянки размещались обычно на вторых надпойменных террасах и отдельных песчаных возвышениях.

Ранние мезолитические памятники Белоруссии имеют много общих черт с памятниками свидерской мезолитической культуры Польши, представленной коллекцией мелких кремневых орудий. Очень характерными для этой культуры орудиями являются небольшие наконечники с асимметричным черенком. Видимо, они применялись в качестве наконечников стрел, но морфологически, по-видимому, ведут свое происхождение от верхнепалеолитических дротиков, которыми пользовались охотники Русской равнины. Для ранней поры свидерской культуры типичны наконечники из широких пластин. Черешок у них обрабатывался короткой притупленной ретушью. Для более позднего времени характерны как черешковые, так и иволистные наконечники. Они имеют более вытянутые пропорции и обработаны ретушью на конце пера и на черешке [8].

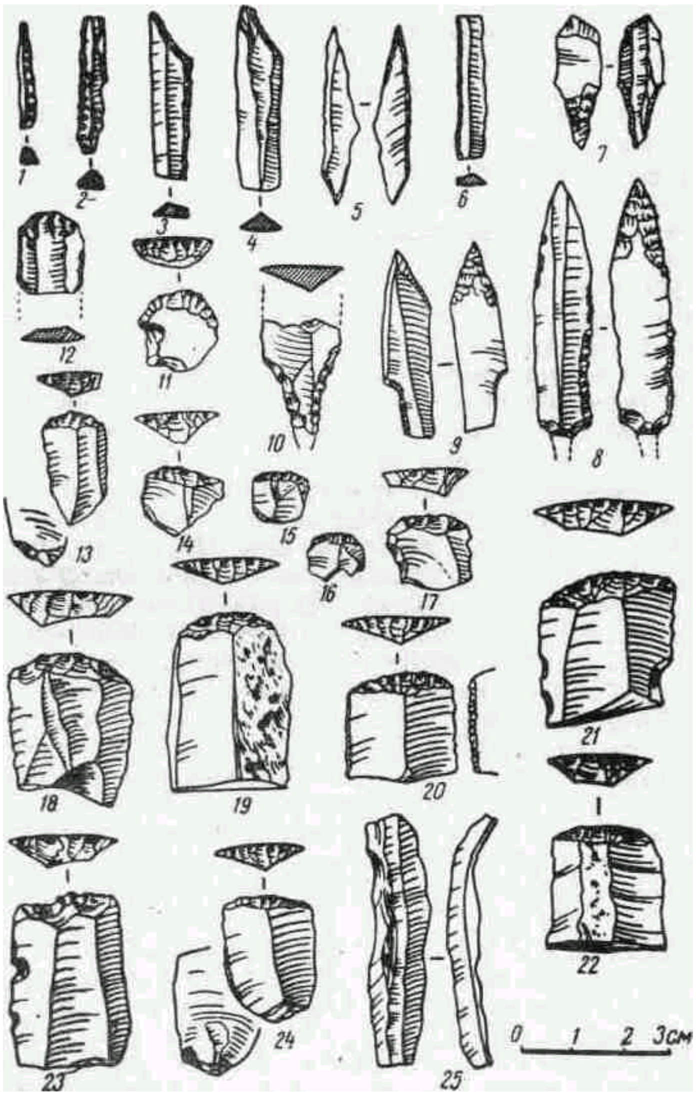
Основным видом заготовок для орудий свидерской культуры были ножевидные пластинки, сколотые с правильных конических нуклеусов. Отработанные свидерские нуклеусы имеют форму тонких вытянутых конусов. Нуклеусы средней и поздней поры отличаются от ранних меньшими размерами и более узкими негативами от сколотых пластинок.

Ранние свидерские памятники сохраняют в инвентаре еще много позднепалеолитических черт. Мадленский облик, например, имеют скребки и резцы. Резцы в основном представлены двумя типами — боковыми и на углу сломанной пластины. Орудий геометрических очертаний (трапеций, треугольников) в свидерских памятниках обычно

нет.

Стоянки поздней свидерской поры отличаются все большим уменьшением размеров кремневых орудий. Постепенно исчезают наконечники на пластинах. Распространяются стоянки с инвентарем тарденуазского типа, для которого характерны геометрические формы орудий — высокие треугольники и трапеции. Отделка орудий становится значительно совершенней. Края обрабатываются крутой более тонкой ретушью, начинает применяться плоская ретушь, появляются небольшие рубящие кремневые орудия. Такие стоянки называют свидеро-тарденуазскими. По наблюдению К. М. Поликарповича, стоянки свидеро-тарденуазского облика ограничивались на востоке линией Чериков на Соже — Новый Быхов на Днепре — река Друть.

Как показали стратиграфические исследования мезолитических стоянок Литвы, аналогичных белорусским, свидерские памятники относятся к субарктическому климатическому периоду (12…8,5 тысяч лет до н. э.), свидеро-тарденуазские — к бореальному 8,5…5 тысяч лет до н. э.) и началу атлантического [27]. По-видимому, в такой же хронологической последовательности развивалась мезолитическая культура и на территории Белоруссии.

Кремневый инвентарь стоянки у д. Крумплево.

Нумерации нет

К группе ранних свидерских памятников Белоруссии относятся стоянки Гренок, Подлужье III, Коромка, Латки, Печенеж, Крыжи и некоторые другие. Наибольшей известностью пользуется Гренская стоянка в Гомельской области, открытая К. М. Поликарповичем в 1927 г. Стоянка размещается на останце первой надпойменной террасы правого берега Сожа под толщей дюнных песков. Раскопками В. Д. Будько в 1959…1960 гг. [6, 7] обнаружены остатки очагов, вокруг которых группировались расщепленные рукой человека кремни. Имеются черешковые наконечники с боковой выемкой и притупленным ретушью краем, противоположным выемке. На некоторых экземплярах наблюдается подтеска с брюшка. Найдены также листовидные наконечники, подтесанные с брюшка преимущественно в нижней части и обработанные ретушью в основании возле обоих краев. Подобные наконечники встречаются и в раннесвидерских памятниках Центральной Европы и на мадленских стоянках. Очень разнообразны скребла, сделанные как на отщепах, так и на пластинах. Имеются двойные скребла мадленского облика. Резцы представлены в основном боковыми формами. Найдены острия со скошенным краем, орудия с выемками, большое число пластинок с ретушью, отбойники. Интересную группу составляют тесловидные орудия из ядрищ, напоминающие аналогичные предметы из раскопок Елисеевичской верхнепалеолитической стоянки. По геологическим условиям залегания культурных остатков Л. Н. Вознячук относит гренскую стоянку к поморской стадии поздневалдайского ледника, что синхронизирует ее с мадленскими стоянками Франции [5].

Три мезолитические стоянки были выявлены в 1957 г. Н. Н. Гуриной [11] на севере Белоруссии.

Следы одной обнаружены на песчаном берегу оз. Свитязь в Гродненской области. В трех местах заметно было скопление кремневых орудий, вымываемых из культурного слоя весенними водами озера. Среди находок больше всего скребков, изготовленных пластин с ретушью на конце. Важной датирующей находкой являются кремневые

наконечники стрел, сделанные из пластин, подретушированных на конце и в тыльной части. Характерны для мезолита с притупленным и срезанным краем отщепы, трапеция. Найдены также резцы и призматические нуклеусы. Все орудия изготовлены очень тщательно из высококачественного мелового кремня почти черного цвета. Найденные изделия имеют точные аналогии в материалах свидерских стоянок Польши.

Две мезолитические стоянки, близко расположенные друг от друга, обнаружены недалеко от Полоцка на Западной Двине. По стратиграфическим условиям залегания и по сходству кремневого инвентаря они могут быть отнесены к одному времени. Возникли они, очевидно, вскоре после освобождения этого района от воды. Стоянки были недолговременными и незначительными по площади.

Одна стоянка расположена на высоком песчаном правом берегу Западной Двины у д. Крумплево, в 30 км ниже Полоцка. Культурный слой, содержавший находки мезолитического времени, имел мощность до 50…55 см, но насыщенность его культурными остатками слабая. Среди найденных вещей наибольшую по численности группу составили скребки, относящиеся к трем типам: концевым, изготовленным из очень правильных ножевидных пластинок; округлым, сделанным на пластинчатых отщепах, и круглым микролитоидным скребочком. Наконечники стрел изготовлены на ножевидных пластинах с плоской ретушью на конце и в тыльной части. Найдены также кремневые проколки, пластинки с притупленной спинкой, пластинки со скошенным краем, правильные ножевидные пластины с очень тщательной ретушью по одному или двум краям. Представляют интерес орудия с резцовыми сколами и орудия типа ??????. Как и на стоянке у оз. Свитязь, найденные здесь изделия изготовлены из высококачественного темного мелового кремния и отличаются тщательностью отделки.

Вторая еще более интересная стоянка эпохи мезолита обнаружена в 2…3 км от описанной на первой надпойменной террасе левого берега Западной Двины у д. Петровщина. Стоянка шла узкой полосой вдоль берега реки. В отличие от всех известных мезолитических стоянок лесной полосы, носящих дюнный характер, культурные остатки здесь находились в слое суглинка. Отчетливо выделяются два разновременных горизонта. Верхний представлен слоем (20…25см) более светлого суглинка, нижний (40см) — более темным. В период отложения нижнего мезолитического слоя климат, как показал анализ пыльцы, был холодным. Совсем не обнаружено теплолюбивых широколиственных пород деревьев. Большая часть кремневых изделий найдена в нижнем культурном горизонте ближе к берегу. Наиболее характерной чертой орудий является их микролитичный облик и исключительно совершенная техника обработки тончайшей отжимной ретушью. Материалом был тот же превосходный меловой кремень очень темного цвета. Больше всего найдено мельчайших чешуек кремня и некрупных отщепов. Готовые орудия представлены концевыми скребками на тонких небольших ножевидных пластинах, маленькими (не более 1см) округлыми скребками, очень тщательно обработанными наконечниками стрел на тонких ножевидных пластинах. Очень много ножевидных пластин с притупленной спинкой или скошенным краем. Следует особо отметить находки микролита в форме трапеции и маленьких кремневых пластиночек с тончайшей пильчатой ретушью с одной стороны. По составу находок обе стоянки могут быть сопоставлены с памятниками свидерского типа.

Отмечая несомненную близость мезолитических памятников Белоруссии к свидерским памятникам Польши, нельзя не обратить внимания на сходство в форме и технике изготовления ряда орудий белорусского мезолита с верхнепалеолитическими орудиями юго-восточной Белоруссии и Русской равнины. По-видимому, это свидетельствует о значительной роли местных традиций в формировании здесь мезолитической культуры. Можно предполагать, что заселение территории Белоруссии в эпоху мезолита шло как с запада, так и с юго-востока.

Распространение на территории Белоруссии и Литвы свидеро-тарденуазской культуры связывается некоторыми учеными с миграцией населения из Центральной Европы. Это доказывается тем, что смена свидерских памятников свидеро-тарденуазскими произошла здесь значительно позже, чем на территории Польши. В пользу этой точки зрения свидетельствует антропологический материал. Так, исследования двух мезолитических черепов из Литвы показали близость их к мезолитическим черепам, найденным в Германии.

Мезолитические культуры Белоруссии, как и в других областях, отличаются большой устойчивостью своих признаков во времени. Это обстоятельство, очевидно, следует объяснять важными переменами в этнической истории человечества, происшедшими на грани палеолита и мезолита. На смену разобщенным и сильно отличающимся друг от друга по характеру материальной культуры крупным палеолитическим общинам пришли объединения более мелких общин, связанных между собой общностью происхождения.

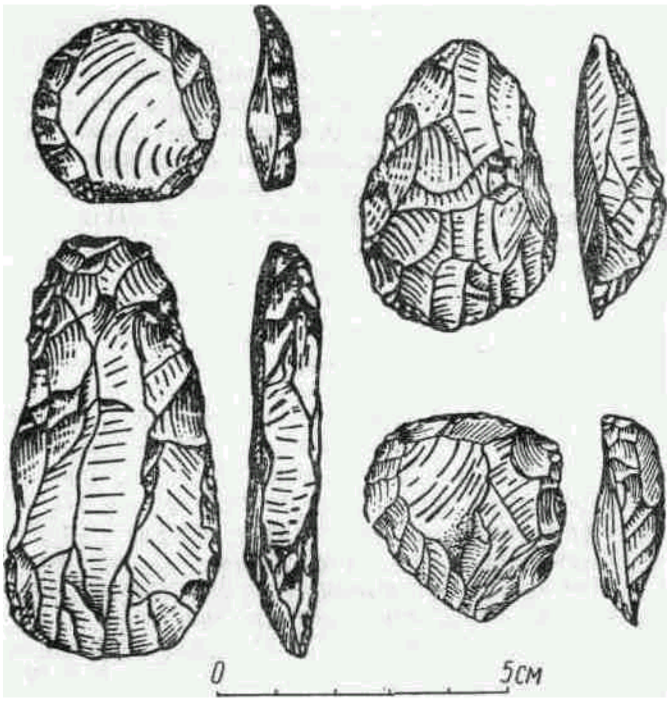
Неолит

В V тысячелетии до н. э. племена, населявшие территорию Белоруссии, вступили в последний период каменного века — неолит, продолжавшийся до III…начала II тысячелетия до н. э.

В истории человечества эпоха неолита занимает очень видное место, с ней связано появление новых форм хозяйства — скотоводства и первобытного земледелия. На смену присвоению готовых продуктов природы пришло их сознательное производство. Однако развитие производящих хозяйств происходило постепенно и крайне неравномерно. Новые культурные очаги сложились первоначально в Египте, Передней Азии и Средиземноморье. Постепенно земледелие и скотоводство распространились к северу. В Англии и Франции они стали известны в IV…III тысячелетии до н. э., в Средней Европе — около III тысячелетия до н. э. На территории СССР развитие новых форм хозяйства наблюдается прежде всего на юге, где неолитические племена испытывали влияние древних культурных очагов Передней Азии. В Северной Европе в неолите по-прежнему господствовали охота и рыболовство.

Кремневые орудия раннего неолита еще очень сходны по типу и технике изготовления с мезолитическими. В качестве отличительной особенности можно отметить появление орудий с двусторонней обработкой и техники шлифования камня. Постепенно кремневый инвентарь приобретает макролитоидный облик, орудия становятся крупнее. Распространяются клиновидные орудия из нуклеусов, топоры различных форм, долота. В позднем неолите широко распространяются шлифование и сверление. Но шлифовке обычно подвергался только рабочий край орудия. Как показали недавние экспериментальные работы по первобытной технике, шлифованный топор из кремня можно было изготовить за 35…40 часов, а из такого мягкого материала, как сланец, за 3…4 часа. Установлено, что производительность каменных орудий была достаточно высока. Так, сосну диаметром 25см можно было срубить

каменным топором за 15 минут, а для того, чтобы выдолбить каменным теслом деревянную лодку, требовалось 12 дней (при восьмичасовом рабочем дне). Наиболее ярким признаком нового периода является изобретение и широкое распространение глиняной посуды. Характерной формой неолитического сосуда на территории Белоруссии был вылепленный от руки остродонный горшок.

Кремневые орудия из неолитической стоянки Верхнего Поднепровья. (Раскопки И. И. Артеменко.)

Изобретение глиняной посуды было крупным достижением человеческой культуры и явилось необходимым условием для возникновения производящих хозяйств. Впервые были созданы надежные вместилища для хранения продуктов. Однако в лесной полосе природные условия не благоприятствовали развитию земледелия и скотоводства. Поэтому на территории БССР и в эпоху неолита люди продолжали вести прежний образ жизни охотников и рыболовов. Значительное развитие рыболовства нашло свое отражение в топографии неолитических стоянок, спустившихся с высоких террас ближе к воде. Тяготение к воде — характерная особенность неолитических поселений.

Неолитический сосуд (д. Ходосовичи, уроч. Мошка. Раскопки И. И.Артеменко.)

Стоянки располагались, как правило, на первой надпойменной террасе или ее останцах, вблизи озерных и речных стариц, заливов и устьев мелких рек. Плотность неолитических стоянок была в 6 раз выше, чем мезолитических. Разведки К. М. Поликарповича показали, например, что на Соже на протяжении 19км располагалось 15 неолитических стоянок, т. е. одна стоянка приходилась на каждые 1,3км. Это, несомненно, свидетельствует о заметном увеличении численности населения. В отличие от мезолитических неолитические стоянки имеют значительный культурный слой, что является показателем прочной оседлости обитателей таких поселений. Впрочем, довольно часто попадаются и временные стойбища неолитических людей. Границы стоянок устанавливаются по находкам кремня и керамики. Размеры большинства стоянок не превышают 0,5…1 га, но встречаются стоянки, занимающие по нескольку гектаров [19, 23].

Количество открытых на территории Белоруссии неолитических стоянок очень велико, но раскопки производились на немногих из них, причем, ни одна стоянка еще не раскопана целиком. Поэтому наши знания о внешнем облике неолитических поселений и характере их застройки еще крайне скудны. Пока удалось установить наличие двух типов неолитических жилищ: землянок, открытых В. Ф. Исаенко у д. Юревичи Гомельской области, и наземных

жилищ, известных как на Припяти (исследования В. Ф. Исаенко), так и в Поднепровье (исследования И. И. Артеменко). Постройки имели небольшие размеры — 10…12 кв. м. Внутри них обнаружены выложенные из камней открытые очаги или очажные ямы. На стоянке средних размеров насчитывалось, по-видимому, до десяти жилищ.

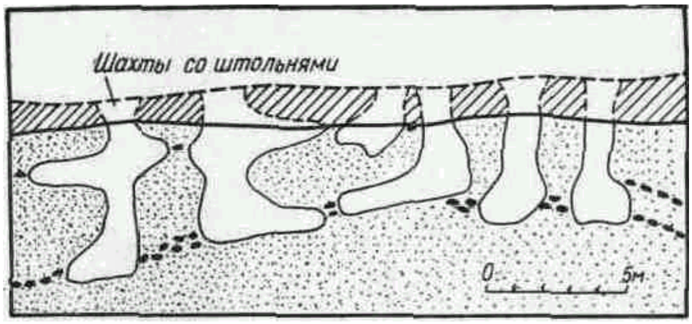

Кремневый топор из стоянки у д. Сосонка

В качестве примера можно рассмотреть материалы из раскопок неолитического поселения в урочище Сосонка недалеко от с. Лучин на Днепре. Стоянка занимала песчаную возвышенность, выступающую над поймой реки на 1,5…1,7 м. В 1956…1958 гг. И. И. Артеменко вскрыл на ней около 300м^2. В раскопках найдено 78 кремневых орудий, представленных скребками, скреблами, ножами, наконечниками стрел ромбовидной формы, наконечниками копий и дротиков, клиновидными топорами, 508 отщепов и кусков кремня со следами сколов, а также 1200 фрагментов глиняных сосудов.

Особый интерес представляет обнаруженное здесь жилище. Его размеры 3,4x3…2 м. Пол углублен в песок на 0,2…0,3 м. Посредине проследился очаг диаметром 1 м. Вокруг жилища обнаружено шесть ям от столбов, по которым можно судить, что столбы были вкопаны наклонно к центру жилища. Это указывает на конусообразную форму перекрытия [2].

В эпоху неолита в результате совершенствования приемов обработки камня и все возрастающей потребности в крупных орудиях начинается сознательная добыча сырья путем проникновения человека в недра земли. Древние разработки кремня известны в Англии, Франции, Бельгии, Польше, Скандинавии и Северной Америке. На территории СССР шахты открыты в Белоруссии возле Красного Села, недалеко от Волковыска [12]. В 20-х годах XX в. польский археолог 3. Шмит насчитал здесь не менее 1000 шахт.

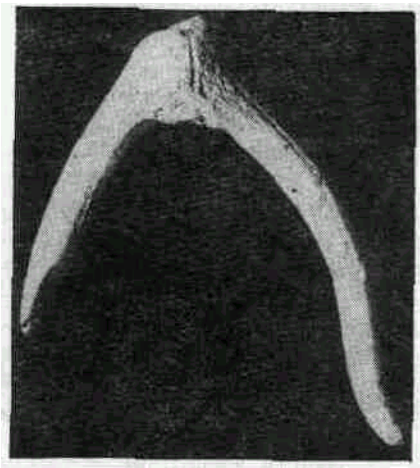
Неолитические шахты по добыванию кремня под Волковыском.

По своей конструкции шахты Красного Села напоминают английские неолитические шахты в Цисбури. При помощи костяных мотыг выкапывались стволы шахт диаметром около 1 м на глубину до 5…6 м. При обнаружении кремня ствол расширяли, превращая его в штрек. Штреки представляли собой сплошную сеть ходов. Один из прослеженных штреков имел длину 20 м. В стороны от него отходили небольшие выработки длиной 3…4 м. Диаметр штреков колебался от 0,5 до 1 м. Через определенные расстояния в штреках устраивались расширения — камеры, в которых древние шахтеры отдыхали и отбирали кремень. Камеры и штреки освещались кострами.

Помимо роговых мотыг, в пределах шахт были найдены скопления кремневых отщепов, нуклеусы преимущественно призматической формы, заготовки топоров, скребки, наконечники стрел и ножевидные пластины. Вероятная дата возникновения шахт — конец неолита, может быть, энеолит.

Недалеко от шахт были выявлены две мастерские по обработке добытого кремня. Одна мастерская занимала площадь не менее 500 м^2. Там найдены нуклеусы, заготовки орудий, отщепы и крупные кремневые конкреции. Уже первые итоги изучения белорусского кремня показали, что большинство неолитических стоянок Понеманья имеет кремень, добытый в шахтах Красного Села.

Очевидно, шахты разрабатывались на протяжении длительного времени. Об этом свидетельствует их многочисленность.

Роговая копалка из неолитической шахты под Волковыском.

На дне одной шахты на глубине 5…6м от поверхности был обнаружен человеческий скелет в полусогнутом положении, лежавший на правом боку головой на юг [28]. Возле него найдена костяная игла длиной 13,2 см и глиняный сосуд высотой 11 см, находившийся у ног с левой стороны. Сосуд плоскодонный, с высоким плавно отогнутым венчиком, по краю которого нанесен в три ряда нарезной орнамент из косых насечек, образующих «елочку». Горшок имеет аналогии в прибалтийских памятниках первой половины II тысячелетия до н. э. Пока трудно сказать определенно, было ли это специальное захоронение или результат несчастного случая. Не установлено также, синхронизируются ли эти останки с данной шахтой или относятся к более позднему времени.

Имеющиеся материалы позволяют говорить о наличии на территории Белоруссии нескольких культурных групп неолитического времени. Основным критерием для выделения неолитических культур служит керамика, характеризующаяся внешними формами сосудов, элементами и мотивами орнаментации, а также технологией изготовления. Почти вся территория Белоруссии входит в обширную этнокультурную область гребенчатой и накольчатой керамики, включающую также Польшу, Прибалтику и Валдай. Названа она так по преобладанию в орнаментации посуды ямочных наколов и оттисков гребенки.

Одной из составляющих этой культурной общности является днепро-донецкая неолитическая культура, охватывающая бассейны Среднего и Верхнего Днепра, восточного течения Припяти и лесостепное левобережье Украины. Период ее существования определяется временем от середины V до конца III тысячелетия до н. э. [26].

Основная форма посуды представлена широко открытым остродонным горшком со слаборазвитым венчиком и толстыми стенками. Для раннего этапа культуры характерно наличие растительной примеси в тесте глины. У поздней керамики растительные волокна заменяются песком или мелкой дресвой, а сами сосуды имеют более тонкие стенки и хороший обжиг.

Орнаментация сосудов очень разнообразна. Основными ее элементами являются гребенка, наколы и линии. Ямки в один или два ряда наносятся только под венчиком. Этот элемент орнамента почти обязателен для днепро-донецкой керамики. Оттиски гребенки и наколы образуют различные геометрические узоры, сводящиеся к трем основным мотивам: 1) горизонтально-линейному, когда гребенка, наколы и линии опоясывают сосуд вокруг; 2) елочно-диагональному, когда те же элементы образуют косые линии, иногда стоящие под углом друг к другу и 3) мотиву подпрямоугольных или треугольных полей, покрытых наколами или оттисками гребенки.

Орудия из камня представлены кремневыми и каменными топорами, скребками, ножами, сверлами и т. д. Основой хозяйства племен днепро-донецкой культуры были охота и рыболовство.

К днепро-донецкой культуре очень близка культура «гребенчатой керамики», памятники которой известны на обширной территории от Немана до устья Одера и средней Польши.

Восточнее Сожа располагалась особая этнокультурная область с ямочно-гребенчатой керамикой. Центром этой области был волго-окский бассейн. Посожье, по-видимому, представляло собой пограничье между нею и областью с гребенчато-накольчатой керамикой.

В позднем неолите (III…II тыс. до н. э.) археологическая карта Белоруссии представляла более пеструю картину.

На основе большой культурной общности, характеризующейся гребенчатой и накольчатой керамикой, складываются локальные неолитические культуры, в значительно большей степени отличающиеся друг от друга. Так, к западу от Немана и на территории Польши сложилась особая польская группа культуры гребенчатой керамики «младшей фазы» (в отличие от предшествовавшей ей «старшей фазы» культуры гребенчатой керамики, близкой к днепро-донецкой) с характерными формами сосудов, отличающихся большим разнообразием. Культура эта находилась под очень сильным влиянием других культур позднего неолита и ранней бронзы.

Область верхнего течения Западной Двины попадает в зону распространения памятников валдайской неолитической культуры, основное ядро которой находилось в Калининской и Новгородской областях [10].

Отличительной особенностью валдайской культуры является обилие кремневых орудий и полуфабрикатов. Из изделий особенно часто представлены ножевидные пластины. Однако руководящим типом является тесловидное орудие удлиненной формы с несколько суженной и слегка заостренной тыльной частью — так называемый «топор типа транше». Шлифованных изделий из камня мало.

Керамика остродонная. Для орнаментации характерен легкий поверхностный узор, выполненный ямками, гребенкой и линией. В композиции орнамента замечается преобладание диагонального мотива. Н. Н. Гурина датирует памятники валдайской неолитической культуры II тысячелетием до н. э. Материалов для установления нижней хронологической границы пока нет.

В юго-западных районах Белоруссии и на Волыни встречается керамика, характерная для культуры

«воронковидных кубков». Культура эта считается пришлой. В Повисленье она появляется во второй половине III тысячелетия до н. э. и продолжается до начала эпохи бронзы. Можно предполагать, что на территории Белоруссии памятники этой культуры как наиболее удаленные от ее основного центра относятся к позднему этапу существования культуры воронковидных кубков [12].

В составе кремневого инвентаря из неолитических стоянок Белоруссии нередко встречаются геометрические орудия мезолитического облика. В то же время отмечается сравнительная немногочисленность наконечников стрел, сделанных на кремневых пластинах. Это дает основание исследователям неолита говорить о генетической связи неолита Белоруссии с местным мезолитом [27]. К такому же выводу можно прийти, если сопоставить между собой ареалы неолитических и мезолитических культур. Территориальное совпадение этнокультурной области гребенчатой керамики с ареалами мезолитической культуры, характеризующейся наличием треугольных геометрических орудий, может рассматриваться как подтверждение вывода о развитии неолита Белоруссии на основе местного мезолита.

В этническом отношении состав населения Белоруссии в эпоху неолита, по-видимому, не был однородным. Изучение останков неолитических людей показало антропологические различия между носителями гребенчато-накольчатой и ямочно-гребенчатой культурами. Существует мнение, что неолитические культуры гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамики междуречья Днепра и Вислы принадлежали племенам еще нерасчлененных балтославян [25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко И. И. Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы. КСИА АН СССР, 1964, вып. 101.
2. Артеменко И. И. Неолитическое поселение в урочище Сосонка близ с. Лучин Гомельской области. КСИА АН СССР, 1964, вып. 101.
3. Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
4. Будзько В. Д. Бердыжская верхнепалеалітычная стаянка (Падлужжа І). Весці АН БССР, серыя грам. навук, 1962, № 1.
5. Будзько В. Д. Аб адноснай старажытнасці і геалагічным узросце помнікау свідэрскай культуры у Беларусі. Весці АН БССР, серыя грам. навук, 1962, № 3.
6. Будзько В. Д. Да пытання аб першапачатковым засяленні тэрыторыі БССР. (Па матэрыялах Падлужскай стаянкі.) Весці АН БССР, серыя грам. навук, 1960, № 4.
7. Будько В. Д. Палеолит Белоруссии. Автореферат диссертации. Л., 1962.
8. Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, 1950, вып. 31.
9. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962.
10. Гурина Н. Н. Валдайская неолитическая культура. СА, 1958, № 3.
11. Гурина Н. Н. Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР. СА, 1960, № 1.
12. Гурина Н. Н., Ковнурко Г. М. Шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии. СА, 1964, № 2.
13. Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953.
14. Кларк Дж. Г. Доисторическая Европа. М., 1953.
15. Кравченко И. С. Итоги и задачи археологического изучения БССР. Тез. докл., посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М,, 1962.
16. Кухаренко Ю. В. Первобытные памятники Полесья. М., 1962.
17. Осборн Г. Ф. Человек древнего каменного века. Среда, жизнь, искусство. М., 1924.
18. Поликарпович К. М. Вынікі археалагічных даследаванняу на тэрыторыі Беларусі пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі. Весці АН БССР, серыя грам. навук, 1947, № 1.
19. Поликарпович К. М. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Южняга Сожа па доследах 1926 г. Затек аддзела гуман. навук, кн. 5. Менск, 1928.
20. Поликарпович К. М. К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье. Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957.
21. Поликарпович К. М. Палеаліт і мезаліт БССР і некаторых суседніх краін Верхняга Падняпроуя. Працы секцы археалогіі БАН, т. 111. Минск, 1932.
22. Поликарпович К. М. Праблема палеаліта у Беларусі Матэрыялы юбілейнай сесіі АН БССР. Мінск, 1950.
23.Поликарпович К. М. Стоянки среднего Посожья. Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957.
24. Поликарпович К. М. Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в БССР. БКИЧП, № 6—7. М.—Л., 1940.
25. Телегин Д. Я. Об этнической принадлежности днепро-донецкой культуры. Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М., 1964.
26. Телегин Д. Я. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, .№ 4.
27. Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
28. Чернявский М. М. Старажытныя шахты па здабычы крэменю. Весці АН БССР, 1963, .№ 3.

III. БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Глава 2 БРОНЗОВЫЙ ВЕК БЕЛОРУССИИ

В IV тысячелетии до н. э. люди научились изготавливать орудия из металла. Первым металлом была медь, появление которой, однако, не привело к исчезновению каменных орудий. Медь была слишком редким и главное слишком мягким материалом, чтобы вытеснить камень. Поэтому начальная пора эпохи металла носит название медно-каменного века или энеолита.

С изобретением бронзы, представляющей собой сплав меди и олова, начался бронзовый век. Бронза имеет ряд существенных преимуществ перед медью: она тверда, плавится при сравнительно низкой температуре 700…900°C, достижимой в обычных кострах, застывая, хорошо принимает форму.

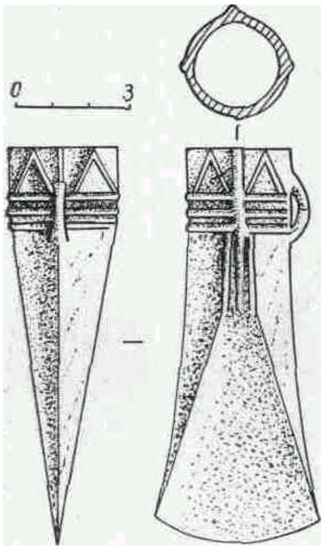

Бронзовый топор.

В Европе бронзовый век приходится в основном на II тысячелетие до н. э., продолжаясь во многих районах и в первой половине I тысячелетия до н. э. Открытие способа получения бронзы происходило, очевидно, во многих странах независимо друг от друга, но распространился бронзовый век прежде всего там, где имелись в наличии оба компонента бронзы — медь и олово или его заменитель. На территории же Белоруссии нет ни меди, ни олова.

Бронзовый нож. (Ходосовичи. Раскопки И. И. Артеменко.)

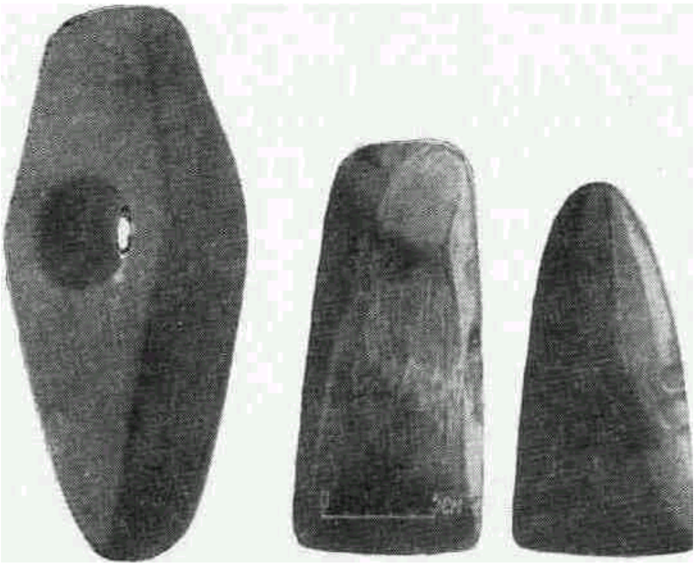

Бронзовый топор. (Минская область. Случайная находка.)

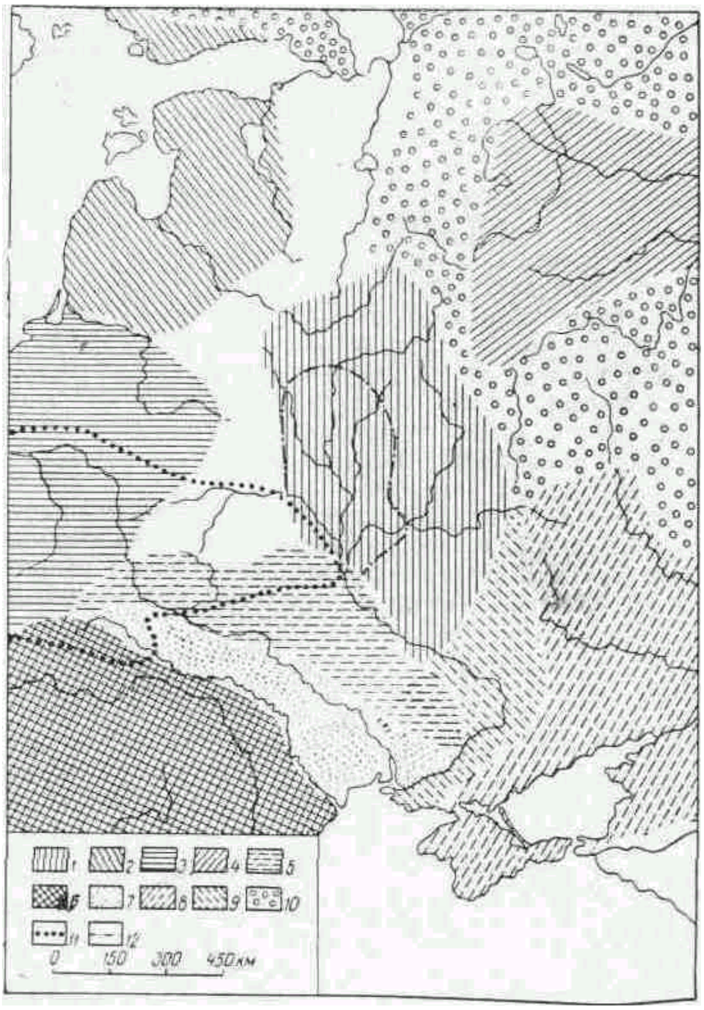
Археологическим признаком местного производства бронзовых изделий являются находки тиглей, в которых плавилась бронза, льячек, которыми она разливалась, и формочек, в которых отливались вещи. Из бронзы изготовляли топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий, серпы, украшения, всевозможную утварь. Несмотря на огромное историческое значение появления металлургии бронзы, существенных изменений в технике тогда не произошло. Бронза, как и медь, не могла вытеснить камня, который по-прежнему оставался основным материалом для изготовления орудий производства и оружия. Обработка камня достигает в этот период наивысшего совершенства. Именно с этим временем связано происхождение большей части полированных каменных топоров.

Вместе с тем с бронзовым веком связан ряд очень важных перемен в хозяйстве и общественных отношениях. Новым явлением в экономике европейских племен становится все возрастающее значение скотоводства, приведшее, в конце концов, к выделению пастушеских племен. Это было первое крупное общественное разделение труда. Во многих областях Европы бронзовый век знаменовал собой конец древней экономики, основанной на присвоении готовых продуктов природы, и переход к производящим хозяйствам. Скотоводство создало новые источники существования. Оно увеличило количество и изменило характер средств жизни, впервые создав условия для регулярного обмена между племенами. Вместе с ростом производства очень быстро увеличивалась численность населения, что приводило порой к конфликту с возможностями производства. Избыточное население, как отмечал К. Маркс, оказывало давление на производительные силы и «было вынуждено совершать те полные приключений великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы». (К. Маркс. Вынужденная эмиграция. Сб. «К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии». М., 1952, стр. 333.)

Археологические материалы очень наглядно отражают эти массовые перемещения населения в эпоху бронзы. Конец III и II тысячелетия до н. э. могут быть названы временем первого великого переселения народов.

Каменные топоры эпохи бронзы.

Археологические культуры конца III…II тысячелетия до н. э.
1 — среднеднепровская; 2 — боевых топоров; 3 — шаровидных амфор; 4— фатьяновская; 5 — волыно-мегалитическая; 6 — трипольская; 7 — усатовская 8 — ямочно-катакомбная; 9 — нижнеднепровская; 10 — культуры с ямочно-гребенчатой или гребенчатой керамикой; 11 — границы тшинецкой культуры; 12 — границы сосницкой культуры.

Утверждение скотоводческого хозяйства привело в общественных отношениях к замене матриархального строя патриархальным. Главою рода и семьи становится мужчина.

Хотя на территории Белоруссии нет своей сырьевой базы для бронзовой металлургии, сопутствующие бронзовому веку новые явления в хозяйственной и общественной жизни племен нашли здесь свое отражение в археологическом материале.

На территории Белоруссии в бронзовом веке известно несколько культур скотоводческих племен. Бок о бок с ними продолжали существовать неолитические культуры с прежним охотническо-рыболовческим укладом. Распространение новых культур, по-видимому, сопровождалось значительной сменой этнического состава населения.

Изучение культур бронзового века на территории Белоруссии по существу только началось. Большая часть культур пока только выделена. Исключение, пожалуй, составляет среднеднепровская культура ранней бронзы.

Среднеднепровская культура

В конце III… начале II тысячелетия до н. э. на территорию Верхнего Поднепровья проникают и расселяются скотоводческо-земледельческие племена эпохи бронзы. Местное население некоторое время сосуществует с пришлыми племенами, но затем постепенно ассимилируется ими.

Как показали исследования И. И. Артеменко [5], первоначальной областью обитания среднеднепровских племен было правобережье среднего Поднепровья в пределах Киевской и Черкасской областей. Там находятся наиболее ранние памятники этой культуры, представленные курганами с трупоположениями. Инвентарь курганов представлен керамикой и каменными сверлеными топорами. Наиболее характерной формой сосудов являются горшки с шаровидным туловом, невысокой прямой, отогнутой наружу шейкой и круглым или уплощенным дном. Орнамент представлен отпечатками шнура и нарезными линиями, образующими горизонтальные ряды, елочные композиции и опущенные вниз вершиной заштрихованные треугольники. Дальнейшее развитие описанного типа сосуда идет по линии удлинения шейки и усложнения орнамента.

Каменные топоры относятся в основном к трем различным видам — клиновидным, ромбическим и обушковым. Все они имеют просверленное отверстие для насаживания на деревянную рукоятку.

На территории Белоруссии памятников раннего этапа нет. Все известные памятники среднеднепровской культуры здесь относятся к позднему этапу. Они несколько отличаются от южных памятников этой поры. Сосуды среднеднепровской культуры, поэтому их выделяют в особый днепро-деснинский вариант позднего этапа среднеднепровской культуры.

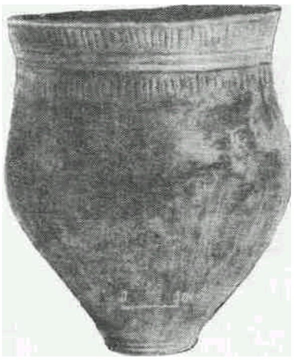
Поселения этой культуры расположены в поймах рек на песчаных дюнах или останцах, по краю боровой террасы, на высоких мысах, часто на площади предшествовавших им поздненеолитических поселений. Это были небольшие поселки, застроенные наземными, по-видимому, деревянными жилищами, внутри которых обнаруживаются выложенные из камней открытые очаги.

На поселениях найдена керамика, кремневые скребки, ножи, скребла, наконечники стрел, клиновидные топоры, каменные зернотерки, растиральники, сверленые топоры. Раскопкам были подвергнуты поселения в урочищах Завалье, Иванское, Борок Семиновский у с. Лучин Рогачевского района, в урочище Ксендзова Гора, возле Быхова Могилевской области и в некоторых других местах. Культурный слой там составляет в среднем 0,30…0,35 м.

Погребения днепро-деснинского варианта позднего этапа среднеднепровской культуры представлены курганными и грунтовыми могильниками с обрядом трупоположения и трупосожжения.

Курганные могильники с трупоположением располагаются на плато, в пойме реки или по краю надпойменной террасы.

Сосуды среднеднепровской культуры.

Насыпи курганов в плане имеют круглую форму диаметром от 12 до 30 м. Высота их от 0,45 до 3 м. Захоронения встречаются либо в насыпи кургана, либо на горизонте, либо в яме под курганом. Последний обряд встречается чаще других. В курганах бывает от одного до четырех захоронений. Могильные ямы имеют глубину от 0,5 до 2 м. Сверху они перекрывались деревянным накатником, поверх которого насыпалась зола. В некоторых курганах были прослежены остатки каких-то деревянных сооружений над могильными ямами. Иногда, прежде чем вырыть погребальную яму, раскладывался костер, и обжигалась земля. Огню, очевидно, приписывалась очистительная сила. В сохранившихся остатках кострищ встречались кости домашних и диких животных, а также обожженные речные раковины, которые следует рассматривать как остатки тризны. На дне могил прослежены остатки дерева, подстилки из камыша или бересты, подсыпки золой, а в некоторых курганах — красная минеральная краска охра.

Наиболее распространенными являются курганные захоронения с положением костяка на левом или на правом боку с согнутыми ногами. Для области Верхнего Поднепровья характерна ориентировка погребенного головой либо на север, либо на юг. Южнее распространена ориентировка на запад. В этом, возможно, следует усматривать существование двух локальных вариантов памятников позднего этапа среднеднепровской культуры [5].

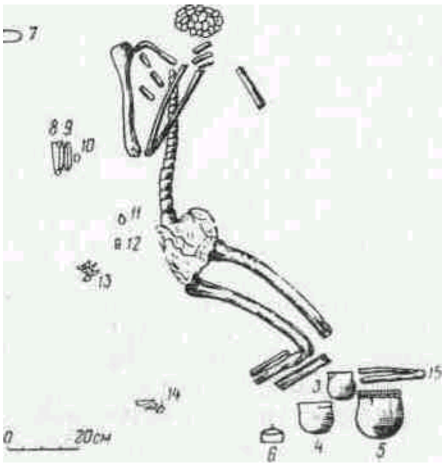
Обычно погребения сопровождались разнообразным инвентарем: глиняной посудой, каменными и медными орудиями труда, оружием и украшениями. В одном из курганов были найдены следующие вещи: глиняный сосуд, медный топор, наконечник копья и две очковидные подвески, четыре кремневых ножа, клиновидный топор, 27 наконечников стрел, сверленый боевой топор, обломок топора, полировальная плита, отщеп кремня, янтарная подвеска, костяная проколка [2]. Но наряду с такими встречаются погребения, содержащие мало вещей или вообще без них. Это свидетельствует о существовании имущественной дифференциации у племен среднеднепровской культуры. Курганы с трупосожжением изучены хуже.

На позднем этапе среднеднепровской культуры распространился обряд погребений в грунтовых могилах.

Судя по составу находок, одновременно существовали обряды трупоположения и трупосожжения. Никаких локальных особенностей не замечено. Инвентарь погребений однообразен и состоит из посуды, каменных и медных орудий труда, оружия и украшений. Грунтовые погребения с трупоположением известны на территории Белоруссии у совхоза «Вейна» около Могилева, у с. Велятичи Борисовского района Минской области, у с. Горожа и с. Ставище Осиповичского района, у с. Большая Зимница Славгородского района Могилевской области. Однако эти могильники были обнаружены при случайных земляных работах и раскопкам не подвергались.

Медная диадема из погребения. (Стрелица. Раскопки И. И. Артеменко.)

План погребения среднеднепровской культуры.

Нумерации нет

Важным определяющим признаком среднеднепровской культуры является своеобразная керамика. Предметы позднего этапа значительно отличаются по формам и орнаментации от сосудов раннего этапа. Эти различия прослеживаются и между южным киевским и северным днепро-деснинским вариантами позднего этапа среднеднепровской культуры, выделяющимися также различной ориентировкой погребенных.

В керамическом материале можно выделить пять групп. К первой относятся сосуды, встреченные пока только на поселениях. Они толстостенные и плоскодонные, имеют округлое тулово и прямую отогнутую шейку. Тесто песчанистое с большим содержанием кварцита. Обжиг неравномерный. Цвет сосудов красновато- и серовато-коричневый. Орнамент имеется обычно только в верхней части и состоит из отпечатков веревочки, линейного и зубчатого штампа, палочки, обмотанной тонкой веревочкой, и нарезных линий, образующих заштрихованные треугольники, елочные композиции, горизонтальные и диагональные ряды.

Вторая группа представлена тонкостенными круглодонными и плоскодонными сосудами, насчитывающими не менее пяти различных форм. Поверхность сосудов желтого и серого цвета, как правило, всегда хорошо заглажена. Для орнамента, выполненного отпечатками веревочки и нарезными линиями, характерны мотивы заштрихованных треугольников с соприкасающимися сторонами. Сосуды второй группы встречаются как на поселениях, так и в погребениях. Однако более характерны они для погребений. Наиболее распространенной формой этой группы керамики является горшок с шаровидным туловом, круглым или уплощенным дном и высокой отогнутой наружу шейкой. Другая форма представлена сосудами с удлиненно-округлым туловом, короткой хорошо выраженной шейкой. Затем имеются сосуды колоколовидной формы с низкими угловатыми плечиками, широкой шейкой, с круглым или небольшим плоским дном. Новую форму составляют сосуды с шаровидным туловом и короткой, слегка отогнутой шейкой. Наконец, имеются открытые плоскодонные сосуды с короткой прямой, отогнутой наружу шейкой и округлыми плечиками.

К третьей группе керамики, одинаково представленной в материалах поселений и могильников, относятся плоскодонные сосуды баночной формы с расширяющимися кверху прямыми стенками.

Четвертую группу составляют круглодонные сосуды с прямыми стенками без шейки.

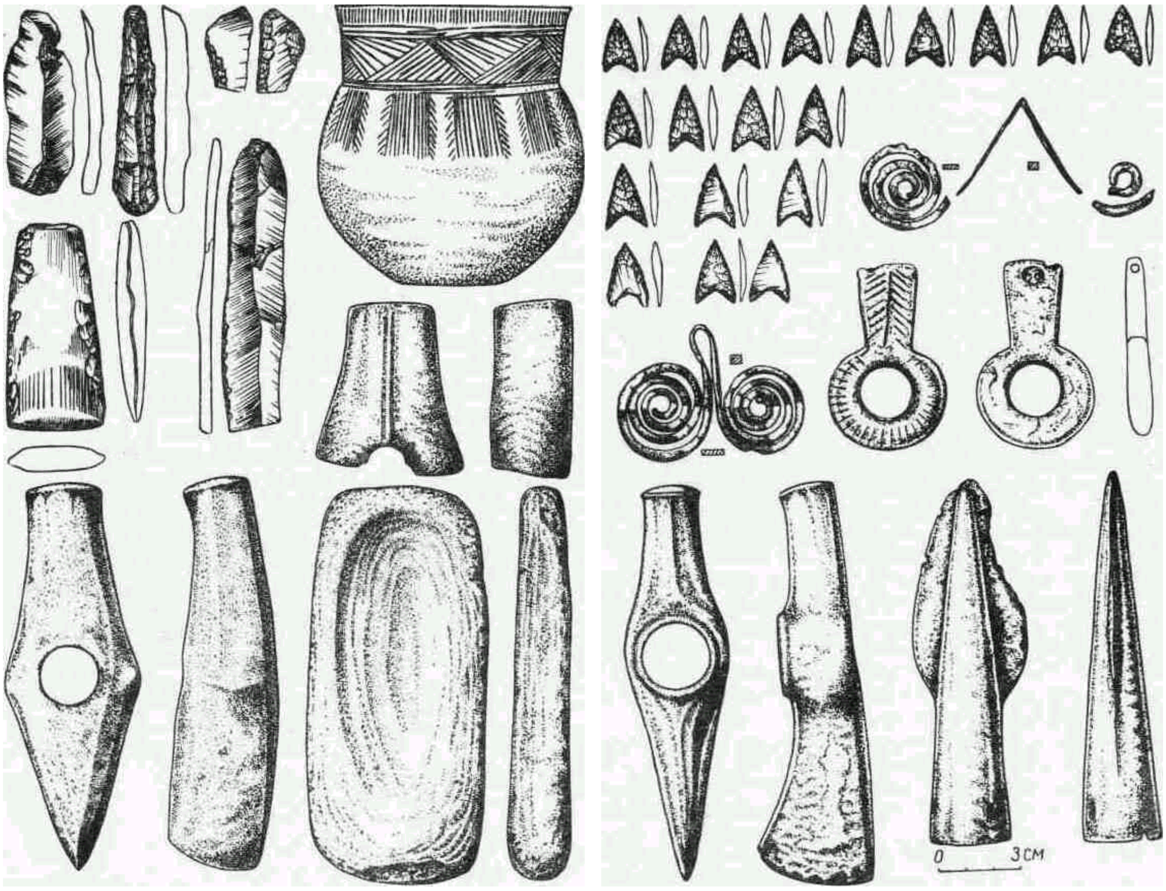
В пятую группу входят плоскодонные сосуды цилиндрической (бокаловидной) формы. Однако они, по-видимому, характерны для киевского варианта среднеднепровской культуры.

Изделия из металла немногочисленны. Сделаны они, как показал спектральный анализ, из кавказской бронзы и меди юго-западного (прикарпатского) происхождения [2, 5]. Найдены шилья, медный нож, близкий по типу к катакомбным и северокавказским ножам, медные топоры. Один топор имел кавказскую вислообушную форму,

другой — ладьевидную.

Оружие представлено также медным наконечником копья с листовидным пером и круглой литой втулкой, на которой имеются два отверстия для закрепления наконечника на древке. Из украшений известны очковидные привески, височные кольца и браслеты с суживающимися и заходящими друг за друга концами.

Большую группу находок составляют изделия из камня, который по-прежнему был основным материалом. Тремя типами представлены сверленые топоры; обушковым, лопастным и ладьевидным. Более всего распространены обушковые, менее всего — ладьевидные. Последние, по-видимому, вообще не характерны для среднеднепровской культуры. Найдены также ножи, наконечники стрел и копий, скребки, большие песчаниковые плитки, на которых производилась полировка каменных и костяных изделий.

Инвентарь одного погребения среднеднепровской культуры. (Д. Ходосовичи, уроч. Мошка. Раскопки И. И. Артеменко.)

Среди изделий из кости — пронизи из трубчатых костей, украшенные винтовой нарезкой, подвески-амулеты из зубов животных, молоточкообразные костяные булавки, известные в памятниках катакомбной культуры. Следует отметить также подвески из прибалтийского янтаря, имеющие близкие аналогии в памятниках культуры шаровидных амфор.

Анализ всей совокупности материалов свидетельствует о том, что основу хозяйства племен среднеднепровской культуры составляло домашнее скотоводство (найдены кости мелкого и крупного рогатого скота, лошади и свиньи) и земледелие.

О занятиях земледелием свидетельствуют найденные обломки зернотерок, каменная мотыга, а также отпечатки выгоревших зерен пшеницы, обнаруженные на некоторых сосудах. Можно предполагать, что земледелие существовало в форме подсечно-огневой системы.

Конечно, определенную роль в хозяйственной жизни среднеднепровских племен по-прежнему играли охота и рыболовство, дополняемые собирательством. Судя по остаткам костей, охотились на оленя, кабана и бобра.

Археологические материалы указывают на широкие связи среднеднепровских племен с прибалтийскими племенами культуры шаровидных амфор, с волынскими племенами мегалитической культуры, племенами катакомбной культуры, а через них — с Северным Кавказом [5]. Видимо, тесные связи осуществлялись и с племенами фатьяновской культуры.

В общественном строе, несомненно, господствовали патриархально-родовые отношения с уже достаточно заметной имущественной дифференциацией. Для идеологии характерны господство культа солнца и огня, вера в загробную жизнь.

Вопрос о происхождении среднеднепровской культуры пока еще является объектом дискуссии. Поскольку среднеднепровская культура входит в область распространения среднеевропейских «культур шнуровой керамики» или «культур боевых топоров», которые большинством лингвистов, археологов и антропологов рассматриваются в качестве культур одной из групп древних индоевропейцев — предков славян, балтов и германцев,— вопрос о ее происхождении теснейшим образом связан с общей проблемой происхождения индоевропейских народов.

Теперь представляется бесспорным, что на территории Белоруссии племена среднеднепровской культуры

были пришлыми. Это отнюдь не означает, что новая культура не впитала в себя некоторые элементы местных культур. Сопоставление с украинскими материалами раннего этапа убедительно показывает хронологическое различие между киевским и днепро-деснинским вариантами. Но в отношении истоков формирования среднеднепровской культуры высказано несколько различных мнений. В. А. Городцов в свое время рассматривал среднеднепровскую культуру в качестве «колонии» одной из среднеевропейских культур. В свете новых данных эта точка зрения не может быть принята хотя бы потому, что среднеднепровская культура сложилась раньше, чем европейские культуры «боевых топоров». По мнению Т. С. Пассек [11], среднеднепровская культура сложилась на базе древней культуры скотоводческо-земледельческих племен позднего триполья в процессе сложных культурно-исторических скрещений. А. Я. Брюсов [6] происхождение всех «культур боевых топоров» связывает с катакомбной культурой юга Европейской части СССР. Иное толкование проблеме дает Артеменко. По его мнению, источники формирования среднеднепровской культуры следует искать в северных районах Среднего Поднепровья, где распространены наиболее ранние памятники этой культуры. Известно, что здесь им предшествовали памятники ямной культуры. Артеменко обращает внимание на сходство погребального обряда, некоторых форм керамики и орнаментации культур ямной и среднеднепровской. Это дает ему основания говорить о формировании среднеднепровской культуры на основе ямной культуры. Дальнейшее ее развитие проходило во взаимодействии с катакомбной и Волынской мегалитическими культурами, а также с киево-софийской группой памятников позднего триполья [5].

Среднеднепровская культура просуществовала приблизительно до середины II тысячелетия до н. э. В середине II тысячелетия до н. э. на ее основе сложилась сосницкая культура.

Сосницкая культура

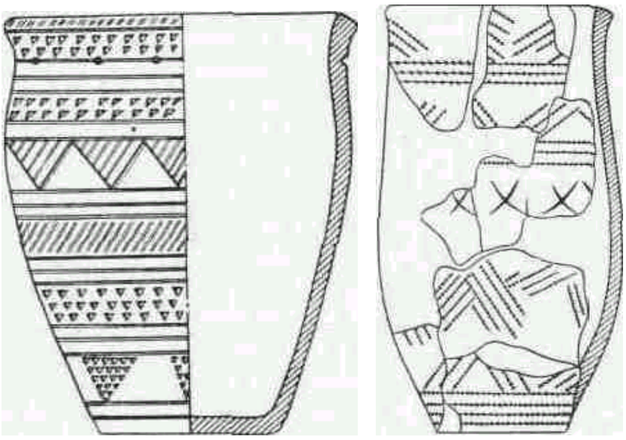
Памятники сосницкой культуры распространены почти на той же территории, что и среднеднепровские. Сейчас они выявлены на Верхнем Днепре, Соже, Десне, Сейме, Суле и Нижней Припяти.

Свое название культура получила по поселению Сосница на Украине.

Изучена сосницкая культура пока еще очень слабо. Известны поселения и могильники. Поселения, как и в предшествующее время, располагались в пойме реки, на песчаных дюнах или останцах и на высоких мысах [1]. На территории Белоруссии поселения сосницкого типа обнаружены у д. Мохов и д. Присно [4], возле д. Горошков Речицкого района и д. Гадиловичи Рогачевского района Гомельской области [3] и в других местах.

Жилища известны двух типов — наземные и землянки с очагами внутри. В раскопках, которые пока носили ограниченный характер, найдены керамика, обломки каменных сверленых топоров, клиновидные топоры, кремневые ножи, наконечники стрел, скребки. Этих материалов еще явно недостаточно для сколько-нибудь подробной характеристики культуры и ее особенностей.

Сосницкая керамика представлена высокими плоскодонными горшками со слабо выпуклым туловом и отогнутыми венчиками, у которых край утолщен и косо срезан наружу. Стенки сосудов красного и желтого цвета, в глине содержится примесь песка, обжиг хороший. Наружная поверхность сосудов хорошо заглажена. В отличие от керамики среднеднепровской культуры сосницкая керамика орнаментирована, как правило, по всей поверхности. Орнамент отличается большим разнообразием: отпечатки крупного и мелкого шнура, короткие насечки, мелкие углубления, нарезные линии, линейный и зубчатый штампы и другие. Различные элементы орнамента образуют горизонтальные ряды, елочные композиции, заштрихованные треугольники. Последний мотив указывает на связь сосницкой культуры со среднеднепровской.

Сосуды сосницкой культуры.

Могильники сосницкой культуры изучены недостаточно. Известны погребения с трупоположением и трупосожжением. Четыре погребения с трупосожжением были обнаружены И. И. Артеменко во время раскопок поздненеолитической стоянки в урочище Сосонка около д. Лучин Рогачевского района Гомельской области. Погребения находились в культурном слое стоянки на глубине 0,4…0,5 м и представляли собой скопления золы и кальцинированных костей, вместе с которыми находились глиняные сосуды. Из четырех сосудов один имел форму и орнамент среднеднепровского горшка. Три остальных могут быть отнесены к керамике сосницкой культуры, хотя в некоторых элементах орнамента отчетливо заметны среднеднепровские черты [4].

Как в хозяйственном отношении, так и по форме общественного устройства и идеологии племена сосницкой культуры, по-видимому, мало чем отличались от своих предшественников.

Анализ керамического материала дает основания для предположения, что памятники сосницкой культуры

представляют собой дальнейший этап развития культуры периода ранней бронзы на этой территории [3].

Последующие судьбы сосницкой культуры еще не выяснены. До сих пор остается неизученным поздний этап бронзового века Белоруссии и отношение его культур к культурам раннего железного века.

Полесская группа культуры шнуровой керамики

В начале II тысячелетия до н. э. в юго-западной Белоруссии в Полесье распространяются памятники особого варианта культуры шнуровой керамики, сочетающие в себе элементы висло-неманской и днепровских групп памятников со шнуровой керамикой [10], которые связываются большинством ученых с древнейшими индоевропейскими племенами.

Полесская группа памятников шнуровой керамики выявлена, но еще не изучена. Поселения племен, оставивших эти памятники, занимали песчаные всхолмления, заболоченные поймы рек и приозерные дюны. Могильники пока не обнаружены.

Наиболее характерным элементом культуры является керамика. По характеру глины и манере орнаментации можно выделить две группы керамики. Для первой характерны тонкостенные, хорошо обожженные сосуды коричневого цвета. В глине содержатся значительные примеси песка и мелких зерен кварца. Внутренняя поверхность сосудов хорошо сглажена. Орнамент состоит из отпечатков шнура, реже — мелкого гребенчатого штампа. Иногда в орнаментации сочетаются оба эти элемента. Имеются сосуды с небольшими ушками.

Другую группу керамики составляют сосуды, изготовленные из желто-красной глины, содержащей примесь песка. Они имеют более толстые тщательно заглаженные с обеих сторон стенки. В орнаменте отличительным элементом является подкововидный отпечаток шнура, сопровождающийся обычно горизонтальным шнуровым орнаментом или косыми отпечатками тонкого гребенчатого штампа.

Частой находкой в области распространения памятников шнуровой керамики являются каменные топоры, но они, как правило, найдены при случайных земляных работах, не связанных с археологическими раскопками. Можно предполагать, что большая их часть относится к эпохе бронзы.

Каменные шлифованные топоры представлены двумя основными типами: клиновидными широкообушными и ромбовидными с усеченным обухом. Такие топоры очень характерны для висло-неманской группы культур шнуровой керамики. Встречаются также ромбовидные двухлезвийные топоры. Возле д. Хорево найдена каменная мотыга. Часты находки кремневых клиновидных шлифованных топоров с толстым обухом. Из каменных орудий можно также отметить серповидные кремневые ножи и наконечники копий.

В середине II тысячелетия до н. э. на территории припятского Полесья распространились памятники тшинецкой культуры, которые вскоре получают преобладание в такой степени, что предшествующие там были обнаружены отдельные бронзовые изделия среднеевропейских форм. Так, недалеко от Новогрудка на правобережье Немана были найдены бронзовые ножи, кельт, меч и др. [9]. Можно отметить, что преимущественно ко II тысячелетию до н. э. относится распространение на той территории керамики, покрытой штрихами, хорошо известной в литовских памятниках этого времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко И. И. Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы. КСИА АН СССР, 1964, вып. 101.

2.Артеменко И. И. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. В кн.: «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964. -

3. Артеменко И. И. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. КСИИМК, 1960, вып. 78.

4. Артеменко И. И. Поселение бронзового века на Кузиной Горе. СА, 1961, № 2.

5. Артеменко И. И. Среднеднепровская культура. СА, 1961. № 2.

6. Брюсов А. Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия да н. э. СА, 1961, № 3.

7. Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

8. Городцов В. А. Бронзовый век на территории СССР, БСЭ, VII, М., 1927.

9. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Полесья. М.—Л., 1962.

10. Кухаренко Ю. В. Первобытные памятники Полесья. М., 1962.

11. Пассек Т. С. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, 1947, вып. 16.

12. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1952.

13. Чаилд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

IV. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

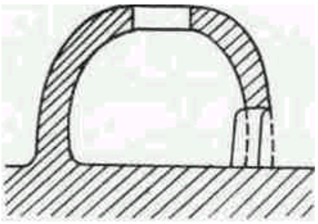
Глава 3 ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БЕЛОРУССИИ

Около середины I тысячелетия до н. э. племена, населявшие территорию Белоруссии, вступили в эпоху железного века. Наиболее ранние свидетельства появления здесь железа относятся к VII—VI вв. до н. э. и встречены в южной Белоруссии. Древнейшие памятники железного века центральной, северной и северо-восточной Белоруссии пока ограничены V—IV вв. до н. э.

Началом железного века считают открытие и широкое распространение эффективного способа получения железа из бурых железняков, озерных, болотных, луговых и других руд посредством так называемого сыродутного процесса.

Известно, что железо, исключая метеоритное, не встречается в природе в чистом виде. Получить его можно только из руд, в которых оно находится в состоянии окисления. Несмотря на повсеместную распространенность различных железных руд, способы выделения металлического железа долгое время оказывались недоступными из-за высокой температуры плавления железа (1530°С). Только в конце эпохи бронзы появились специальные печи, в которых путем нагнетания воздуха удавалось получить температуру около 1200°С. Этого уже было достаточно, чтобы расплавить всевозможные примеси, содержащиеся в железной руде.

Печи для получения железа называют домницами. Конструкция их различна. На городище Кимия был обнаружен очень примитивный и, по-видимому, наиболее ранний тип печи, представлявший собой яму около 1 м диаметром, обмазанную глиной. Сильная обожженность глины и обилие шлаков, разбросанных вокруг ямы, свидетельствуют о ее назначении [2]. Поскольку никаких следов приспособлений для дутья не выявлено, можно предполагать, что приток воздуха к печам подобного типа был естественным, для чего печи располагались на подветренных местах. По мнению Б. А. Рыбакова, такая печь не имела особых преимуществ по сравнению с обычным очагом [3].

Домница с Лабенского городища. (Разрез.)

Классическая домница представляет собой полое сооружение, сбитое из глины или сложенное из камня и обмазанное глиной, с одним или несколькими отверстиями в нижней части, куда вставлялись глиняные трубки-сопла, соединенные с воздуходувными мехами. Процесс получения в такой домнице железа представляется в следующем виде.

Руда предварительно обжигалась на костре и механически измельчалась. Затем она перемешивалась с древесным углем (получали его, вероятно, в угольных ямах) и загружалась в домницу. В результате неполного сгорания угля образовывалась окись углерода, которая, поднимаясь вверх, нагревала вышележащие руду и уголь и вступала в реакцию с окисью железа, отнимая от нее кислород. Происходил химический процесс, обратный окислению — восстановление окиси железа в металлическое железо. Порода руды шлакировалась, плавилась и стекала на дно домницы. Сам же металл только размягчался, образуя пористую массу — крицу, состоящую из слипшихся зерен железа и пропитанную некоторым количеством шлака. Для достижения и поддерживания высокой температуры в печи и для нормального хода процесса восстановления необходимо было постоянное искусственное нагнетание воздуха — дутье.

По окончании дутья печь разбирали или выламывали отверстие внизу для извлечения металла. Полученное железо еще не было пригодно для употребления. Его предстояло очистить от шлака и уплотнить. Это достигалось проковкой.

На основании опыта физического моделирования сыродутного процесса, проделанного недавно археологами, можно предполагать, что выход металлического железа из руды составлял больше 20% [1].

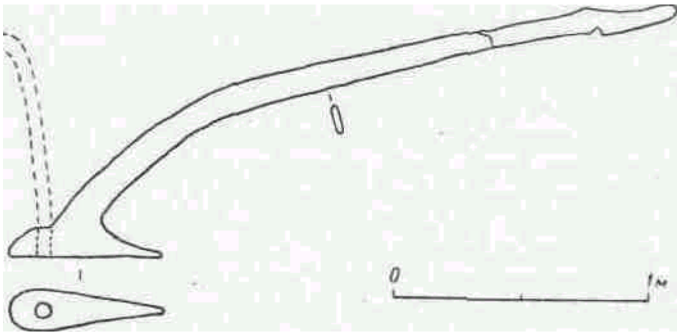
Хорошо сохранившаяся наземная домница была открыта на Лабенском городище недалеко от Минска [2]. Печь была сделана из глины. В плане она имела округлую форму с внутренним диаметром 60 см, толщиной стенок 5…10 см. Верх печи был сводчатым. Почти на уровне земли имелись горизонтальные отверстия для сопел.

При определенных условиях в сыродутной печи или кузнечном горне в результате дополнительного науглероживания могла получаться сырцовая сталь. Качество ее можно было значительно улучшить многократным нагреванием и проковкой.

Железный век сравнительно быстро установился на территории Белоруссии. Специальные археологические обследования, проведенные в 30-х годах белорусскими археологами А. Н. Лявданским и К. М. Поликарповичем, установили, что почти на каждом поселении той поры существовала местная обработка железа.

Железо имеет преимущества перед всеми другими материалами. Твердость и повсеместная распространенность обеспечили ему быстрое господство. Развитие бронзовой металлургии, как известно, зависело от наличия местного сырья или от организации его подвоза. Отсутствие местного сырья сдерживало развитие на территории Белоруссии связанной с бронзой экономики. Нерегулярность поступления и ограниченность путей, по которым бронза попадала на территорию Белоруссии, в значительной мере объясняют различия в экономической географии отдельных районов в ту эпоху. В железном веке все племена в этом отношении оказались в равных условиях: железная руда есть везде. Железо смогло окончательно вытеснить камень и обеспечить условия для развития

хозяйства. Именно в железном веке произошла быстрая и повсеместная смена господствовавшей до этого на большей части Белоруссии древней экономики, основанной на охоте и рыболовстве, экономикой производящей, в которой сначала повсеместно заметно преобладание скотоводства, но в дальнейшем на передний план постепенно выдвигается земледелие.

Кривогрядильное рало. (Д. Каплановичи Минской области.)

Развитие земледельческого хозяйства сильно сдерживалось малым плодородием белорусских почв, представленных главным образом подзолами, супесями и суглинками, а также обилием лесных пространств. Тем не менее, имеются неоспоримые свидетельства раннего появления пашенного земледелия на территории Белоруссии. Так, возле д. Каплановичи Несвижского района Минской области в торфянике на глубине 1,5 м было найдено кривогрядильное рало с горизонтальным ползуном, сделанное целиком из дубовой рассохи. Длина грядиля — 2,3 м, ползуна — 60 см. В пятке ползуна имеется сквозное круглое отверстие, в котором должен был крепиться стояк с рукояткой.

Рала подобного типа найдены в торфянике в Брянской области, в болотах Польши, Северной Германии, Дании, Северной Ютландии и южной Швеции. Анализ пыльцы с некоторых рал позволил отнести их к самому началу железного века. В южной Швеции имеется наскальное изображение кривогрядильного рала, приводимого в действие с помощью запряженных в ярмо двух быков. Этот рисунок относится к бронзовому веку. Есть основания считать, что рало применялось для перекрестного вспахивания, при котором поле не нуждается в усиленном бороновании. Земледельческое хозяйство быстрее развилось в южных районах Белоруссии, что, возможно, объясняется более древними традициями здесь местных производящих хозяйств, восходящих еще к эпохе бронзы. В начале железного века сохраняется, таким образом, известное различие в хозяйственном развитии между отдельными областями Белоруссии.

В эпоху железа почти все орудия труда были заменены железными. Из железа изготовлялись топоры, серпы, ножи, долота, оружие, украшения и т. п. Но особое значение, несомненно, имел железный топор, ставший в известной мере технической предпосылкой развития земледелия в лесных районах. С помощью железного топора стало возможным расчищать под пашню обширные лесные пространства. Сложилась так называемая подсечная система земледелия. Срубленные на корню деревья высушивались и сжигались. Зола давала земле удобрение. Почва разравнивалась и немного взрыхлялась бороной-суковаткой. Во многих местах землеобработка ограничивалась заборонованием семян в золу сгоревших деревьев. На таком поле урожай снимался в течение пяти-шести лет, после чего оно забрасывалось и подготавливалось новое поле.

Основным земледельческим орудием в лесных районах считается соха, снабженная железным наконечником — сошником. В южных районах Белоруссии получил распространение плуг с железным лемехом и череслом — специальным ножом для разрезания дерна. Но оснащенные металлическими наконечниками соха и плуг, как свидетельствуют имеющиеся археологические материалы, стали широко применяться на территории Белоруссии в основном в I тысячелетии н. э. Обычными находками, связанными с земледелием, являются железные серпы и каменные зернотерки. При раскопках в Белоруссии поселений железного века найдены зерна проса, пшеницы, гороха, вики. Есть основания предполагать выращивание в это время корнеплодов, в частности репы.

И земледелие, и скотоводство были теснейшим образом связаны между собой.

Появление железных орудий вызвало значительный прогресс в обработке кости, дерева, кожи, цветных металлов. Несомненный шаг вперед сделала строительная техника. К железному веку, очевидно, восходят первые срубные дома. Хотя дерево при раскопках, как правило, почти не сохраняется, можно предполагать, что оно широко использовалось для различных хозяйственных и бытовых нужд.

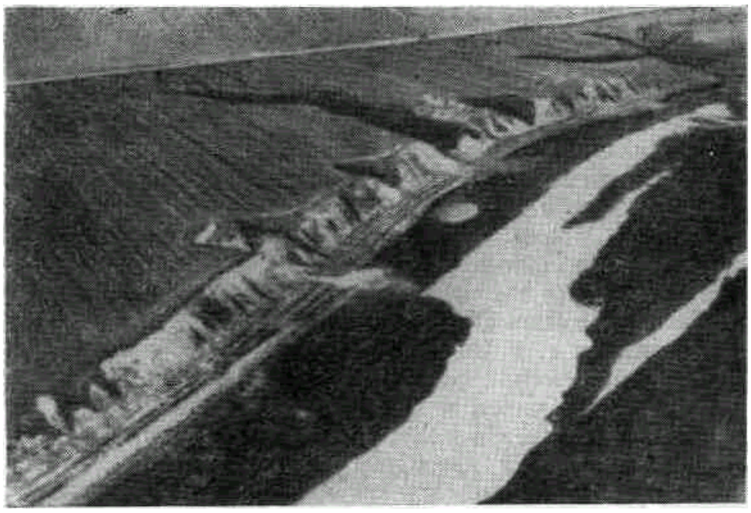
Значительно большее развитие по сравнению с предшествующим периодом получил внутри- и межплеменной обмен. На территории Белоруссии найдены вещи, происходящие из Западной Европы, Причерноморья, берегов Балтики. Особенно тесные связи прослеживаются с латенской культурой Западной Европы.

Развитие производительных сил в железном веке, успехи земледелия и скотоводства повлекли за собой важные изменения в общественных отношениях. Прежде всего, по-видимому, совершился быстрый переход к отцовскому роду на территориях с предшествующим неолитическим бытом. Сами патриархальные порядки переживают интенсивную эволюцию от становления (на отдельных территориях) и расцвета до разложения и гибели. Этот процесс шел неравномерно, но повсеместно. Новая, более высокая ступень в развитии производства создавала условия для накопления известных богатств в руках небольших коллективов внутри родовой общины. Это вело к ее разложению, к выделению численно более мелких групп, становившихся основными хозяйственными единицами. В раннем железном веке такой основной хозяйственной единицей стала большая патриархальная семья.

Дальнейшее развитие характеризовалось неравномерным распределением общественных богатств среди отдельных семей. Выделяются семьи богатые и семьи бедные. Складывавшиеся между ними отношения были отношениями господства и подчинения, долгое время прикрываемые некоторыми родовыми формами и общинными традициями.

В железном веке участились столкновения между отдельными общинами, родами и племенами. Археологическим свидетельством этого является появление небольших укрепленных поселений — городищ, ставших на целую тысячу лет господствующей формой поселений. Обитателями таких городищ были главным образом отдельные патриархальные семьи.

Железо стало основным материалом, из которого изготовляли оружие: наконечники копий и стрел, кинжалы, мечи, боевые топоры. Постоянное стремление поддерживать военное оснащение на уровне современных требований было причиной того, что новый металл, по мнению некоторых археологов, нашел применение в военном деле раньше, чем где бы то ни было. Железное копье и меч предшествовали железному плугу и серпу.

Городище Колочин.

Военные столкновения и связанные с ними грабежи способствовали росту имущественного неравенства. С другой стороны, постоянная угроза нападения со стороны соседей заставляла племена сплачиваться в сильные крупные союзы. На последнем этапе первобытнообщинного строя возникает специальная организация для войны в форме специфического общественно-политического строя — военной демократии.

В культурно-историческом отношении территория Белоруссии в эпоху железного века не была единой. Она была поделена между несколькими различными археологическими культурами. Племена, принадлежащие к этим культурам, находились в разные времена в разных отношениях друг с другом.

Для начального периода железного века Белоруссии, продолжавшегося приблизительно до рубежа нашей эры, характерна относительная устойчивость племенных границ. После бурных событий эпохи бронзы заметных перемещений больших масс населения не наблюдается. Сложившиеся границы между отдельными археологическими культурами оставались в общем постоянными.

На рубеже нашей эры в южной Белоруссии распространилась новая культура железного века. Носители ее, по-видимому, ассимилировали прежнее население. Северные племена оказали пришельцам сопротивление и отстояли в основном свою территорию. Положение вновь на некоторое время стабилизировалось.

В середине I тысячелетия н. э. этой устойчивости приходит конец. Археологические материалы вновь убедительно свидетельствуют о бурных процессах перераспределения территории Белоруссии между союзами племен. Это нашло отражение в смене культур, типов поселений и т. д. Эпоха больших передвижений сопровождалась сменой этнического состава населения на значительной части территории Белоруссии.

Железный век в Белоруссии, как, впрочем, и в других местах, был временем сложных этногенических процессов. Если в предшествующее время в этногеническом процессе преобладала дифференциация племен, дробление их на более мелкие, но родственные в той или иной мере группы, то теперь, особенно в период распада первобытнообщинного строя, вероятно, преобладали обратные процессы объединения различных этнических групп — интеграция и ассимиляция. Этнические единицы укрупнялись.

Вопросы этногенеза чрезвычайно сложны и теоретически еще не достаточно разработаны. Не всегда отдельные детали формирования тех или иных этнических групп улавливаются археологами. В эпоху железа в отдельные моменты внешние культурные влияния оказывались столь значительными и археологически столь заметными, что за ними было трудно уловить этнические культурные особенности.

В процессе объединения разновидных племен многие культурные особенности, присущие им до объединения, постепенно сглаживаются, хотя сложившаяся в результате интеграции новая культура обычно имеет заметный отпечаток той культуры, которая до объединения была более развитой и более сильной.

При ассимиляции одной культуры другой обычно сохраняются основные признаки культуры-победительницы. Но и прежняя культура не исчезает бесследно. Некоторые ее элементы дают о себе знать, придавая культуре-победительнице локальное своеобразие. Иногда при известных исторических условиях этот местный культурный субстрат получает новое развитие, подготовляя почву для последующей дифференциации [5].

Вопросы этнической истории народов не могут решаться на базе только одних археологических источников. Археологическая культура не всегда совпадает с этносом. Хорошо известно, что одна этническая группа может быть представлена несколькими археологическими культурами. Так, фракийские, кельтские, германские, восточно-иранские, балтийские и, несомненно, славянские племена оставили по нескольку археологических культур.

Далеко не всегда удается установить этническую принадлежность носителей той или иной археологической культуры, располагая одними археологическими материалами. Только имея бесспорные свидетельства генетической связи между археологической культурой исторически известных племен и культурой их непосредственных

предшественников, можно ретроспективно объединять их в этническом отношении. Но такие генетические связи не всегда прослеживаются: слишком сложны сами этногенические процессы и слишком специфичен археологический материал, отражающий их. К тому же часто между археологическими культурами, последовательно сменяющими друг друга на определенной территории, обнаруживаются хронологические разрывы, не заполненные пока достаточными для генетических наблюдений археологическими источниками. Все сказанное полностью относится к этноархеологической карте Белоруссии эпохи железа.

Основой этноса, как известно, является язык. Ни кремневый нож, ни черепок от глиняного сосуда сами по себе не скажут, на каком языке говорили их создатели. В решении этногенических проблем громадная роль принадлежит лингвистике. Даже от периода, который для отдельных территорий, например для Белоруссии, был бесписьменным, удается извлечь лингвистический материал, дающий представление о языке, на котором говорили племена, обитавшие на той или иной территории. Их язык, пусть в сильно трансформированном виде, запечатлелся в географических названиях рек, озер и т. д. Изучением происхождения географических названий и их истолкованием занимается отдел лингвистики — топонимика. Речные и озерные названия изучает гидронимика. Современная лингвистика в состоянии не только установить принадлежность тех или иных гидронимов к определенной языковой группе, но и выявить их диалектные особенности, т. е. провести племенное членение этнически родственного населения.

Как показали исследования гидронимов Белоруссии, территория ее в течение железного века не оставалась неизменной в этническом отношении. Приблизительно до середины I тысячелетия н. э. почти вся территория Белоруссии была занята племенами, оставившими гидронимы балтийского языкового происхождения. В середине I тысячелетия н. э. начинают распространяться славянские гидронимы [4].

Эти изменения в этническом составе населения территории Белоруссии, как отмечалось выше, зарегистрированы и археологическим материалом. Такая взаимная проверка одних и тех же явлений данными различных наук придает историческим выводам достоверность.

Ценным источником в решении вопросов этногенеза являются данные антропологии и этнографии, в которых тоже нашло отражение различие в этническом составе племен, обитавших на территории Белоруссии.

Таким образом, путь к решению этногенических проблем лежит через комплексное изучение и сопоставление между собой данных археологии, лингвистики, антропологии и этнографии. В последующих главах, посвященных характеристике археологических культур в железном веке на территории Белоруссии, ареалы археологических культур будут сопоставлены с гидронимической картой и там, где это возможно, с данными антропологии.

Железный век — последний дописьменный период в истории Белоруссии. Установление связи археологических культур этого времени с исторически известными народами — задача исключительной важности, значение которой трудно переоценить. История современных народов удревняется на целую эпоху, создаются необходимые предпосылки для поисков их этнических истоков в еще более древних культурах бронзового века. С археологическими культурами железного века связана одна из животрепещущих проблем происхождения, развития и территориального оформления восточнославянских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колчин Б. А. и Круг О. Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа. Методы естественных и технических наук в археологии. Тез. докл. на Всесоюзном совещании по применению в археологии методов естественных и технических наук. М., 1963.

2. Лявданский А. Н. и Поликарпович К. М. Да гісторыі жалезнага промыслу на Палессі. Працы Палескай экспедыцыі. Менск, 1933, вып. 2.

3. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

4. Седов В. В. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы. Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963.

5. Третьяков П. Н. Этногенический процесс и археология. СА, 1962, № 4.

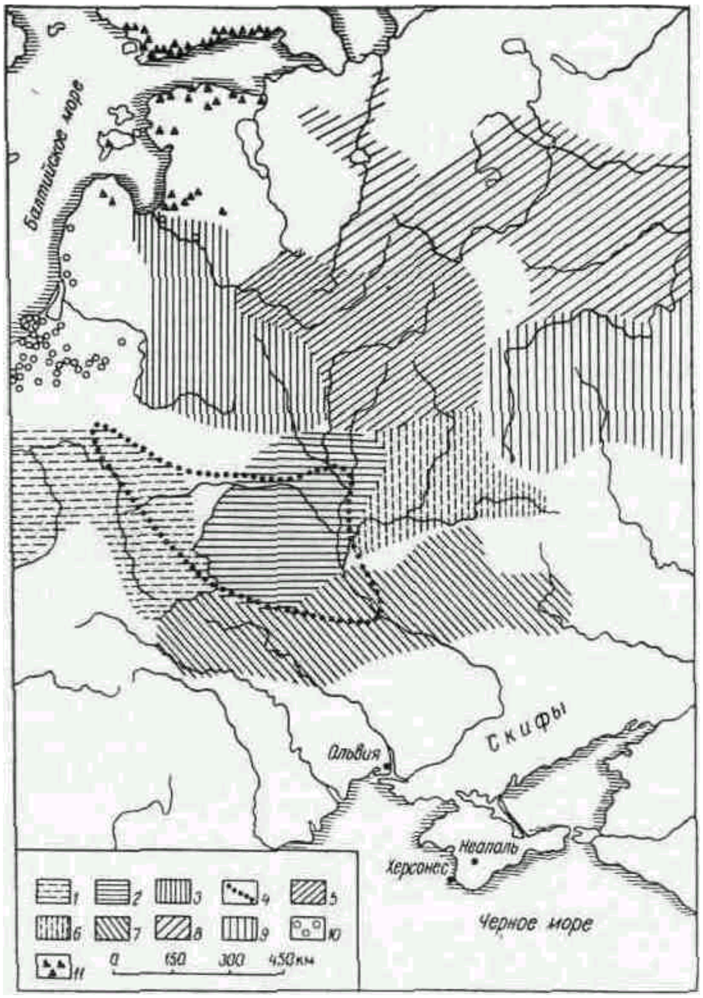
Глава 4 АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССИИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

В раннем железном веке на территории Белоруссии отчетливо выделяются три основные культурно-исторические области: одна — на юге в поречье Припяти и южнобелорусском течении Днепра, вторая — в центральной Белоруссии к западу от Днепра и третья — в северо-восточной части, включающей Западную Двину и смоленское течение Днепра.

Юг Белоруссии в свою очередь не был единым в культурном отношении в течение всего периода железного века. Реки Горынь и Случь делили эту область на две части. В западной части располагались памятники, относящиеся к так называемой лужицкой и поморской культурам, в восточной — к милоградской культуре.

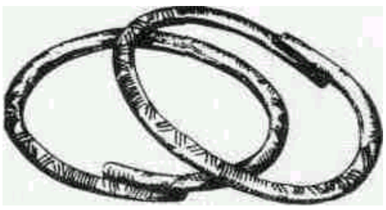
Лужицкая и поморская культуры

Лужицкая культура была распространена на широких пространствах Польши, северо-восточной Чехии, в Моравии и Силезии и принадлежала еще со времен бронзового века к земледельческо-скотоводческим (по мнению большинства археологов, славянским) племенам, оставившим своеобразные археологические памятники. Поселения были укрепленные и неукрепленные, могильники — бескурганные, преимущественно с трупосожжением. Остатки пережженных костей ссыпались в глиняные урны, которые сверху накрывали обычно камнями или обломками сосудов. В могилу вместе с урной помещали сосуды для пищи и питья, украшения, мелкие предметы домашнего обихода. На позднем этапе культуры погребальный ритуал претерпел изменения. Распространились погребения в ямах, в которые ссыпались остатки погребального костра.

Археологические культуры раннего железного века. 1 — поморская; 2 — милоградская; 3 — штрихованной керамики 4 — границы зарубинецкой; 5 — днепро-двинская; 6 — юхновская; 7 — лесостепная культура скифского времени; 8 — дьяковская; 9 — область верхневолжских городищ; 10 — курганные могильники западно-балтийских племен; 11 — каменные курганы в Прибалтике и Финляндии.

Глиняная посуда делалась от руки. Она отличалась большим разнообразием форм. Наряду с грубой кухонной, изготовлялась нарядная, часто орнаментированная геометрической нарезкой и покрытая блестящим лощением, посуда. Характерны ручки со сквозным отверстием. В Белоруссии обнаружены пока только отдельные находки, принадлежащие к лужицкой культуре, но памятники не изучены [9]. Около деревни Горбов на р. Ясельде на песчаном всхолмлении найдены два больших бронзовых браслета позднелужицкого типа. Возле д. Борисы на Брестчине было найдено несколько обломков глиняной посуды с ушками лужицкого или близкого к ним типа.

Лужицкие браслеты. (Д. Горбов.)

Когда лужицкие племена проникли на территорию Белоруссии, еще не установлено. Можно предполагать, что это произошло на позднем этапе существования лужицкой культуры. Так, помимо горбовских браслетов, к позднелужицкому времени относится одно из сравнительно хорошо изученных лужицких поселений на Волыни в верховьях Припяти у с. Головно.

Глиняная посуда поморской культуры. (Раскопки В. Б. Никитиной.)

Лужицкая культура имела несколько местных особенностей. Наиболее своеобразной была кашубская группа памятников в Западном Поморье, распространившаяся к IV в. до н. э. на юг и юго-восток в области других групп лужицкой культуры. Эта так называемая поморская культура была представлена погребальными памятниками особого вида. Остатки сожжения часто хоронились в урне, которая прикрывалась перевернутым вверх дном большим сосудом. Такие погребения называют подколпачными или подклешезыми. Очень своеобразны поморские погребальные урны с изображением человеческих ликов. На территории Белоруссии памятники поморской культуры появились в III в. до н. э. и просуществовали до I в. до н. э. Крайний восточный пункт их известен возле города Пинска. Культура представлена открытыми поселениями и бескурганными могильниками с трупосожжениями. На поселении около д. Кусичи Каменецкого района Брестской области обнаружены остатки наземного жилища 4х4,5 м, стены которого, по-видимому, были обложены снаружи камнями. Внутри открыто два очага в неглубоких круглых ямах [20].

Погребения известны пяти типов: ящичные, с каменными ограждениями, подклешевые, урновые и ямные. Последние характерны для самого позднего этапа поморской культуры. На территории Белоруссии преобладают ямные и подклешевые погребения. Возле Дрогичина В. Б. Никитиной раскопано 5 поморских погребений, находившихся друг от друга на расстоянии около 10 м. Два захоронения были произведены в урнах, три — в ямах. В одном погребении остатки пережженных костей, очищенных от костра, были высыпаны в горшок-урну, перекрытую сверху двумя мисками. В другом погребении прикрытая миской урна была еще накрыта большим сосудом.

При раскопках могильника у д. Тростяницы Каменецкого района Брестской области найдены железная фибула раннелатенской схемы, железное кольцо и какие-то сплавившиеся подвески из бронзы.

Вся глиняная посуда поморской культуры сделана от руки. По форме она очень разнообразна. Имеются горшки с низко расположенными плечиками, большие сосуды со слабо выраженными плечиками и с бугристой поверхностью, урны с несколько отогнутым венчиком и иногда лощеной поверхностью, всегда лощеные миски, кубки и др.

Милоградская культура

Милоградская культура сложилась и распространилась на значительной части юго-восточной Белоруссии. Ее западная граница лежит в устье Горыни, северная — южнее городов Слуцка, Жлобина и Чечерска, восточная — по среднему течению Илути. На юге эта культура распространяется далеко за пределы Белоруссии, доходя до Киева и верховьев южного Буга [16].

Своеобразие южнобелорусских городищ отмечал еще А. Н. Лявданский (в 20-х…начале 30-х годов), но исследование милоградских памятников началось по существу с 1951 г.

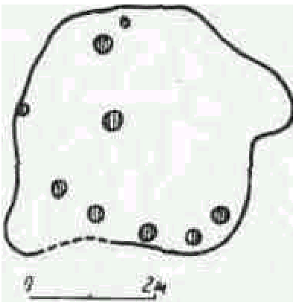
Свое название культура получила по имени пос. Милоград в Гомельской области, где в раскопанном городище она была представлена в наиболее чистом виде.

На территории БССР милоградская культура охватывает период с середины VI в. до н. э. по I в. н. э. Наибольшее количество датирующих находок приходится на IV…II вв. до н. э. Ранний этап датируется некоторыми булавками, ажурной бляхой гольштатской формы, железным орудием в виде тесла или пластинчатого топорика с двумя выступами. Позднюю дату дают сарматские и позднелатенские аналогии: средне-и позднелатенские фибулы, браслетообразные височные подвески, прорезные колокольчики и др.

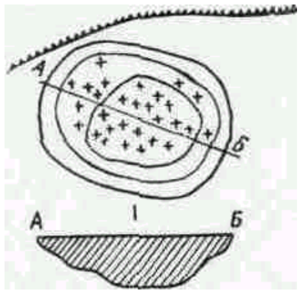
Украинские памятники милоградской культуры в основном принадлежат к более раннему времени, относясь непосредственно к эпохе бронзы.

Милоградская культура известна по поселениям и могильникам. Поселения представлены городищами и селищами, но преобладают городища. Селища, как правило, встречаются вместе с городищами, хотя на Припяти известны селища без городищ.

Большая часть городищ устраивалась на мысах. С напольной стороны они укреплялись валом и рвом. Высота вала достигала 2,5…3 м. Часто городища имели несколько валов и рвов. Некоторые городища относятся к типу «болотных».

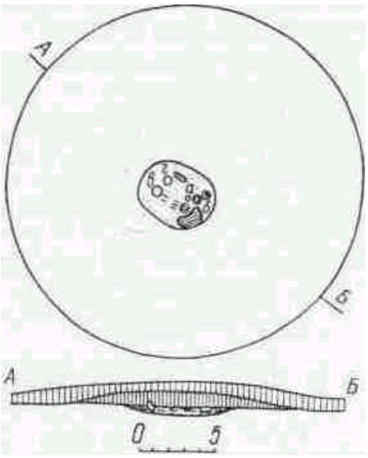

План милоградского жилища

План и профиль милоградского грунтового погребения.

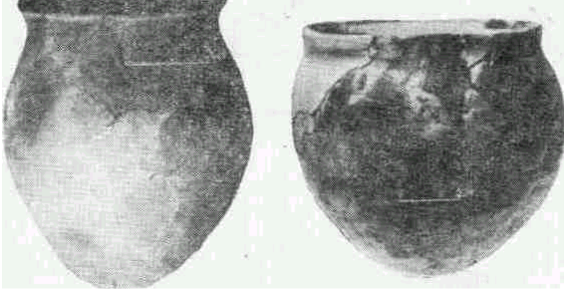
Жилища обычно слегка углублены в материк (0,15…0,5 м), имеют квадратную, прямоугольную, круглую или овальную в плане форму, площадью в 12…16 м^2 и рассчитаны на одну семью. Для всех раскопанных жилищ характерна одна интересная деталь — выступ возле одной из стен или в углу. При раскопках прослеживаются ряды ям от столбов стен. Перекрытие поддерживалось центральным столбом. В удлиненных больших жилищах таких столбов было несколько. Почти возле каждого дома сооружался небольшой хозяйственный погребок, возле одной из стен или в углу которого, как и в жилищах, устраивался характерный выступ. Внутри жилищ сооружался открытый очаг, обнаруживаемый обычно в виде скопления пережженных камней.

План и разрез кургана в Дубой.

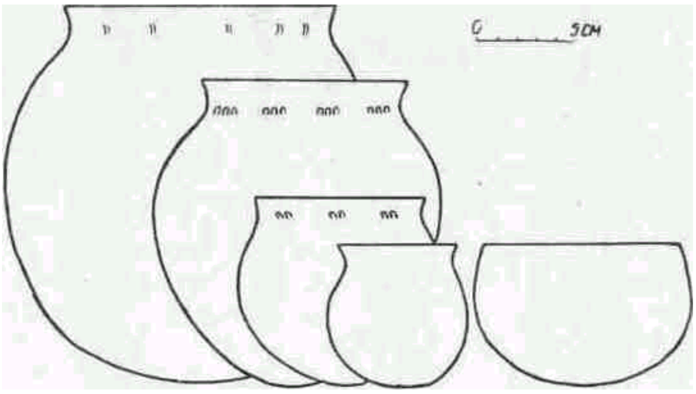
Погребения милоградской культуры открыты недавно, а изучены в самое последнее время. Господствующим обрядом было сожжение покойника. Тщательно очищенные от углей пережженные косточки складывались в неглубокую (в среднем 0,6 м) ямку диаметром от 0,5 до 1,5 м, преимущественно круглую в плане. Известны также овальные или удлиненные ямы, ориентированные обычно с северо-востока на юго-запад. Большинство погребений не содержит вещей. Из 70 могил, исследованных в д. Горошков Речицкого района, только в 15 найдены черепки разбитых сосудов, отдельные бронзовые и железные предметы и пряслица. В 10 погребениях имелись лишь небольшие скопления обломков сосудов. С погребальным обрядом связаны находки в некоторых могилах камней, отдельных кремневых орудий, охры, зубов жертвенных животных. Рядом с погребениями находят иногда следы тризны.

Могильники располагались возле поселений, иногда в пределах укрепленной части между внешним и внутренним валами (Горошков). В одном случае погребения обнаружены на жилой площадке городища рядом с жилищами (Мохов I).

Милоградские сосуды. (Дубой. Раскопки Ю. В. Кухаренко.)

Есть основания предполагать, что на раннем этапе милоградской культуры наряду с обрядом трупосожжения существовало и трупоположение [14]. Так, на юге Белоруссии у д. Дубой в устье р. Горыни Ю. В. Кухаренко был раскопан курганный могильник VI…V вв. до н. э. с трупоположениями и трупосожжениями. В курганах найдены сосуды милоградских форм и форм, характерных для высоцкой культуры [9]. Курганные захоронения известны также на Волыни и Киевщине в области распространения подгорпевских памятников, представляющих, по-видимому, локальный вариант милоградской культуры.

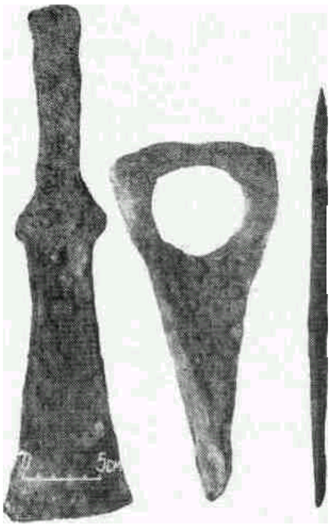

Основные формы милоградских сосудов.

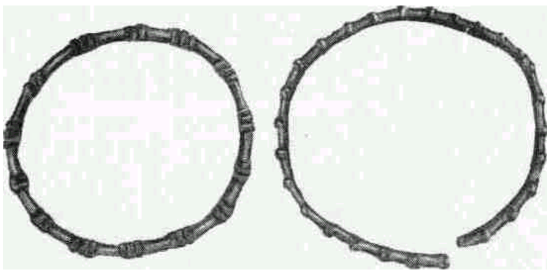
Керамика милоградской культуры весьма своеобразна и отличается общим архаичным обликом, в котором достаточно заметны традиции эпохи бронзы. Вся она сделана от руки. Преобладают яйцевидные или шаровидные горшки и глубокие миски. Часть сосудов имеет невысокую шейку и прямой или отогнутый наружу венчик, другие - вообще без венчика с прямым или загнутым внутрь краем. Для ранних этапов милоградской культуры более характерны удлиненные, яйцевидные и тюльпановидные сосуды, а также сосуды с плоским и уплощенным днищем. Позже сосуды приобретают более округлые формы.

Глиняный конь и пряслица.

Железные орудия труда милоградской культуры. (Раскопки О. Н. Мельниковской.)

Браслеты. (Городище Горошков. Раскопки О. Н. Мельниковской.)

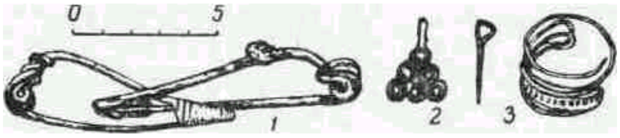
Хронологические различия можно проследить в орнаментации сосудов. На ранних типах орнаментация более разнообразна. Характерен так называемый жемчужный орнамент в виде выпуклостей на внешней поверхности, орнамент из ногтевых и пальцевых вдавлений, расположенных чаще всего в один ряд по шейке сосуда или под венчиком. Со временем орнамент упрощается и на поздних сосудах часто вовсе отсутствует.

Интересную группу изделий из глины составляют милоградские грузики («пряслица»), отличающиеся необыкновенным своеобразием. Очень распространены грузики, имеющие форму милоградских сосудов, а также крестовидные. В орнаментации грузиков часто встречаются мотивы, характерные для тшинецко-комаровских и более ранних сосудов эпохи бронзы.

Орудия труда, происходящие из милоградских памятников, достаточно разнообразны. Найдены железные проушные топоры, серпы, теслообразные мотыжки, ножи с горбатой спинкой, долотообразные изделия, шилья,

иглы. На Горошковском городище найден клад железных земледельческих орудий.

Из предметов вооружения больше всего найдено наконечников стрел. Для местной культуры характерны железные плоские листовидной, треугольной или ромбической формы наконечники без черешка, найдены также скифские бронзовые трехгранные стрелы. Из нетипичных находок следует отметить скифский железный меч и дротик латенского типа. В качестве оружия могли, конечно, использовать и обычные топоры.

Фибулы (1), подвеска (2), перстень (3).

Одной из отличительных черт милоградской культуры является крайне ничтожное количество изделий из кости, которая представлена здесь главным образом проколками и рукоятками к металлическим орудиям.

Милоградские украшения довольно разнообразны. Из железа, бронзы и серебра изготовлялись браслеты с замкнутыми, разомкнутыми и заходящими концами. Поверхность их иногда орнаментировалась зубчиками и ложной зернью. По сечению различаются браслеты круглые, овальные и многопроволочные.

Бронзовые и железные булавки представлены не менее чем 6 типами. Наиболее распространена булавка с головкой в виде петли, заканчивающейся 5-видным завитком.

Найдены ранне-, средне- и позднелатенские фибулы, браслетообразные, трапециевидные и треугольные подвески, спиральные, конические и полушаровые серьги, колокольчики, бляхи. Как можно судить по многочисленным находкам серпов, зернотерок, двухсторонних секирок, мотыжек и других орудий труда, основу хозяйства милоградских племен составляло земледелие. На стенке одного сосуда сохранился отпечаток зерна пшеницы [11]. Есть основания предполагать существование пашенного земледелия.

Анализ остеологического материала говорит о значительной роли скотоводства. Наибольшее количество найденных костей домашних животных относится к крупному рогатому скоту. Обнаружены также кости лошади, свиньи, мелкого рогатого скота, собаки. Дикие животные представлены в значительно меньшем количестве.

На многих поселениях отчетливо выявляются следы занятий населения железообработкой, литьем, рыболовством, деревообработкой, прядением и ткачеством. О разделении труда внутри родовой общины свидетельствует погребение с разбитыми литейными формами, раскопанное на Моховском I городище. Возможно, что здесь был захоронен общинник, специализировавшийся на изготовлении бронзовых предметов.

Некоторые материалы свидетельствуют о связях милоградских племен с другими областями. Так, среди браслетов, найденных в кладе Горошковского городища, имеются экземпляры позднегальштатских и раннелатенских типов [13]. Вместе с тем находки литейных форм говорят о местном производстве некоторых из них.

Возможно, импортной западноевропейской вещью является железная бритва, напоминающая латенские образцы. Едва ли местной следует считать железную плетеную цепь от уздечного набора, найденную на одном из милоградских памятников. Несомненно с юга были завезены наиболее часто встречающиеся синие глазчатые бусы. По мнению исследователя милоградской культуры О. Н. Мельниковской, импортные изделия более тяготеют к югу и западу. Связи с севером и Балтикой прослеживаются значительно слабее [16].

Патриархально-родовой строй у племен милоградской культуры уже обнаруживает некоторые признаки разложения.

Источники, раскрывающие систему верований милоградцев, довольно ограничены. Можно отметить, что многие милоградские грузики покрыты знаками, характерными для солярных и астральных культов. Возможно, культовый характер присущ и глиняным фигуркам животных (главным образом, коня) и различным амулетам: клыкам животных, просверленным астрогалам, рыбным позвонкам, гальке. Находки в ряде погребений обломков человеческих черепов без всяких признаков сожжения дают основание предполагать существование культовой антропофагии [16].

В ряде своих элементов милоградская культура обнаруживает черты сходства с предшествующими ей тшинецкой и комаровской культурами бронзового века, проявляющиеся в близости форм некоторых сосудов, грузиков, их орнаментации и в деталях погребального обряда. Это может рассматриваться как свидетельство существования генетической связи между ними.

По мнению О. Н. Мельниковской, милоградская культура выросла на основе одного из вариантов тшинецко-комаровской культурной общности [16]. Основная область формирования культуры находилась на территории Украины, где располагаются наиболее ранние милоградские памятники и отсутствуют памятники поздней поры. В области к северу от Припяти наблюдается иная картина. Основной комплекс милоградских древностей приходится здесь на средний и поздний этапы существования этой культуры. Следовательно, можно сделать вывод о переселении милоградских племен из южных районов в более северные.

Однако нет оснований отрицать вероятность участия в формировании милоградской культуры культур поздней бронзы Белоруссии. Так, нельзя не обратить внимания на близкое совпадение ареалов милоградской и сосницкой культур и наличие у них некоторых общих культурных элементов. К тому же сосницкая культура, как уже отмечалось выше, относится к одному с тшинецкой и комаровской кругу памятников.

Окончательное решение этого вопроса будет зависеть от успехов в изучении белорусских памятников эпохи бронзы позднейшей поры.

Милоградская культура прекращает существование в I в. н. э., и дальнейшая судьба племен, создавших ее, еще не ясна. На рубеже н. э. культура эта подвергается сильному воздействию со стороны зарубинецкой культуры.

Этническая принадлежность и историческое имя милоградских племен не могут быть установлены на основании археологических материалов. Исследователь этой культуры О. Н. Мельниковская отождествляет милоградские племена с неврами, описанными Геродотом (V в. до н. э.). В качестве аргумента она выдвигает факт

совпадения их ареалов и времени существования. Прослеженное археологически передвижение милоградских племен к северу, по ее мнению, возможно, подтверждает указание Геродота о вытеснении невров из области их первоначального обитания «змеями». Существование в белорусском фольклоре волчьего культа сопоставляется некоторыми исследователями с замечанием Геродота о превращении невров один раз в году в волков.

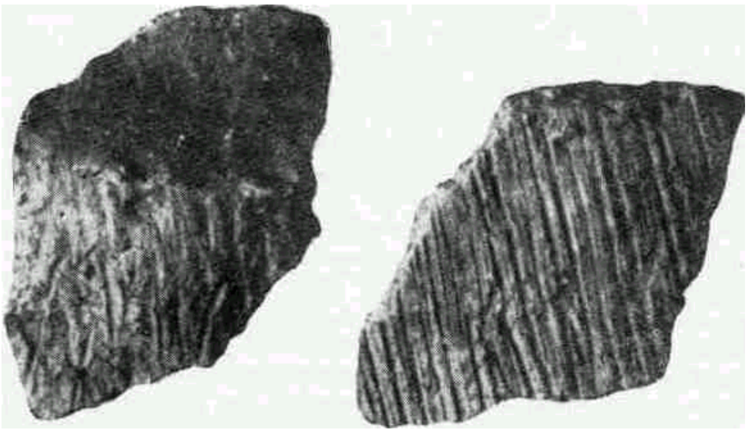
Территориальная и типологическая связь ранних милоградских памятников с тшинецко-комаровским комплексом, сложившимся в области распространения древнейшей славянской топонимики, ставит вопрос о возможно славянской принадлежности милоградских племен [12]. Однако эта точка зрения оспаривается рядом исследователей, указывающих на то, что ареалы милоградской культуры вписываются в область распространения балтийских гидронимов [25].

Культура штрихованной керамики

Большая часть средней Белоруссии в раннем железном веке была занята культурой штрихованной керамики, впервые выделенной в 20…30-е годы А. Н. Лявданским.

Наиболее характерной чертой культуры является весьма своеобразная «орнаментация» сосудов: внешние, а иногда и внутренние поверхности их покрывались сплошной штриховкой пучком соломы или травы по необожженной глине. Направление штрихов в целом беспорядочное, хотя можно отметить преобладание вертикальной и диагональной штриховки. Эта особенность керамики настолько заметна и устойчива, что позволила не только легко определить ареалы культуры, но и дала название самой археологической культуре.

В своем чистом, неосложнённом другими культурами виде область «штрихованной керамики» вписывается в следующие границы: на севере — верховья рек Диены, Ушачи, Улы, Березины; на востоке — течения рек Друти и Усях-Бука до низовьев Березины. На юге граница поворачивала к городам Слуцку и Клецку.

Фрагменты штрихованной керамики.

Западная граница культуры проходила приблизительно по Неману. Памятники штрихованной керамики имеются в Литве и в несколько своеобразном варианте — в Латвии и Эстонии [18].

За пределами этой основной области культура штрихованной керамики встречается в смешении с памятниками других культур, что объясняется, с одной стороны, нестабильностью границ между различными культурами, с другой — взаимовлиянием их друг на друга.

Исследование городищ со штрихованной керамикой началось в 20…30-е годы. Наиболее крупные раскопки до войны были проведены на Банцеровском городище под Минском, где вскрыто свыше 200 $м^2$ площади. Меньший масштаб имели раскопки на Черкасовском и Германовском городищах под Оршей и городище возле д. Селище под Слуцком. В 1948…1955 гг. проведены обследования и раскопки на городищах Лабенщина, Збаровичи, Новоселки, Киния, Старая Рудица, Качановичи, Августово, Некасецк, Вязынка, Малышки и Каменка.

Вопрос о хронологии памятников культуры штрихованной керамики еще не вполне разработан. По мнению основного исследователя этой культуры А. Г. Митрофанова, наиболее ранние памятники пока датируются III…II вв. до н. э., что отнюдь не исключает предположения о более древнем возрасте культуры в целом. Возможно, по времени возникновения она синхронна милоградской. Поздние памятники культуры штрихованной керамики относятся к IV…V вв. н. э. [18].

Культура штрихованной керамики пока известна только по поселениям. Они были укрепленные и неукрепленные. Археологически изучены городища, располагавшиеся на естественно защищенных мысах, отдельных холмах, на крутых берегах рек и озер.

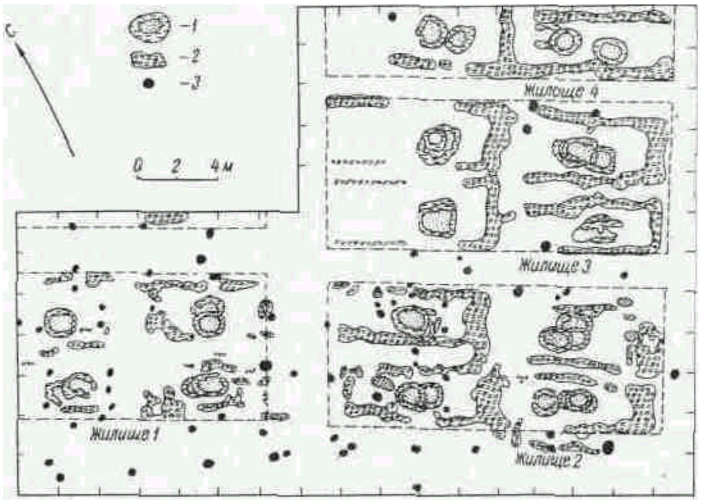
Замечено, что на раннем этапе существования культуры городища не имели искусственных оборонительных сооружений в виде валов и рвов. Примером может служить одно из самых ранних городищ этой культуры — Августовское. Однако вполне возможно, что по краю городища обносились деревянной оградой. Следы такой стены были обнаружены при раскопках городища в Вязынке [17].

Позже стали сооружаться валы и рвы, окружавшие поселение иногда в несколько рядов. Валы устраивались на площадке городища, внизу у его подножья или на склонах. На гребне вала иногда сооружалась деревянная стена из толстых горизонтальных бревен, закрепленных между вертикальными столбами.

В пределах основной области распространения культуры до сих пор не обнаружены погребальные памятники, синхронные поселениям.

По наблюдению А. Г. Митрофанова, городища культуры штрихованной керамики располагались группами по 2…4 поселения в каждой. По-видимому, каждая группа принадлежала отдельному роду. В ранних поселениях жилые постройки возводились по краю площадки городища. В центре располагались хозяйственные сооружения. Во

II…III вв. н. э. жилая застройка производится также и в центральной части поселений [19]. Характерным для культуры типом жилища был большой наземный деревянный дом, разделенный на несколько помещений, площадью 22…25 м^2.

Остатки наземных жилищ на городище Малышки. (Раскопки А. Г. Митрофанова.) 1 — очаги; 2 — глиняная обмазка стен; 3 — ямы от столбов.

Весьма своеобразный план имело большое жилище, обнаруженное Митрофановым на городище Вязынка. Оно состояло из трех неодинаковых помещений. Самым крупным было южное помещение, имевшее длину не менее 11,0 м и ширину — 4,4 м. К северной стене его вплотную примыкали еще два помещения. Северо-западное имело размеры 5,2х5,0 м, северо-восточное— 6,3х5,0 м.

Большие прямоугольные постройки (18х7 м) Малышкинского городища строго членились на четыре приблизительно одинаковых помещения.

Конструкция стен, по-видимому, была различна. На Збаровичском городище основу стен, по мнению Митрофанова, составляли вертикальные столбы, служившие также опорой перекрытия.

На других памятниках отсутствие достаточного количества столбовых ям вдоль стен построек дает основания предполагать иной характер приемов домостроительства. Очень возможно, что из поселений культуры штрихованной керамики происходят древнейшие в Белоруссии постройки срубного типа.

Остатки построек на городище Малышки.

Примечательной особенностью построек культуры штрихованной керамики является часто обнаруживаемое обмазывание стен глиной. Остатки глиняной обмазки с отпечатками дерева в некоторых случаях дают точный план исчезнувших построек. В этом смысле особый интерес представляет замечательный комплекс идеально спланированных построек, вскрытый раскопками Митрофанова на городище Малышки. По-видимому, все помещения внутри большого малышкинского дома были жилыми, так как в них обычно удается проследить остатки открытых очагов, сохранившихся местами чуть ли не в своем первоначальном виде. Конструкция очагов была очень устойчивой: несколько приподнятый край из камня или глины придавал очагу круглую или овальную форму длиной 1,4...1,5 м, шириной 1,2…1,3 м. Внутренняя планировка жилищ отличалась большой стабильностью. Так, в жилищах Малышкинского городища в каждом помещении обнаружено по 3…4 очага, которые за время долгого существования построек были последовательно возведены точно один над другим. Внутри некоторых жилищ на уровне очагов встречались площадки из выложенных в один ряд камней, многие из которых были расколоты и сильно обожжены.

Скопления камней в поселениях штрихованной керамики — явление довольно обычное. Особенно много их по краям площадок городищ.

Почти на каждом исследованном городище обнаруживаются следы обработки железа. На поселениях близ Лабенщины, Свидна, Кимии и других были найдены остатки домниц. На Вязынковском городище выявлены обломки глиняных печей-горнов. Несколько ям, обмазанных глиной и заполненных шлаками, встречено на

Малышкинском городище. Многочисленные куски шлаков, как правило, фиксируются при раскопках почти каждого поселения. Железные изделия представлены топорами, зубилами, серпами, ножами, шильями, иглами, наконечниками копий, дротиков и стрел, пряжками, фибулами, булавками.

Железный топор (1), серпы (2, 3) и наконечник копья (4) из поселений культуры штрихованной керамики. (Раскопки А. Г. Митрофанова.)

рисунок наконечника копья отсутствует

В значительно меньшей степени было развито бронзолитейное дело. Изделий из бронзы найдено сравнительно немного. Есть основания полагать, что многие украшения и бытовые вещи изготовлялись на месте. Об этом свидетельствуют находки льячек, тигельков и фрагменты литейной формы.

Очень своеобразен керамический материал. По форме сосуды распределяются на несколько типов. Особенно распространены горшковидные сосуды с прямым или несколько отогнутым наружу краем венчика, выпуклым туловом и плоским дном, украшенные, помимо штриховки, ямочными вдавлениями по плечику в горизонтальный ряд или треугольниками, а также остроребериые сосуды, часто с защипами, насечками, нарезными линиями или ямочными вдавлениями в верхней части. Известны также сосуды баночной формы и горшковидные со слабо выраженными плечиками. Последние два типа А. Г. Митрофанов считает присущими позднему этапу культуры. Возможно, они развились из предшествующих более ранних форм.

Очень важно отметить, что, по наблюдениям А. Г. Митрофанова, территориально различные типы посуды, особенно первых двух форм, распределяются неодинаково. Для западных районов культуры характерны горшковидные сосуды с прямым или отогнутым венчиком, для восточных — остроребериые.

Основу хозяйства носителей культуры штрихованной керамики составляло подсечное земледелие, орудия которого представлены железными топорами и серпами. Часты находки каменных зернотерок. На ряде городищ (Банцеровское, Збаровичское и др.) были найдены обугленные остатки пшеницы, проса, бобов, гороха и вики.

Но подсечное земледелие не всегда было надежным источником существования. Поэтому значительное место в хозяйстве обитателей городищ занимало скотоводство и охота. Анализ костных материалов, обнаруженных при раскопках поселений культуры штрихованной керамики, показывает развитость этих видов хозяйства. Население разводило коров, свиней, лошадей, овец. Однако отсутствие хороших пастбищ в лесах ограничивало возможности развития домашнего скотоводства, поэтому в составе стада преобладала свинья. Возможно, что свинья была здесь первым, после собаки, одомашненным животным [24].

Сравнение видового состава домашних и диких животных на более ранних и более поздних поселениях свидетельствует о постепенном возрастании значения скотоводства. Так, если на городище Лабенщина домашние животные составляли одну треть по отношению ко всем определенным по остаткам животным, то на более поздних памятниках Кимии и Новоселках их было половина.

Происхождение и исторические судьбы культуры штрихованной керамики еще не вполне ясны. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Основная трудность состоит в том, что почти не исследованы памятники предшествующей поры. Тем не менее, ряд свидетельств дает основание предполагать, что культура штрихованной керамики сложилась на местной основе и автохтонна по своей природе. Очень характерный элемент в культуре — покрытие сосудов штриховкой, очевидно, восходит еще к эпохе неолита или бронзы.

К середине I тысячелетия н. э. жизнь на городищах прекращается. По наблюдениям А. Г. Митрофанова, многие поселения погибли в пламени пожара. На территории, некогда занятой культурой штрихованной керамики, распространяются памятники иного культурного облика, не обнаруживающие пока преемственной связи со своими предшественниками.

Значительно определеннее решается вопрос об этническом характере культуры. Племена штрихованной керамики занимали территорию, на которой распространены гидронимы, восходящие к балтийским языкам. Это обстоятельство вместе с отмеченным фактом отсутствия преемственной связи с последующими культурами славянского круга свидетельствует о принадлежности племен культуры штрихованной керамики к группе народов, говоривших на балтийских языках. Но попытка связать их с исторически известными племенами пока вызывает споры. Большинство исследователей связывают их с восточнолитовскими племенами [25]. Возражая против этой точки зрения, Ф. Д. Гуревич указывает на несовпадение территории культуры штрихованной керамики с ареалами

распространения культуры восточнолитовских курганов IV…V вв. н. э. и на отсутствие преемственности между материалами курганов и поселений «штриховиков». По ее мнению, белорусские памятники со штрихованной керамикой принадлежали неизвестным нам балтийским племенам, постепенно исчезнувшим в результате славянской колонизации [4]. Но население не ушло, и не было истреблено. Как показали очень интересные исследования В. В. Седова, в курганах древнерусского времени XI…XIII вв., расположенных на территории, некогда занятой культурой штрихованной керамики, распространен широколицый антропологический тип, близкий к антропологическому типу современного населения Литвы и Латвии. В этом он усматривает одно из доказательств ассимиляции славянами древнего балтийского населения [26].

Зарубинецкая культура

На рубеже нашей эры вся южная и значительная часть восточной Белоруссии вошла в сферу распространения памятников зарубинецкой культуры, названной так по бескурганному могильнику у с. Зарубинцы Переяслав-Хмельницкого района Киевской области, впервые раскопанному и изученному украинским археологом В. В. Хвойкой в 1899 г. Территориально культура охватывает все поречье Припяти и ее притоков, Верхнее и Среднее Поднепровье в пределах значительной части Смоленской, Могилевской, Гомельской и Киевской областей, бассейны Сейма и Десны, смыкаясь на западе с очень близкой ей пшеворской культурой, распространенной на большей части Польши. По существу зарубинецкая и пшеворская культуры не имеют четко выраженной разделяющей их границы, переходя постепенно одна в другую. Известно свыше ста зарубинецких памятников — поселений и могильников, но исследованы пока немногие, хотя сама культура представляет исключительный интерес с точки зрения славянской проблематики.

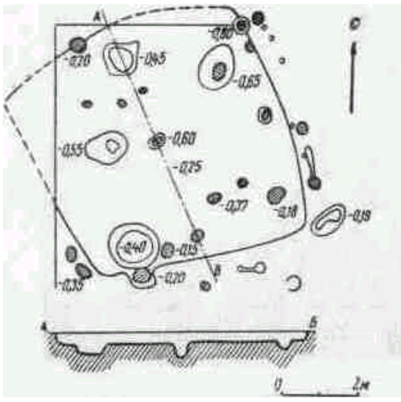
Для установления абсолютной хронологии зарубинецкой культуры основной материал дают бронзовые и железные фибулы, которые обычно называют латенскими, хотя, как справедливо отмечается исследователями этих предметов, основная масса их имеет местное происхождение [3].

Наиболее ранняя фибула латенского типа, найденная в с. Велемичи Давид-Городокского района Брестской области (фибула с шариками), датируется концом II…началом I в. до н. э. Остальные относятся к II в. до н. э. и I в. н. э. В рамки II в. до н. э.…I в. н. э. укладываются и остальные вещи из зарубинецких комплексов. В этом диапазоне, очевидно, следует определять и хронологию зарубинецкой культуры в целом.

Поселения зарубинецких племен на территории Белоруссии представлены городищами и селищами. Исследование зарубинецких городищ показало, что в основе подавляющего большинства их лежат милоградские слои. Таким образом, зарубинецкие племена заняли городища, построенные их предшественниками [28].

Жилища обитателей зарубинецких поселений представляют собой наземные, прямоугольного плана дома площадью 20…25м^2. Основу стен составляли вкопанные в землю столбы, пространство между которыми заполнялось бревнами или плетнем, обмазанным глиной. Встречаются также небольшие полуземлянки. И те, и другие имеют внутри каменные или глинобитные очаги довольно примитивной конструкции.

Могильники зарубинецкой культуры относятся к типу памятников «полей погребений». Располагались они вблизи поселений преимущественно на высоком плато. Покойника сжигали, а остатки кремации погребали в неглубоких, обычно удлиненных ямах. В могилы клали глиняные сосуды с пищей и некоторые вещи — копья, ножи, украшения. В обряде наблюдаются некоторые вариации: в одних случаях остатки сожжения ссыпались прямо в яму, в других — помещались в сосуд. Различались между собой по размерам, а иногда и по ориентировке могильные ямы.

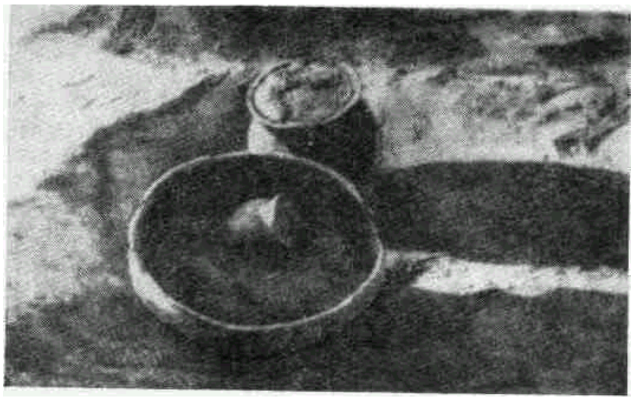
План и разрез зарубинецкого жилища. (Горошков. Заштрихованы ямы от столбов.)

«Поля погребений» не имеют никаких внешних признаков на поверхности и обнаруживаются, как правило, при случайных земляных работах или специальных поисковых раскопках. Но можно предполагать, что первоначально погребения имели какие-то отличительные знаки. В пользу такого предположения говорит тот факт, что даже на могильниках, насчитывающих несколько сотен захоронений, в редчайших случаях одно погребение нарушает другое.

Керамика зарубинецких племен представлена тремя устойчивыми формами сосудов. Это высокие горшки или кувшины среднего размера, миски и небольшие сосуды в виде кружек с ручками. Все они вылеплены от руки. Значительная часть керамики имеет вылощенную поверхность. При этом лощеной посуды больше на могильниках и меньше на поселениях. Керамика из могильников имеет нарядный «столовый» вид, отличаясь от обычной грубоватой «кухонной» посуды поселений.

Горшки имеют отогнутый наружу венчик, яйцевидное тулово и сравнительно узкое плоское дно. Наиболее широкая часть находится на 1/3 высоты. Высота сосуда обычно превышает его ширину. Некоторые сосуды имели

украшением налепной валик с защипами, опоясывавший наиболее широкую часть сосуда. Приблизительно у половины горшков по краю венчика наносились насечки, вдавления или защипы. Украшения чаще представлены на больших сосудах, служивших хранилищами припасов и составлявших, по-видимому, часть обстановки жилища [29].

Погребение в Чаплине.

Миски, как правило, тщательнее вылащивались, но по форме были более однообразны. Для рубежа и начала нашей эры характерны реберчатые миски. Ранние образцы имеют более плавные очертания.

Культура зарубинецких племен принадлежит к культурам развитого железного века. Следы железообработки обнаруживаются почти на всех поселениях. Из железа изготовлены орудия труда, оружие, предметы убора и украшения. Широко развита была также обработка цветных металлов, которые шли главным образом на украшения и предметы убора.

При сравнении хозяйства зарубинецких племен с хозяйством их соседей очень ярко выступает земледельческий характер культуры. Археологическим свидетельством этого являются частые находки небольших железных серпов и ручных зернотерок. Культивировались, по-видимому, просо, пшеница и ячмень.

Сосуды зарубинецкой культуры.

Зарубинецким племенам были известны все основные виды домашних животных: свиньи, крупный и мелкий рогатый скот, лошади.

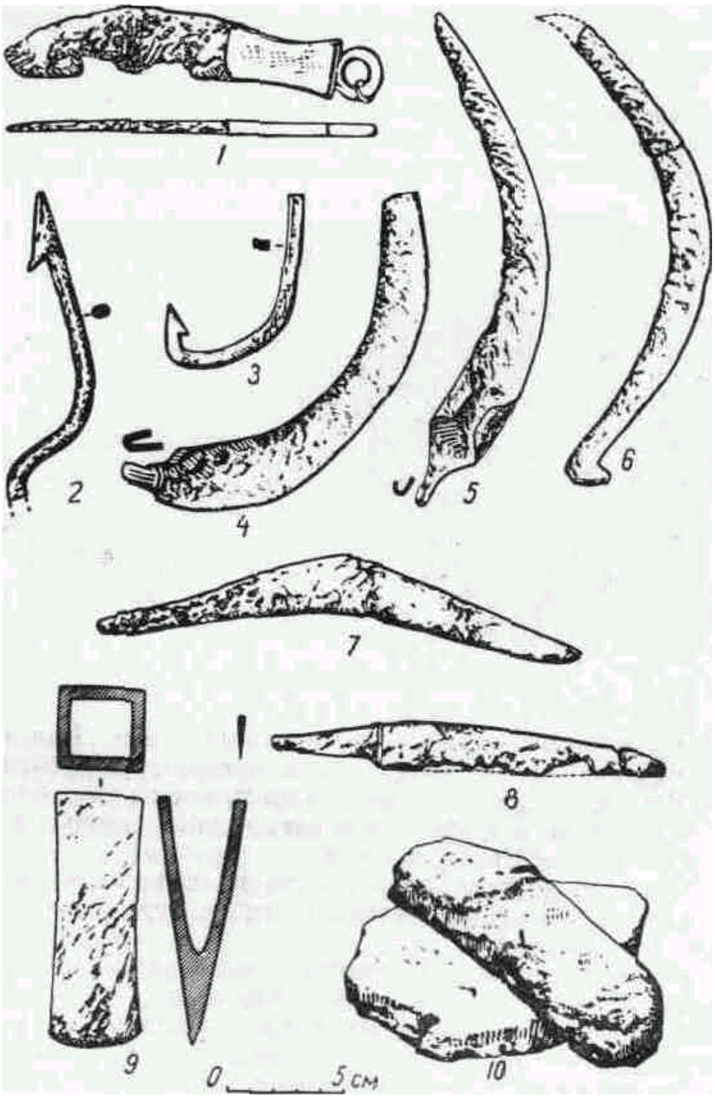
Охота и рыбная ловля, хотя и были занятиями второстепенными, продолжали играть существенную роль в хозяйстве.

На основании наблюдающихся различий в приемах домостроительства, форм могильных ям, характера распространения различных погребальных обрядов, а также различий в составе и типах вещей Ю. В. Кухаренко выделяет три локальные группы зарубинецких памятников: полесскую, верхнеднепровскую и среднеднепровскую [5].

Наиболее исследованным зарубинецким памятником, дающим яркое представление о культуре в целом, является археологический комплекс у д. Чаплин Лоевского района Гомельской области, состоящий из городища, селища и могильника. Раскопки там были начаты в 1951 г. П. Н. Третьяковым и Ю. В. Кухаренко и позже продолжены Л. Д. Поболем.

Городище расположено на продолговатом мысу высокого коренного берега Днепра, образовавшемся в устье небольшого оврага. С напольной стороны сохранился вал высотой около 3 м и заплывший ров. Площадка городища, возвышающаяся над уровнем поймы на 15…16 м, имеет размеры 75х65 м.

За все годы исследована площадь 1744 м^2. Мощность культурного слоя колеблется от 0,25…0,30 м до 0,80….1,00 м. Раскопками выявлены сотни больших и малых ям от столбов жилищ, хозяйственных сооружений и т. д. Бесконечные перекапывания земли обитателями городища привели к смешению вещей. Поэтому расчленить во времени культурные напластования оказалось невозможным. Правда, в отдельных местах удалось обнаружить неповрежденный культурный слой дозарубинецкого времени, принадлежащий к милоградской культуре. Зарубинецкие племена использовали городище, сооруженное до них милоградским населением. Они «отремонтировали» древние оборонительные сооружения, расширили вал и подняли его. Даже теперь он возвышается над древним милоградским валом более чем на 1 м. По краю площадки городища был поставлен частокол из массивных бревен, от которого сохранился ряд ям диаметром 0,3…0,4 м, вырытых на расстоянии 0,1…0,4 м друг от друга.

Орудия труда зарубинецкой культуры: ножи (1, 7, 8), серпы (4, 5, 6), острога (2), рыболовный крючок (3) топор (9), зернотерка (10).

В застройке площадки городища наблюдается определенная система, выдерживавшаяся по традиции в течение всей долгой жизни городища. В центральной и западной частях поселения располагались жилые сооружения, южная и восточная окраины были изрыты ямами, погребами колоколовидной формы. Поселок состоял приблизительно из 25…30 жилищ.

Жилища в своем подавляющем большинстве оказались наземными, площадью в 16…24 м^2. Несмотря на сравнительно плохую сохранность их остатков, конструкция домов выявляется четко. Основу стен составляли вертикальные столбы, вкопанные в землю на расстоянии 1…2 м друг от друга. В бревнах-стояках, очевидно, выбирались пазы, в которые впускались горизонтальные жерди с подтесанными концами. Такие приемы домостроительства были известны на территории Белоруссии и в позднейшее время. Следов обмазывания глиной на Чаплинском городище не обнаружено.

В разбросанных по городищу ямах колоколовидной формы хранились мясо, рыба, возможно, молоко, творог, сыр. Однако 80% таких ям не дали никаких находок. Вполне допустимо предположение, что в них хранили корнеплоды, в частности репу, известную в Восточной Европе с древних времен [29].

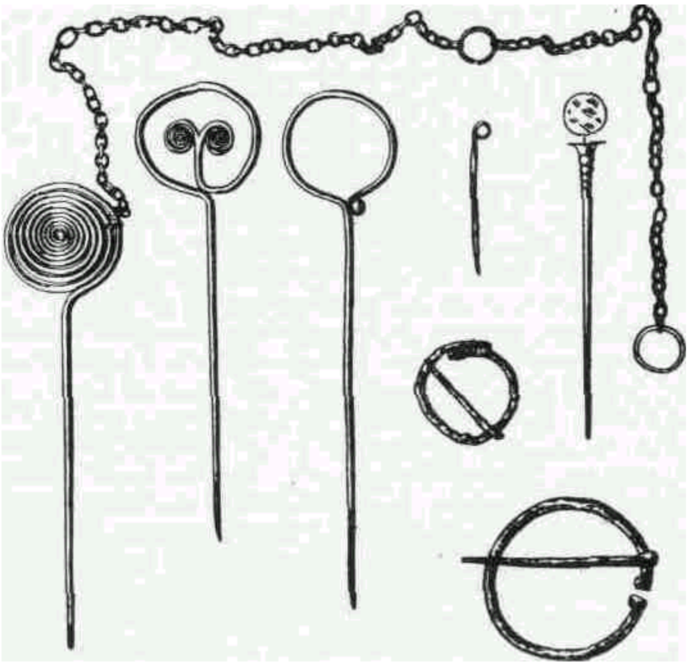
О занятиях населения обработкой металла свидетельствуют находки обломков небольших криц и кузнечных шлаков. Найдены железные топоры-кельты с прямоугольной в сечении втулкой, в которой закреплялась коленчатая рукоятка. По форме они имеют много общих черт с топорами из раннелатенских памятников Средней Европы. На одном топоре можно легко проследить технику его изготовления. Сначала отдельно выковывались втулка и лезвие. Затем они проковкой соединялись вместе.

Найдено несколько железных ножей. Ранние из них имеют так называемую горбатую спинку.

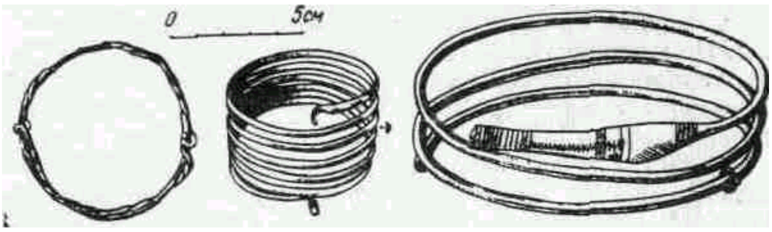
О значительной роли земледелия в хозяйстве обитателей городища свидетельствуют железные серпы, составляющие 20% всех найденных здесь железных орудий.

Из других железных предметов следует отметить рыболовные крючки, наконечники стрел, различные острия, булавки, фибулы среднелатенской схемы.

Изделия из бронзы преимущественно изготовляли на месте. На городище найдено несколько глиняных тиглей, льячков и литейных форм, кусочки бронзы и обрывки бронзовой проволоки. Из бронзы делали украшения: булавки, аналогичные по типу железным (некоторые имели 5-видный завиток), браслеты, височные кольца, подвески и пронизки. В нескольких местах были найдены маленькие клады бронзовых украшений. Один состоял из двух браслетов и трех височных колец. В другом имелись железная фибула, бронзовое височное кольцо и три пронизки, входившие, вероятно, в состав ожерелья из 50 стеклянных и пастовых бус различного цвета и формы.

Булавки и застежки из памятников зарубинецкой культуры.

Браслеты.

Изделий из кости и камня найдено сравнительно немного. Костяными были некоторые проколки, возможно, иглы для вязания, гребни. Из камня делались прежде всего зернотерки. Их найдено свыше десятка.

Среди обычной и очень разнообразной посуды интересную находку представляет сосуд для приготовления сыра. В нижней части его стенок, около самого дна, были сделаны сквозные отверстия 0,4…0,5 см диаметром, шедшие в два ряда. В дне сосуда имелось также сквозное отверстие около 2 см диаметром.

Особую и очень многочисленную группу находок составляют глиняные пряслица. Самой распространенной их формой является биконическая. Для пряслиц характерна богатая и разнообразная орнаментация, преобладающим мотивом которой является ряд заштрихованных или заполненных наколами треугольников. Такой орнамент был распространен на глиняных сосудах среднеднепровской культуры эпохи бронзы. По мнению П. Н. Третьякова, в этом можно видеть отражение каких-то генетических связей зарубинецкой культуры с культурой местного населения предшествующей эпохи [29].

В 100м к северо-западу от городища на коренном берегу Днепра располагался обширный могильник [10, 21]. Обнаружить его помогли местные жители, рассказавшие, что при рытье канавы здесь находили глиняные сосуды.

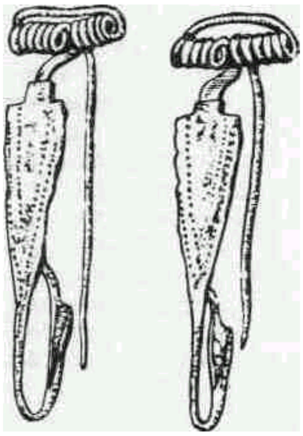
По масштабу изученности Чаплинский могильник оказался самым крупным «полем погребений». В нем раскопано около 300 погребений, располагавшихся равномерно по всему могильнику на расстоянии от 1 до 10 м друг от друга. Во всех погребениях присутствует только один обряд — трупосожжение. Обломки пережженных костей ссыпались прямо на дно погребальной ямы. Количество таких костей разное — от единиц до сотен. Преобладают обломки больших конечностей. Средняя глубина погребальных ям — 0,50…0,75 м. Абсолютное большинство ям имеет овальную в плане форму длиной около 2 м и шириной до 0,75 м. Ямы, как правило, имеют устойчивую ориентировку с северо-запада на юго-восток. Кости тщательно очищались от остатков костра и складывались кучкой чаще всего в центре ямы. Вместе с ними, обычно сверху, клались различные вещи: ножи, украшения, наконечники копий. Почти все они носят на себе следы пребывания в огне. Рядом с костями на дно ямы ставились глиняные сосуды — миски и горшки. Помещались они преимущественно в северо-западной части ямы.

Небольшую группу погребений составляют захоронения в круглых ямах. В некоторых погребениях не обнаружено остатков кремации. Приблизительно десятую часть составляли погребения, в которых либо совсем не было вещей, либо они были представлены обломками глиняных сосудов.

В целом могильник дал исключительно много самых разнообразных предметов. Здесь было найдено только целых сосудов 277 штук. Это были в основном типичные зарубинецкие горшки, миски, мелкие сосуды, плоские, круглые крышки. Поверхность сосудов сглажена или вылощена. Подавляющее число их имеет темно-коричневый цвет. Найдены также черные лощеные сосуды.

Много найдено предметов украшения и домашнего обихода. Особую группу находок составляют фибулы, относящиеся к двум основным схемам: среднелатенской и позднелатенской. Каждая из схем в свою очередь распадается на несколько типов. Всего фибул латенских схем в Чаплинском могильнике найдено 119 штук. Многие типы фибул имеют определенную дату бытования. Это делает их наиболее важными датирующими находками. Распределение погребений Чаплинского могильника по типам фибул, которые их сопровождают, дает возможность рассматривать весь громадный вещевой материал могильника в хронологическом развитии. Хотя фибулы широко

распространены за пределами области зарубинецкой культуры, можно утверждать, что все основные их типы, найденные в Чаплинском могильнике, за исключением исходного среднелатенского, происходят из Приднепровья.

Зарубинецкие фибулы.

Орудия труда и предметы домашнего обихода представлены 3 топорами-кельтами, 16 ножами, 4 шильями, 2 иглами, 3 пряслицами, 22 огнёвами. Но особенно многочисленны украшения. Среди них 24 браслета, 11 височных колец, 30 колец и перстней, 79 небольших колечек и пронизок, 1163 целых стеклянных бус и не менее 1000 спекшихся. Из оружия найдены 14 наконечников копий и 1 наконечник стрелы. Могилы были явно неравнозначны по количеству содержавшихся в них находок. Выделяются погребения богатые, средние и бедные. В этом можно видеть отражение имущественного расслоения среди обитателей Чаплинского городища.

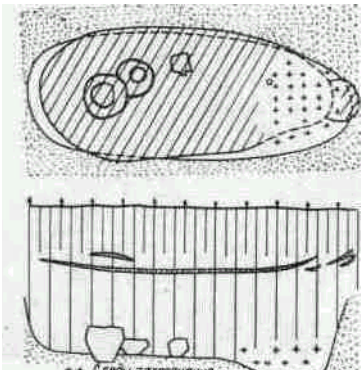
По совокупности датирующих находок Чаплинский могильник не выходит за хронологические рамки II в. до н. э.— I…II вв. н. э.

Обширный вещевой материал, добытый раскопками поселения и могильника в Чаплине, убедительно свидетельствует о высоком уровне зарубинецкой культуры. Застройка городища и характер находок менее всего соответствуют быту обычной большесемейной общины. Всего вероятнее, общественные отношения обитателей Чаплинского поселка следует рассматривать как переходные от патриархальной большесемейной общины к сельской общине с развивающимися семейными началами и заметными признаками имущественного неравенства [29].

Чаплинский археологический комплекс не единственный хорошо исследованный памятник зарубинецкой культуры на территории Белоруссии.

В Полесье было частично раскопано еще несколько зарубинецких могильников. Один из них находится у д. Велемичи в низовьях р. Горыни. На нем вскрыто 136 погребений, 125 из них относятся к зарубинецкой культуре, остальные к более позднему времени [9].

Три зарубинецких погребения были совершены по обряду трупоположения, хотя в них найдены не полные скелеты, а только обломки черепов. 13 погребений не имели остатков костей. В 6 погребениях обломки пережженных костей были ссыпаны в глиняные урны. Остальные захоронения совершены в обычной зарубинецкой манере: тщательно очищенные от погребального костра остатки пережженных костей ссыпались на дно ямы. Сверху или рядом с ними складывались вещи. Вещей много. Больше всего керамики, представленной лепными горшками, мисками и маленькими сосудами в виде стопок. Цвет керамики — темно-коричневый. Большая часть сосудов вылощена или тщательно заглажена. Из металлических предметов большую группу, как обычно, составляют фибулы латенских типов. Одна из фибул среднелатенской схемы, украшенная двумя шариками на спинке, дает раннюю дату погребения — II в. до н. э. Из украшений найдены большие бронзовые булавки с кольцевыми или плоскоспиральными головками, бронзовые трапециевидные подвески, кольца, стеклянные бусы. Очень интересна большая бронзовая шейная гривна. Другие категории вещей представлены единичными находками: 2 ножа, одно пряслице, один наконечник копья и др. Можно особо отметить найденный в одном из погребений обломок явно привозного кельтского сосуда, сделанного на гончарном круге и покрытого графитом.

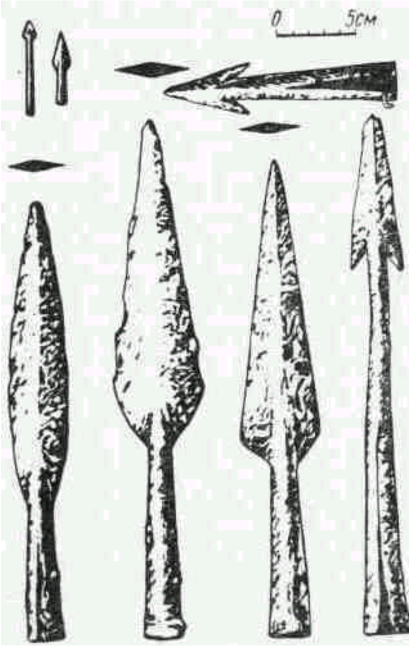

План и разрез погребения зарубинецкой культуры.
(Воронино. Раскопки Ю. В. Кухаренко.)

Рядом с могильником расположено зарубинецкое поселение, на котором обнаружены слегка углубленные жилища. Недалеко от него находятся еще два поселения и около каждого свой могильник (Велемичи II и Велемичи III). На одном из них (Велемичи II) на небольшой площади было обнаружено 35 погребений. За исключением двух,

все они зарубинецкие, содержащие материал, аналогичный могильнику Велемичи I. И тот и другой могильник можно датировать второй половиной II в. до н. э.…I в. н. э. [9].

Еще один зарубинецкий могильник был частично исследован возле д. Воронино Туровского района Гомельской области. В нем раскопано 50 погребений. Обряд захоронения — трупосожжение. В двух погребениях остатки кремации были положены в урны, в остальных высыпаны в ямы. Большинство ям имеет вытянутую овальную форму и ориентировано с запада на восток. Бросается в глаза такая деталь в погребальном обряде, как помещение остатков сожженного в восточном краю ямы. Глиняные сосуды ставились на некотором расстоянии к западу от них. В большей части погребений встречается сразу по три сосуда: горшок, миска и кружка. Датируется могильник тем же временем, что и в Велемичах. Зарубинецкая культура оказала заметное воздействие на соседние культуры, испытав в свою очередь их культурное влияние на себе. Распространившись на территории Белоруссии в милоградской среде, зарубинцы поглотили культуру своих предшественников. Прежнее население в какой-то мере смешалось с пришлым, передав ему некоторые элементы своей культуры. Так, гудя по исследованиям Чаплинского и Моховского II городищ, в зарубинецкое время широко были распространены характерные для милоградской культуры типы глиняных пряслиц. В некоторых погребах-ямах было зарегистрировано совместное нахождение обломков милоградской и зарубинецкой керамики. Замечается некоторая преемственность в развитии форм сосудов.

Предметы вооружения из зарубинецких памятников.

Материалы из раскопок городища «Барсучья Горка» на Могилевщине свидетельствуют о некотором влиянии зарубинецкой культуры на культуру штрихованной керамики, хотя это влияние ощущается пока только в пограничных областях. Более значительное воздействие испытали на себе племена, обитавшие к северо-востоку и востоку от зарубинцев. В Смоленском Поднепровье распространяется керамика, близкая по форме к зарубинецкой, фибулы зарубинецкого типа и т. д. Влияние зарубинецкой культуры ощущается и далее на восток, на Нижней Оке и Волге [28].

Вопрос о происхождении зарубинецкой культуры, о ее последующих судьбах и этнической атрибуции является пока дискуссионным. Большая группа исследователей склоняется к признанию происхождения зарубинецкой культуры в области Среднего Поднепровья на базе местных культур предшествующего времени, называя различные культурные истоки: скифские (П. Д. Либеров), подгорцевско-милоградские (В. Н. Даниленко), чернолесские (А. И. Тереножкин). П. Н. Третьяков склонен считать, что в формировании зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье преобладающую роль играл этнический элемент, происходящий из области бассейна Вислы, хотя местные элементы тоже участвовали в этом процессе [27]. Иной точки зрения придерживается Ю. В. Кухаренко. По его мнению, только в районах Западного Полесья и Волыни имеются памятники, хронологически и типологически увязывающиеся с зарубинецкими. Это позднелужицкие и «подклешевые» могильники. Здесь же находятся и наиболее ранние зарубинецкие памятники, относящиеся ко II в. до н. э. На более восточной территории зарубинецкие памятники, по его наблюдениям, появляются позже: в Приднепровье не ранее I в. до н. э., дальше к северо-востоку на Десне и Сейме в I в. н. э. [6].

На территории Белоруссии зарубинецкая культура в основном представляется пришлой.

Большинство исследователей признают славянскую принадлежность зарубинецких племен. В пределах Восточно-Европейской равнины зарубинецкая культура занимала ту область, которая в будущем станет основной частью древнерусской земли. Племена зарубинецкой культуры не могли быть ни балтами, ни угрофиннами, которые обитали севернее и древности которых хорошо известны. Очень важным аргументом в пользу славянской принадлежности зарубинецкой культуры является близость ее к пшеворской культуре Польши, которая генетически увязывается польскими учеными с историческими средневековыми древностями Польши.

Попытки найти некоторые черты преемственности между зарубинецкой культурой и ранними памятниками вятичей и кривичей пока не подтверждены убедительными аргументами.

Памятники послезарубинецкого времени в южной Белоруссии

В конце I или, возможно, во II в. н. э. поселения и могильники зарубинецкой культуры на территории Белоруссии прекращают свое существование. Их место вскоре занимают памятники иного культурного облика. От II…V вв. н. э. на обширной территории от верховьев Днестра до верховьев Северского Донца известны памятники Черняховского типа, судя по всему, неоднородные как в культурном, так и в этническом отношении.

По обряду захоронения черняховская культура относится, как и зарубинецкая, к кругу памятников «полей погребения». Но у Черняховских племен было распространено как трупосожжение, так и трупоположение.

Поселения этой культуры, как правило, были неукрепленными. Располагались они в долинах рек, на склонах первой надпойменной террасы, у оврагов и балок, занимая площадь в 2…3 гектара, а иногда и больше. Жилища были как наземные, так и полуземляночные. Больше распространены небольшие наземные постройки со стенами, сплетенными из прутьев и обмазанными глиной. Культура имеет ярко выраженный земледельческий характер.

Среди керамического материала много посуды, изготовленной на гончарном круге. Столовая посуда обычно хорошо вылощена, серого цвета. Распространяются вещи провинциально-римского облика — амфоры, стеклянные сосуды, бусы, фибулы и римские монеты. Последние исследования, однако, выявили существенные локальные различия между отдельными районами, объединяемыми пока под общим термином «черняховской культуры». В складывании культуры, очевидно, приняли участие различные этнические элементы, и сама она, как полагают, явилась продуктом определенной культурно-экономической и политической обстановки, общей для ряда этнических групп [30].

Глиняные сосуды из могильника Брест-Гришин. (Раскопки Ю. В. Кухаренко.)

Местные этническо-культурные особенности оказались прикрытыми плотной вуалью провинциально-римских древностей. Учитывая это обстоятельство, следует подходить к отдельной группе волынско-полесских памятников, заходящих на территорию южной Белоруссии. Под покровом Черняховского материала отчетливо просматриваются локальные особенности культуры, сохраняющей, с одной стороны, пшеворско-зарубинецкие традиции, с другой, имеющей прямые аналогии с памятниками готско-гепидской культуры Нижнего Повисленья.

Как и в предшествующее зарубинецкое время, здесь известен только один обряд погребения — трупосожжение. На поселениях, которые изучены пока очень слабо, черняховская серолощеная керамика составляет, по подсчетам И. С. Винокура, до 45% от общего количества керамики.

Могильники бескурганные. Некоторые из них располагаются на месте более ранних зарубинецких и поморских. Так, среди 136 погребений, исследованных на могильнике Велемичи I, 10 оказались относящимися к послезарубинецкому времени. Остатки сожжения были высыпаны в яму вместе с золой, древесными углями и поврежденными огнем вещами. Среди обломков глиняной посуды имеются лепные и гончарные. Гончарные сосуды представлены типичными Черняховскими серолощеными мисочками. Среди лепных имеются сосуды зарубинецких форм и форм, характерных для готских могильников низовьев Вислы, Буга и Волыни [9]. Металлические вещи, как правило, фрагментированы. Все находки типичны для III…IV вв. н. э.

Бронзовые наконечник ремня и фибулы из могильника Брест-Гришин

1960…1961 гг. Ю. В. Кухаренко был раскопан грунтовой могильник в д. Гришин на окраине Бреста [7]. В нем обнаружено 55 погребений и 8 больших ям, заполненных золой и обожженными камнями. Все погребения содержали трупосожжения. Большая часть погребений совершена в ямах, в которые были высыпаны пережженные кости и остатки погребального костра. Здесь же были сложены вещи: глиняные сосуды, бронзовые фибулы, булавки, различные подвески (в том числе и из римских монет), поясные пряжки, наконечники ремня, иглы, пряслица, костяные гребни и т. п. Оружия в погребениях не обнаружено. Имелись и урновые захоронения. Основная масса материала имеет аналогии в готско-гепидских памятниках низовьев Вислы. Единичные находки принадлежали пшеворским и Черняховским типам. Дата могильника — конец II…середина IV в. н. э. Безусловное сходство

основного вещевого материала могильника с древностями готско-гепидской культуры дает основание говорить о переселении в Полесье какой-то группы нижневисленского населения.

Историк VI в. Иордан, пользовавшийся более ранними, не дошедшими до нас источниками, рассказал о продвижении с юго-восточных берегов Прибалтики на юго-восток через земли венедов и далее на юг к берегам Причерноморья германского племени готов, достигших к III в. н. э. нижнего течения Дуная и нанесших в последующие столетия ряд ударов по римским провинциям на Балканском полуострове. Материалы из могильника под Брестом, по-видимому, подтверждают сообщение Иордана. Можно отметить, что недалеко от южных границ Белоруссии, на Волыни, возле села Сушично был найден железный наконечник копья III в. н. э. с рунической надписью на готском языке, которая читается как ?????, что означает «нападение», «нападающий» [9].

По мнению Ю. В. Кухаренко, продвижение готов в Полесье и на Волыни было довольно мирным. Они двигались по слабозаселенным территориям пограничья между различными племенами. В этническом отношении готы, по-видимому, не были едины. Вместе с ними могли быть и увлеченные движением славянские группы. Часть пришельцев, как свидетельствуют описанные памятники, осела здесь и впоследствии растворилась среди местного населения, наложив на их культуру своеобразный отпечаток.

На юге и юго-востоке Белоруссии начиная со II в. н. э. получают распространение памятники типа Адаменки под Новым Быховом, характеризующиеся трупосожжением, открытыми поселения, имевшими бревенчатые стены и грунтовыми могильниками. Селища были застроены полуземляночными жилищами (14…16 кв. м). Внутри построек обнаружены открытые очаги. Эти памятники еще требуют изучения [19].

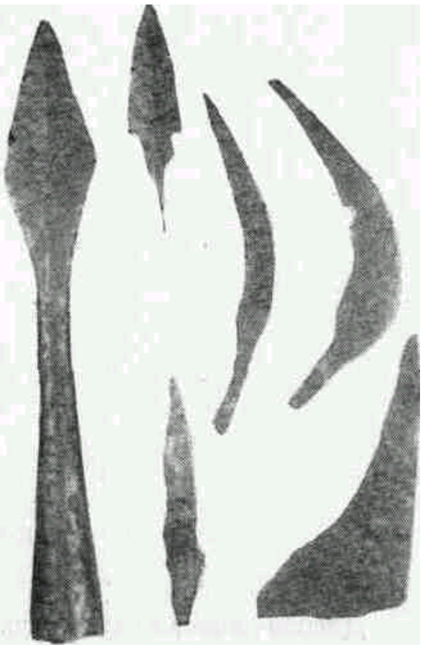
Днепро-двинская культура

Верховья Сожа и Десны, смоленское поречье Днепра и верхнее течение Западной Двины до водораздела Днепра и рек волжского бассейна с I тысячелетия до н. э. до третьей четверти I тысячелетия н. э. входили в особую культурно-историческую область, отличную по ряду важных культурных элементов от соседних областей. Сложившаяся здесь в железном веке археологическая культура носит название культуры смоленских городищ или днепро-двинской [1, 27]. Пока известны только поселения этой культуры, представленные городищами и селищами.

Городища обычно располагались гнездами по 2…4 вблизи водоемов на высоких естественно укрепленных местах, часто на отдельных моренных холмах посреди болот. Размеры их, как правило, невелики. Форма площадки треугольная или овальная. Городища дополнительно укреплялись валами и рвами, иногда в несколько рядов. Специальной обработкой склонам придавалась большая крутизна. В качестве интересной детали можно отметить тот факт, что валы и рвы почти всегда сооружались либо вдоль основания городища, либо на его склонах, т. е. ниже площадки поселения. Раскопками на некоторых городищах прослежены остатки деревянных стен, сооруженных по гребню валов. По своей конструкции городища очень напоминают литовские пилькальнисы. Селища тоже располагались вблизи воды, но они совсем не изучены.

Жилища обитателей днепро-двинских городищ были наземными или немного углубленными в землю, столбовой конструкции.

Керамика лепная, плоскодонная, слабо профилированная, со слегка отогнутым наружу венчиком. Имеются также сосуды баночной формы с краем, вогнутым внутрь. Орнаментированной посуды встречается сравнительно мало.

Изделия из поселений днепро-двинской культуры. (Раскопки К. Шута.)

В отличие от своих южных и западных соседей обитатели городищ широко использовали кость в качестве материала для изготовления различных предметов. На некоторых поселениях изделия из кости представлены значительно обильнее, чем из глины, или тем более из металла. Эта особенность сближает днепро-двинскую культуру с соседней с ней на востоке дьяковской. Можно также указать на находки типичных дьяковских глиняных грузиков.

Некоторые ранние металлические изделия, в частности бронзовые украшения, весьма напоминают

милоградские.

С появлением на южных границах культуры зарубинецких племен наблюдаются, как уже говорилось, значительные перемены в общем облике днепро-двинской культуры: появляется близкая по форме к зарубинецкой керамика, распространяются фибулы зарубинецкого типа и т. д. Но в целом местный характер культуры сохраняется [28].

В хозяйстве обитателей городищ долгое время прочно сохраняли свои позиции скотоводство и охота. Только на позднем этапе заметно возрастает роль земледелия.

Раскопанных поселений описываемой культуры на территории Белоруссии мало. Наиболее раннее городище, относящееся ко второй половине I тысячелетия до н. э., было частично раскопано А. Г. Митрофановым в 1956 г. возле д. Поддубники Дисненского района Витебской области. Возникло оно на конце очень высокого мыса, обращенного с одной стороны к долине р. Ауты, с другой — к оврагу. С напольной стороны городища был сооружен вал. Площадка имеет неправильную овальную форму размером 28x55 м. Состав находок придает культуре поселения очень архаичный облик. Преобладают изделия из кости: стрелы, иглы, проколки, какие-то долотообразные орудия и т. д. Найдены два клиновидных каменных топора. Железные изделия почти отсутствуют. Только в самых верхних слоях найден железный серп. Керамики немного. Представлена она двумя типами: слабо профилированными горшками и сосудами баночной формы. Основным занятием обитателей городища были скотоводство и охота, дополняемые собирательством речных моллюсков. Только на последнем этапе жизни получило развитие земледелие.

Небольшие по объему раскопки были произведены Л. В. Алексеевым [2] на городище Девичья гора в Мстиславле. Городище занимает мыс правого берега р. Вихры и имеет эллипсовидную форму 103x48 м. Площадка окружена валом, достигающим высоты 2…2,5 м. Как показали раскопки, первоначально поселение не имело земляных укреплений.

Находки с городища представлены железным серповидным ножом с горбатой спинкой, бронзовой фибулой среднелатенской схемы, двумя грузиками дьяковского типа, костяным гарпуном, тремя костяными бусинами и керамикой. Среди последней имеются фрагменты от малопрофилированных сосудов с бугристой поверхностью, а также от сосудов с защипами или насечкой по краю венчика, отдаленно напоминающих зарубинецкие.

Восстановить не удалось

Синхронистическая таблица археологических культур железного века.

Сходство керамики, обнаруженной под валом, с керамикой из нижнего слоя полностью раскопанного городища Тушемли в Смоленской области позволяет относить начало жизни на городище ко второй половине I

тысячелетия до н. э. Просуществовало оно, как можно судить по находкам фибулы и некоторых типов керамики, до I в. н. э.

О более позднем этапе культуры дает представление городище около Язно в Дисненском районе Витебской области, изучавшееся А. Г. Митрофановым в 1955 и 1961 гг. (Материалы раскопок Поддубников и Язно не опубликованы.)

Поселение основано на холме вблизи озера. Площадка имеет удлиненную форму размером 42x90 м. Остатки укреплений сохранились теперь в виде террасы, опоясывающей городище приблизительно на половине его высоты. Имеется небольшой вал и на узком краю городища. Как показал его разрез, вал был сооружен не сразу. Первоначально городище было укреплено деревянной стеной.

Судя по составу находок, на городище имеется два разных слоя. Нижний относится к культуре днепро-двинских городищ, верхний — к культуре длинных курганов VI…VIII вв., но стратиграфически слои не разделяются.

Как и на других памятниках этой культуры, керамики найдено сравнительно мало. Вся она гладкостенная и в основном слабо профилированная. Иногда встречается орнамент в виде нарезных изломанных линий и ямочных вдавлений. Изделий из железа уже значительно больше. Найдены миниатюрные серпы со слабым изгибом лезвия, ножи с изогнутой спинкой, булавки с 5-видным завитком, наконечник копья. По-прежнему очень много изделий из кости. Жилища проследить не удалось. Вероятно, это были наземные постройки столбовой конструкции. Обнаружено несколько больших ям. Очень интересный объект был выявлен в центре площадки городища. Он представляет собой сооружение из обожженной глины, круглое в плане, диаметром около 1 м, с вертикальными стенами, сохранившимися до высоты 35…40 см, и с небольшим углублением в центре. Вокруг него найдено много шлаков и кусков необработанных криц. Несомненно, сооружение это связано с обработкой железа. Не вполне ясно только, была ли это домница или кузнечный горн.

Днепро-двинская культура, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении. Можно надеяться, что будут открыты и погребальные памятники. Еще не поставлен по существу вопрос об истоках этой культуры. О последующих судьбах можно только догадываться. Определеннее решается вопрос об этнической принадлежности носителей днепро-двинской культуры. Данные гидронимики свидетельствуют о том, что население Верхнего Поднепровья, значительной части Подвинья и западных районов Волго-Окского междуречья принадлежало к балтийской языковой группе. Это как раз та территория, на которой в эпоху железного века обитали племена, оставившие и днепро-двинскую культуру [25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959, т. 1.

2. Алексеев Л. В. Городище Девичья гора в г. Мстиславле. КСИА, 1963, вып. 94.

3. Амброз А. К. Фибулы зарубинецкой культуры. МИА, 1959, № 70.

4. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962.

5. Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура. М., 1964.

6.Кухаренко Ю.В.К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1.

7. Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Гришин (к вопросу о так называемой готско-гепидской культуре на территории Полесья и Волыни). Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963.

8. Кухаренко Ю. В. Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье. КСИИМК, 1954, вып. 53.

9. Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961.

10. Кухаренко Ю. В. Чаплинский могильник. МИА, 1959, № 70.

11. Мельниковская О. Н. Древнейшие городища южной Белоруссии. КСИИМК, 1957, вып. 70.

12. Мельниковская О. Н. История племен раннего железного века южной Белоруссии. Автореферат диссертации М., 1964.

13. Мельниковская О. Н. Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии. Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск, 1957.

14. Мельниковская О. Н. Могильник милоградской культуры в д. Горошков в южной Белоруссии. СА, 1962, № 1.

15. Мельниковская О. Н. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в южной Белоруссии. СА, 1963, № 1.

16. Мельниковская О. Н. Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии. (Милоградская культура.) КСИА, 1963, вып. 94.

17. Митрофанов А. Г. Городище в Вязынке. Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск, 1957.

18. Митрофанов А. Г. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореферат диссертации. Л., 1955.

19. Митрофанов А. Г., Тарасенко В.Р. Типы жилищ на территории БССР эпохи раннего железа и раннего средневековья. Вопросы этнографии Белоруссии. Минск, 1964.

20. Никитина В. Б. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине. СА, 1965, № 1.

21. Поболь Л. Д. Поселение и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине. Автореферат диссертации. М., 1960.^

22. Поболь Л. Д. Пасяленне і магільнік зарубінецкай культуры у Чапліне. Весці АН БССР, серыя грам. навук, 1959, № 3.

23. Поболь Л. Д. Фібулы з раскопак у Чапліне. Весці АН БССР, серыя грам. навук, 1958, № 2.

24. Пронина И. Г., Гаррут В. Е. Остатки животных из поселений III в. до н. э. — V в. н. э. на территории Минской области БССР. Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск, 1957.
25. Седов В. В. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы. Тезисы..., М., 1963.
26. Седов В. В. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья. СЭ, 1954, № 3.
27. Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963.
28. Третьяков П. Н. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, № 1.
29. Третьяков П. Н. Чаплинское городище. МИА, 1959, № 70.
30. Третьяков П. Н. Этногенический процесс и археология. СА, 1962, № 4.

Глава 5 АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БЕЛОРУССИИ СЕРЕДИНЫ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Период разложения первобытнообщинных отношений и складывания феодальных, завершившийся образованием Древнерусского государства, принадлежит к числу слабо разработанных. В особой степени это относится к территории Белоруссии. В письменных источниках этот процесс по существу не отражен. Правовые документы все относятся к сравнительно позднему времени. Упоминания византийских и арабских авторов о славянстве этого времени чрезвычайно скудны и поверхностны, хотя их зарисовки некоторых бытовых сторон очень интересны.

Новая эпоха отмечена важными переменами в хозяйственной и общественной жизни славянских и других племен, заселявших территорию Белоруссии. Примитивная подсечная система земледелия постепенно уступает свое место пашенной. С помощью плуга, оснащенного железным лемехом, и сохи население переходит к вспашке старых окультуренных земель по двупольной и трехпольной системе. Земледелие становится господствующей отраслью хозяйства. Совершенствование техники обработки железа и быстрое распространение новой системы хозяйства вело к сглаживанию контрастов между лесостепным Югом и лесным Севером.

Новые хозяйственные возможности имели своим следствием распад замкнутых родовых коллективов, существование которых обусловливалось старой примитивной техникой подсечного земледелия.

Основной хозяйственной единицей постепенно становится отдельная небольшая индивидуальная семья. Городища, являвшиеся основным типом поселения предшествующей поры, утрачивают свое значение. Характерными становятся небольшие поселения-заимки, открытые селища, оставившие небольшой культурный слой. Происходило раздробление больших поселков, население разбредалось и селилось в стороне от своих городищ. Находить такие поселения значительно труднее.

Отражением процесса выделения отдельных семей было появление кое-где уже в середине I тысячелетия н. э. индивидуальных и парных захоронений.

Постепенное изживание родовой замкнутости привело к созданию высшей формы родоплеменного общества в виде прочно организованных союзов племен. Последние века в развитии первобытнообщинного строя отмечены общим вооружением всего мужского населения. Это находит свое отражение и в археологическом материале середины I тысячелетия н. э. В инвентаре мужских захоронений очень часто встречается оружие — наконечники копий, боевые топоры. Увлекаемое своими вождями население принимало участие в военных походах против соседей и часто далеко от своих родных мест. Для территории Белоруссии эта пора характеризуется крупными перемещениями населения. Письменные источники зарегистрировали участие славян в борьбе против Рима. Археологическими свидетельствами этих событий являются клады с римскими вещами, разбросанные на территории Восточной Европы. Такие клады с награбленными в походах ценностями, принадлежавшие, очевидно, племенным вождям, найдены на территории Белоруссии.

Заметной чертой нового периода становится распространение полуземлянок даже на тех территориях, где еще раньше основным типом построек были наземные дома. В основе этого явления лежат массовые передвижения населения. Сооружение полуземлянок требовало меньше материала, затрат труда и времени.

В отдельных областях Белоруссии в рассматриваемое время продолжается смена этнического состава населения.

Несмотря на слабую изученность периода, уже теперь намечаются различные группы памятников.

Памятники пражского типа. Хотомель

Время, предшествующее образованию Киевской Руси, на юге Белоруссии представлено памятниками пражского типа (VI…VIII вв.), привлекающими к себе в последнее время все большее внимание славистов. Памятники эти одинаково характерны для всех славянских племен. На Волыни они лучше всего изучены у селения Корчак, которое дало название волынскому варианту этой культуры.

Городище Хотомель.

Памятники пражского типа представлены поселениями и могильниками. Поселения делятся на две группы: селища и городища со связанными с ними селищами [10]. Располагаются они обычно на песчаных возвышенностях в широких поймах. Размеры городищ небольшие — 35…40 м в диаметре. В плане они большей частью круглые, обнесены валами и рвами. На многих из них, как показали раскопки Ю. В. Кухаренко, население не жило постоянно, а укрывалось в случае опасности. Возможно, что они служили также центрами общественно-религиозной жизни.

Селища застраивались небольшими полуземлянками, внутри которых при раскопках обнаруживаются остатки глинобитных печей, устроенных на деревянных каркасах. Печи сооружались и за пределами жилищ. Над ними возводились легкие постройки типа шалаша. Деревянные хозяйственные пристройки иногда примыкали к жилищам

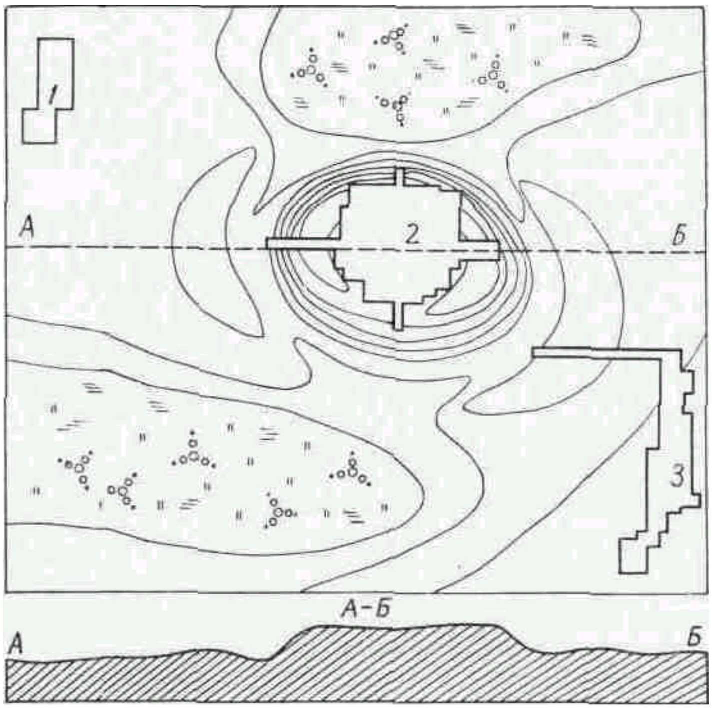
[8]. Датирующие вещи из рассматриваемых памятников имеют аналогии среди древностей VI…VIII вв., в частности аварских и славянских в Придунавье: железные и костяные пряжки, гитаровидные пряжки, трапециевидные кресала, двушипные наконечники стрел с витой втулкой и др.

Керамика пражского типа представлена лепными сосудами, обычно коричневого цвета с примесью песка и дресвы в тесте, с шероховатой, слегка сглаженной поверхностью. Венчики короткие, иногда почти вертикальные, плечики выражены слабо. На позднем этапе встречаются сосуды, орнаментированные по краю венчика насечкой или пальцевыми вдавлениями.

Могильники, на которых встречается керамика пражского типа, известны двух типов: курганные и бескурганные. И в тех, и в других обряд захоронения — трупосожжение. В бескурганном могильнике возле Хотомеля найдено погребение, в котором остатки пережженных костей были сложены на дне небольшой ямки и сверху перекрыты большим глиняным горшком, поставленным вверх дном. В других местах известны захоронения обломков пережженных костей в урнах. Бескурганный могильник, относящийся к этому же кругу памятников был частично раскопан в 1937 г. польским археологом Р. Якимовичем возле д. Хорек в низовьях р. Горыни. В Полесье памятники пражского типа выявлены в Петрикове, Либлино, Хильчицах, Воронине, Пинске и других местах. Наиболее исследованным является археологический комплекс в Хотомеле. Здесь имеются городище, раскопанное целиком, селище и могильник.

Городище устроено на окраине возвышенности, окруженной с севера и юга заболоченным лугом. В плане оно имеет форму овала размером 40х30 м. Болото и небольшая река естественно укрепили городище с двух сторон. С двух других сторон были сооружены по два дугообразных вала и вырыты рвы. На вершине вала, по-видимому, были поставлены деревянные клети, заполненные песком. Остатками таких клетей следует считать обнаруженные в раскопках толстые дубовые бревна.

Культурный слой распространяется неравномерно. В центре площадки он имел толщину 40 см, покраям — до 2…2,5 м. Мощная зольная прослойка, выявленная по краям городища на глубине около 1 м, стратиграфически делит культурные напластования на два слоя, значительно различающиеся между собой по составу находок.

План и профиль (по линии АВ) городища Хотомель.
1 и 3—раскопы на селище; 2—раскоп на городище.

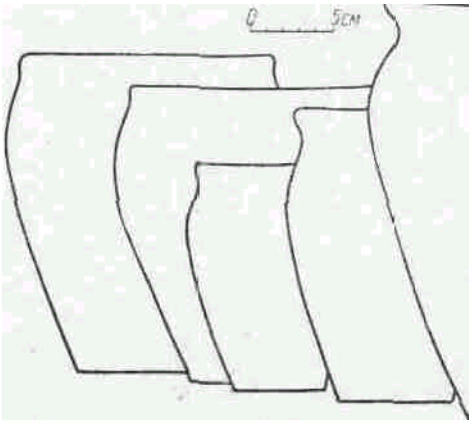
Остатки сооружений на городище очень невыразительны. Исследователь памятника Ю. В. Кухаренко склонен связывать с ними ямы от сгоревших столбов. Возможные постройки столбовой конструкции он относит ко второму верхнему слою. В различных местах городища были обнаружены остатки временных очагов. Все это дает основание предполагать, что само городище не было местом постоянного обитания. Вещевые находки сосредоточены почти исключительно по краю городища. Основная масса их происходит из верхнего слоя. Из предметов хозяйственного обихода были найдены железное долото, несколько ножей, глиняная литейная форма, пряслица; из предметов, связанных с военным бытом, — 3 наконечника копий, 14 наконечников стрел, 3 железных пластинки от защитного панциря, скоба-обойма от портупеи, 3 удила.

Украшений сравнительно мало. Можно отметить обломок серебряного браслета и серебряное семилучевое височное кольцо.

Керамический материал из Хотомеля лег в основу классификации керамики синхронных памятников этой территории [12]. 82% сосудов сделано от руки. Причем в нижнем слое керамика исключительно лепная, довольно однообразной формы: слабо выраженные плечики и невысокий слегка отогнутый венчик. Найдены также небольшие круглые сковородки с невысоким бортиком. По форме и степени отогнутости венчика в лепной керамике выделяются 10 видов. Замечается эволюция от сосудов с почти вертикальным и коротким венчиком к сосудам с более отогнутым венчиком и удлиненной шейкой.

Для верхнего слоя характерны более развитые формы керамики. Многие из них непосредственно сменяют формы керамики типа корчак, являясь следующей ступенью ее развития. Такая керамика имеет много общего с более поздними сосудами роменско-боршевского типа VIII…IX вв.

Анализ материала показывает, что ранний этап Хотомельского городища может быть датирован VI…VIII вв., поздний — VIII…X вв. Последний представляет особый интерес. Состав находок и планировка поселения с мощными круговыми деревянными укреплениями свидетельствуют, по-видимому, о превращении городища в своеобразный поселок дружинников.

Эволюция лепной керамики в Хотомеле. (По Русановой.)

Со вторым этапом жизни городища связано существование открытого селища, раскинувшегося у крепостных стен. Площадь его около 1 га. Селище было густо застроено полуземляночными жилищами, расположенными рядами вдоль внешнего вала городища в 1…5 м друг от друга. На одном небольшом участке было полностью раскопано 12 жилищ. Значительная их часть имела хорошо выраженный прямоугольный план. Пол жилищ находится на глубине 1…2 м от современной поверхности. Стены состояли из двойного ряда столбов, от которых сохранились ямки в материке. В углу обычно устраивалась глинобитная печь, свод которой лепился на деревянном каркасе. Размеры жилищ были в среднем 6х4 м. К некоторым жилищам примыкали хозяйственные пристройки столбовой конструкции.

В отличие от находок с городища вещи, найденные на селище, представляют предметы хозяйственного назначения: 11 ножей, 4 остроги для ловли рыбы, 2 железных сошника вместе с плужным резцом-череслом, 2 обломка серпов, железное долото, дужка от ведра, каменный точильный брусок, 4 глиняных и 2 каменных пряслица.

Состав животных, определенный по костным остаткам, сравнительно разнообразен: свинья — 36,5 %, крупный рогатый скот — 24,6 %, лошадь — 11,5%. Далее идут лось, кабан, мелкий рогатый скот, медведь, птица, зубр. Домашние животные явно преобладают над дикими, составляя около 77%.

Культурный слой селища не различается ни стратиграфически, ни по составу находок. Везде лепная керамика встречается вместе с гончарной. Однако последняя насчитывает всего 30% от всей керамики. Лепная и гончарная керамика аналогичны керамике верхнего, более позднего слоя городища, хотя орнаментированной посуды здесь значительно больше. Орнаменты представлены косой насечкой или пальцевыми вдавлениями по краю или основанию венчика волнистыми бороздками. В редких случаях сосуды украшены ямочками и наколами.

Среди посуды, сделанной на гончарном круге, выделяются семь видов. Наиболее частую аналогию в славянских памятниках имеет горшок с утолщенным и оттянутым вниз венчиком в форме карнизика. Такой тип характерен для IX…X вв.

Археологический комплекс в Хотомеле знаменует собой очень важный этап в развитии общества. Непрерывность обитания населения в Хотомеле позволяет наблюдать процесс перехода от патриархально-родового строя к классовому. Небольшое городище родового коллектива, за время жизни которого отложился нижний культурный слой, представленный керамикой типа корчак с весьма ограниченным ассортиментом находок, постепенно превращается в сильно укрепленный поселок, населенный состоятельными дружинниками, резко отличающимися по своему имущественному положению и образу жизни от земледельческого населения селища. От такого дружинного поселка оставался один шаг до феодального замка.

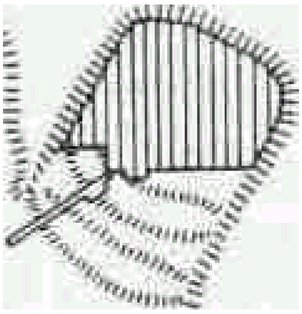
Колочин. Банцеровщина. Замковая гора

Иной облик носит другая, пока еще небольшая и изолированная группа памятников середины I тысячелетия н. э., представленная сильно укрепленными городищами и селищами. К их числу относится городище у д. Колочин в Гомельской области, полностью раскопанное Э. А. Сымановичем [21]. Поселение возникло на городище, сооруженном еще в зарубинецкое время. Крутой берег реки, обрывистый овраг и ложбина с трех сторон естественно укрепили мыс, ставший площадкой городища. Два высоких искусственных вала были насыпаны с напольной стороны. По краю площадки также шел вал, на котором были поставлены деревянные укрепления, сохранившиеся в виде бревен, положенных вдоль насыпи вала, а также ям от столбов.

Городище имело два входа — главный и запасной, оба из предосторожности устроены над крутыми обрывами берега. Возле входа обнаружены очаги, у которых, по-видимому, согревалась стража, а на месте навесов мостков крепостной стены — множество сосудов, предназначенных для хранения пищи и питья на случай осады. В некоторых из них сохранились остатки обгоревшего проса и чечевицы. По краям городища располагались хозяйственные ямы-кладовки, не связанные с постройками.

Отчетливых следов жилищ описываемого времени на городище выявлено не было. Зато рядом с ним на раскинувшемся у его стен селище было найдено несколько построек, дающих представление о типе жилищ этого времени. Это были полуземлянки почти квадратной формы, с песчаным полом, с печью в углу напротив входа. Вещевой материал, несмотря на значительность исследованной площади, оказался бедным и однообразным.

Подавляющее большинство находок было сосредоточено по краям площадки городища.

План городища Колочин.

Керамика вся сделана от руки. Тесто содержит примесь дресвы. Обжиг неравномерный. Посуда середины I тысячелетия н. э. представлена двумя типами. Более многочисленную группу составляют почти непрофилированные горшки баночной формы удлиненных пропорций, без орнамента. Максимальная ширина тулова обычно приходится на среднюю часть сосуда. Дно узкое, почти цилиндрическое. На поверхности часто заметны следы заглаживания. Горшки различаются между собой размерами и степенью отгиба венчика.

Другая группа керамики имеет удлиненно-биконическую форму. Посуда иногда украшалась налепным горизонтальным валиком, покрытым косыми насечками. По тесту и цвету такие горшки ничем не отличаются от сосудов первого типа.

Сравнительно немногочисленные изделия из железа представлены ножами, шильями, пробойниками, земледельческими орудиями, рыболовными крючками, оружием. Представляет интерес клад из четырех серпов, повидимому, спешно зарытых, а также фрагмент косы-горбуши.

Наконечник копья с удлиненной тонкой втулкой и ребристым пером имеет аналогии с копьями середины I тысячелетия н. э. Несколько более поздним временем датируется наконечник арбалетной стрелы с перекрученной втулкой. Судя по всему, население Колочинского городища вело крайне замкнутый образ жизни, занимаясь в основном земледелием и рыболовством.

Глиняные сосуды из Колочинского городища

Неспокойное время середины I тысячелетия наложило свой отпечаток на жизнь городища. По меньшей мере дважды оно подвергалось нападению. Дважды горели его укрепления. Окончательный разгром городища произошел, вероятно, в конце VII…VIII вв. Эту дату подтверждают наконечник стрелы, найденный на площадке городища, и серпы, зарытие которых, очевидно, следует связывать с событиями, приведшими к разгрому поселения.

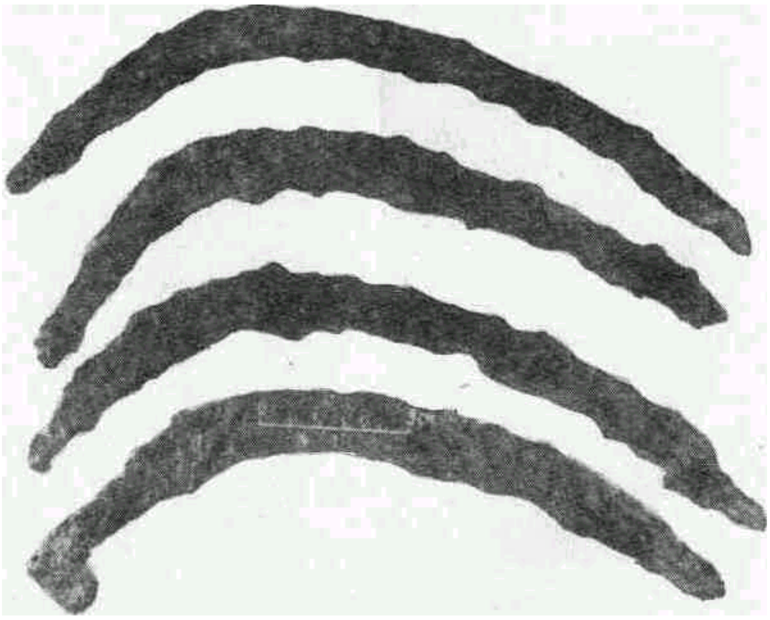
Пришельцы принесли иную культуру. Их керамика, найденная в постройке на селище, относилась к кругу роменско-боршевской культуры. Это плечистые горшки, украшенные по венчику и плечикам «гусеничной» орнаментацией или треугольниками, и сковородки.

По мнению исследователя описываемого памятника, преемственности между культурой середины I тысячелетия н. э. и роменско-боршевской на материалах из Колочина не прослеживается, как не наблюдается и генетической связи между материалами середины I тысячелетия н. э. и более ранними зарубинецкими. Это позволяет говорить о сменах населения.

Таким же сильно укрепленным поселением середины I тысячелетия н. э. было городище Банцеровщина под Минском, давшее близкий к колочинскому материал. На нем представлены два культурных слоя. Первый связан с существованием населения, оставившего культуру штрихованной керамики, второй оставлен населением, проживавшим на нем в середине I тысячелетия н. э.

Особый интерес представляет очень своеобразный памятник «Замковая гора», исследуемый в последние годы А. Г. Митрофановым в Борисовском районе [7]. Поселение раскинулось на большом холме, теперь сплошь покрытом деревьями и кустарником. Весь холм был застроен землянками, квадратными либо прямоугольными в плане. Их прослежено около 300. Средние размеры построек — 4х4 м. В углу многих землянок хорошо сохранились печи-каменки. В одной землянке прослежен деревянный сруб. Вещевые находки представлены главным образом

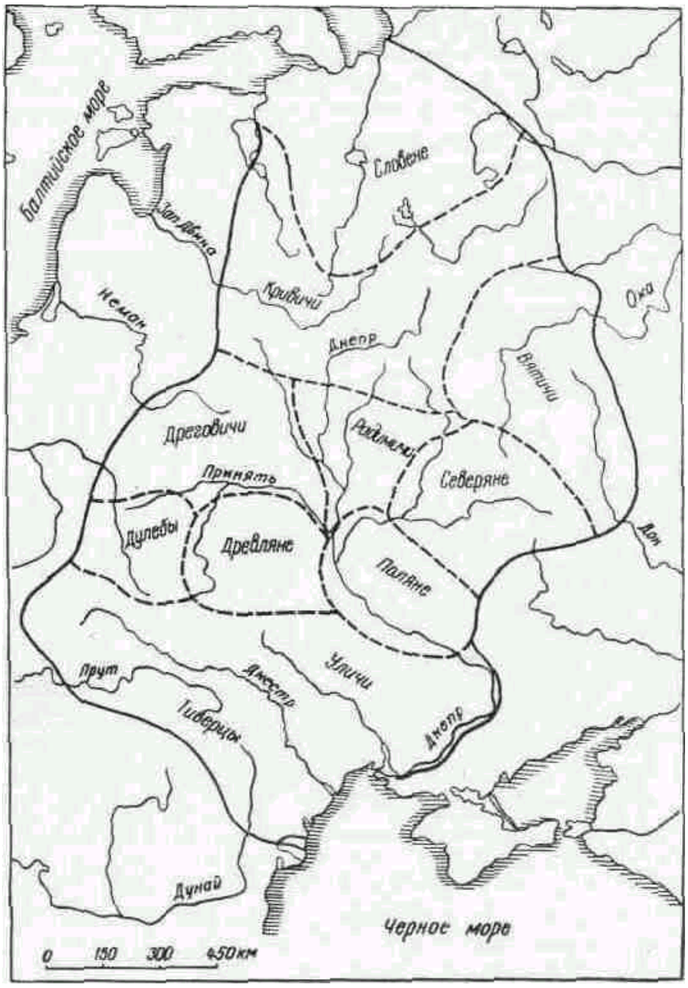
керамикой. Преобладают высокие непрофилированные сосуды с сужающимся дном, найдены также серпы. По мнению исследователя, поселение может быть датировано VI…VIII вв. н. э.

Серпы из городища Колочин.

Восточнославянские племена. Кривичи. Дреговичи. Древляне. Радимичи

К середине и второй половине I тысячелетия н. э. относится формирование мощных славянских союзов племен, зарегистрированных «Повестью временных лет». Несколько таких союзов сложилось и на территории Белоруссии. Крупнейшими из них были кривичский, дреговичский, радимичский и древлянский.

Карта расселения древнерусских племен.

Русский летописец дал этногеографию восточнославянских племен такой, какой она сложилась к IX в. Для территории Белоруссии это уже был итог больших и длительных этнических передвижений и сложных взаимоотношений славянских племен с местным населением.

В археологии восточнославянских племен несомненный интерес представляет проблема установления этнических признаков, присущих отдельным племенам и определение на основании их картографирования

племенных территорий.

Попытки уточнения ареалов отдельных восточнославянских племен были сделаны на основании сравнительно поздних археологических данных периода Киевской Руси. В это время племен как таковых уже не существовало, но отголоски былого племенного деления достаточно отчетливо запечатлелись в материальной культуре. В массе вещей и деталях погребальных обрядов были выявлены признаки, свойственные определенным племенам.

Существование на территории летописных племен различающихся между собой в деталях, но совпадающих хронологически локальных групп памятников позволяет выделить в составе этих «племен» те первичные и неизвестные из летописи племена, которые в эпоху разложения первобытнообщинных отношении объединились в большие союзы.

Одно из крупнейших восточнославянских племен — кривичи, согласно начальной летописи, занимали земли в верховьях Волги, Двины и Днепра. В середине и во второй половине I тысячелетия н. э. на этой территории, а также в отдельных районах Понеманья и Западного Буга были распространены длинные и удлиненные курганы, на смену которым в IX в. пришли круглые курганы с одиночными трупосожжениями. Удлиненные курганы представляют собой невысокие в среднем до 1,5 м насыпи длиной до 20 м при ширине около 10 м. Под ними обычно на горизонте обнаруживаются трупосожжения, совершенные на стороне. Известны находки пережженных костей, сложенных в горшки. В одном из курганов у д. Хотенчицы были найдены пережженные кости коня, высыпанные в ямку под курганом и накрытые перевернутым сосудом[4].

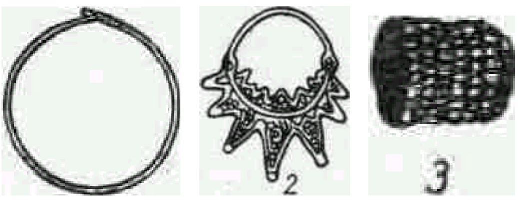
Длинные курганы имеют вид вала, протяженностью до 80…100 м. Ширина их бывает 20 м и больше, высота 2м.

Удлиненные и длинные курганы весьма бедны находками. Обычно это грубые лепные горшки, мелкие украшения из бронзы и детали костюма: трапециевидные подвески, спиральки, браслеты, бубенчики, пряжки.

Древнейшие длинные курганы на территории Белоруссии датируются приблизительно VII в. К этому времени относятся курганы в Будранах на Полотчине, где найден узколезвийный топор, характерный для древностей V…VIII вв. Там же между деревнями Машули и Шалтени раскопан длинный курган, датированный В-образными пряжками VI…VIII вв.

Большинством исследователей прослеживается преемственная связь между удлиненными и длинными курганами, с одной стороны, и древнерусскими погребальными сооружениями — с другой. Для тех и других характерны ритуальные кострища, сохраняющиеся в виде зольно-угольной прослойки в насыпи или ямке под основанием кургана. Это обстоятельство позволяет связывать длинные и удлиненные курганы с кривичами. Последние исследования кривичских памятников приподнимают завесу над вопросом об их происхождении. К середине I тысячелетия н. э. наметилась территориальная обособленность кривичей от остальных восточнославянских племен. Древнейшие из известных пока длинных курганов расположены, по наблюдениям В. В. Седова, в области расселения псковской группы кривичей. Их нет ни в Смоленском Поднепровье, ни в Полоцком Подвинье. Но и в древнейшей Псковской области культура кривичей была пришлой [17]. Кривичи принесли с собой традицию наземных построек в виде глинобитных домов с каменными печами, не известных до этого в тех местах.

Поиски исходной территории формирования кривичских племен пока не увенчались успехом. Еще нигде не обнаружены кривичские памятники, более древние, чем на Псковщине. Однако нельзя пройти мимо того обстоятельства, что в последних столетиях первой половины I тысячелетия н. э. в землях, расположенных между Псковщиной и Верхним Принеманьем, намечается какое-то передвижение населения, сопровождавшееся гибелью укрепленных поселений. Многие городища со штрихованной керамикой в западной части территории их распространения прекращают свое существование в IV в. Вместе с тем поселения со штрихованной керамикой распространяются на территории, занятой до этого угрофиннским населением. Я. В. Станкевич отмечала в керамике и другом инвентаре поселений III…IV вв. сочетание славянских и восточно-балтийских элементов. По мнению В. В. Седова, эти явления следует объяснять проникновением с юго-запада на эту территорию кривичских племен, которые в своем движении увлекли и другие племена, в частности племена штрихованной керамики.

Височные кольца кривичей (1) и радимичей (2).
Зернистая буса дреговичей (3).

Дальнейшая история кривичей связана с колонизацией ими Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья, куда они проникают приблизительно в VII в. н. э. Интересно отметить, что в древнейших длинных курганах Полотчины и Смоленщины отсутствуют балтийские вещи. По мнению В. В. Седова, это свидетельствует о том, что славяне первоначально не смешивались здесь с местным населением. Зато в поздних длинных курганах VIII…IX вв. балтийские вещи известны. Сельская община, пришедшая к этому времени на смену родовой общине, очевидно, уже допускала в свой состав инородческое население. О наличии племенной организации у кривичей середины I тысячелетия н. э. пока ничего неизвестно.

Отголоски этнического своеобразия культуры кривичей дают о себе знать еще долгое время. В памятниках древнерусской эпохи отчетливо улавливаются черты, восходящие ко времени племенной обособленности. Это проявляется и в деталях погребального ритуала, долго сохранявшего свои особенности, и в устойчивости традиционных форм некоторых вещей. Археологически легко обнаружимым этническим признаком кривичей являются женские височные кольца в виде проволочного браслета с завязанными концами. Такие кольца вплетались в прическу возле висков обычно по три с каждой стороны. Картографирование курганов с кривичским

погребальным ритуалом и браслетообразных височных колец позволяет значительно определеннее установить область расселения кривичей. К моменту вхождения в состав Древнерусского государства кривичские земли занимали значительную часть северо-восточной Белоруссии. Их южная граница проходила, видимо, севернее Минска.

Областью расселения другого восточнославянского племени — дреговичей — начальная летопись называет земли между Припятью и Западной Двиной. А. А. Спицын первым заметил, что для курганных древностей этой территории характерны некоторые устойчивые признаки: наличие внутри курганных насыпей деревянных срубов, или теремков, перстнеобразные височные кольца с заходящими концами (так называемые полутораоборотные), крупные металлические зернистые бусы, известные под названием бус «минского типа». Эти признаки были подтверждены и другими исследователями [20].

Правда, перстнеобразные височные кольца известны и у южных соседей дреговичей — древлян и волынян. Зато их нет ни у кривичей, ни у радимичей, что позволяет считать их признаком, помогающим разграничивать дреговичей, с одной стороны, и кривичей и радимичей — с другой. Точно так же не только дреговичам свойствен обычай погребать умерших в деревянных домовинах. Подобный обряд известен и у волынян. Типичной дреговичской вещью В. В. Седов считает зернистые бусы. Они совсем не встречаются в составе ожерелий других восточных славян. Их, очевидно, следует считать главным этнически определяющим признаком дреговичей [16].

На основании картографирования характерных для дреговичей археологических данных, В. В. Седов определяет территорию дреговичей в следующих границах: на юге — река Припять, на востоке — Днепр, на северо-востоке — водораздел Березины и Друти, на севере — линия городов Заславль — Борисов. Естественной границей на западе была обширная болотистая местность — так называемое Выгоновское болото [16].

Древнейшими славянскими памятниками на этой территории являются поселения VI…VIII вв. с керамикой пражского типа. Все они расположены в южной части дреговичской земли.

Следует отметить, что поселения этого типа характерны также для территории древлян и волынян. Можно предполагать, что культура пражского типа была исходной для дреговичей, древлян, волынян и, возможно, для некоторых других славянских племен. Об этом, по-видимому, свидетельствуют и отмеченные выше общие черты в их погребальных обрядах и инвентаре.

Начало колонизации дреговичами левобережья Припяти В. В. Седов относит к IX в. Именно в это время здесь распространяются курганы с трупосожжениями, содержащие лепные урны. Местное балтийское население, представлявшее потомков «штриховиков», было ассимилировано. Этот процесс достаточно отчетливо отразился в археологическом, антропологическом и лингвистическом материале. Именно в северной части дреговичской территории, там, где в раннем железном веке была распространена культура штрихованной керамики, в обрядовой стороне захоронений присутствует элемент, характерный и для других восточнославянских племен, расселившихся на древней территории балтов,— наличие в курганах остатков кострищ под погребениями.

Этот элемент отсутствует в могильных памятниках восточных славян, расположенных за пределами области древней балтийской гидронимики, в том числе и у южных дреговичей.

Об этом же говорят антропологические данные. Краниологические исследования В. В. Седова показали, что в северной части дреговичской территории в XI…XII вв. был распространен европеоидный длинноголовый и сравнительно широколицый антропологический тип, характерный для населения Прибалтики. В южной же части дреговичской земли население принадлежало к европеоидному длинноголовому и узколицему антропологическому типу.

Южными соседями дреговичей были древляне. В летописи их территория отмечена, как всегда, очень условно. Важнейший материал для установления племенной территории древлян дает археология.

Древнейшая славянская культура в земле древлян, как и у дреговичей, представлена памятниками пражского типа, на смену которым в IX в. пришли курганы с одиночными трупосожжениями, а позже трупоположениями. Курганный погребальный инвентарь древлян крайне беден: нож, проволочное колечко или бусина. Выделить среди вещей этнически определяющие пока не удается. Единственную возможность для установления племенной территории древлян дают некоторые особенности погребального обряда. По наблюдениям И. П. Русановой, для древлян наиболее характерны погребения на горизонте (74%) или в насыпи кургана (18%). Различия в обряде чисто территориальные и не связаны с хронологическими изменениями. Возможно, что эти локальные особенности отражают территориальное деление древлян. Очень важным признаком древлянских погребений является наличие угольно-зольных скоплений в насыпи кургана выше погребения [13]. В отличие от соседних курганов дреговичей и волынян древлянские курганные насыпи не имеют внутри срубов-домовин.

Эти особенности погребального обряда древлян и его отличие от обряда соседей позволяют включить в племенную территорию древлянского союза курганы правобережья Припяти к востоку от междуречья Случи и Горыни. Основная часть древлянской земли находилась на территории Украины, доходя на юге до Здвижа и Тетерева.

К востоку от дреговичей и к югу от кривичей жило восточнославянское племя радимичей. Русский летописец помещает их на Соже.

Этнически определяющим племенным признаком радимичей являются височные кольца в виде пластинки с расходящимися книзу семи лучами и дужкой для прикрепления к прическе. Картографирование семилучевых височных колец очерчивает территорию радимичей от Днепра на западе до Ипути на востоке и от низовьев Прони на севере до устья Сожа на юге.

Ранние памятники радимичей на этой территории изучены плохо. В конце I тысячелетия н. э. здесь широко распространились курганы с трупосожжением. В среднем течении Днепра и бассейне Сожа такие курганы достигают высоты 3,5 м. Характерной особенностью в обряде является сожжение покойника на месте будущего кургана. В насыпи на подсыпке из песка обнаруживаются остатки кострища с пережженными костями и обломки глиняной посуды. Других вещей обычно нет [19].

В XI в. обряд трупосожжения был заменен трупоположением. На территории радимичей преобладает обряд

погребения умершего на горизонте. По подсчетам Г. Ф. Соловьевой из 59 исследованных курганных групп в 49 группах погребения были совершены на горизонте, в остальных — либо в насыпи кургана, либо в ямах. Хотя курганы с трупоположением относятся уже к следующей исторической эпохе, наблюдения над деталями обряда и инвентарем позволили выявить несколько локальных групп, отражающих, по-видимому, некогда существовавшее племенное членение радимичского союза. Исследовавшая радимичские курганы Г. Ф. Соловьева выделяет 8 таких групп.

Первая занимала район между Днепром и Сожем. Ее характерные особенности сводятся к следующему: погребения совершены в насыпи, покойник ориентирован головой на запад, посуда помещалась в ногах умершего. Вторая группа занимала бассейн Сожа. Характеризуется погребениями на горизонте, покойник лежит на спине головой на запад, следы гробов отсутствуют. Мужские захоронения обычно без вещей. Третья группа памятников расположена в бассейне Ипути. Погребения совершены на горизонте. Ориентировка смешанная — на запад и восток. Мужские костяки, как правило, ориентированы на восток. Обнаруживаются остатки деревянных гробов и ритуального кострища. Четвертая группа находится в бассейне Ипути и Снова. В обряде преобладают погребения на горизонте, но имеются в насыпях и ямах; женские погребения ориентированы на запад, мужские — на восток; прослеживаются остатки гробов и угли. Пятая группа расположена в бассейне Снова. Погребения совершены на горизонте. Ориентировка покойников западная. Шестая группа находится в нижнем течении Ипути. Известны все три вида захоронений — на горизонте, в насыпи, и в яме. Покойники ориентированы головой на запад. Угля нет. Седьмая группа занимает область среднего течения Днепра. Известны все три вида захоронений. Ориентировка погребенных преимущественно западная. Характерны погребения в деревянных колодах. Мужские костяки обычно не сопровождаются вещами. Наконец, восьмая группа радимичских курганов располагалась в междуречье Сожа и Беседи. Захоронения производились как в насыпи, так и на горизонте. Причем в насыпях встречены только мужские погребения с преобладающей восточной ориентировкой. Часто прослеживается уголь [19].

Наличие в земле радимичей достаточно выраженных локальных групп памятников дает основание высказать предположение, что радимичский племенной союз сложился в результате объединения по меньшей мере 8 первичных племен. Названия их мы не знаем и едва ли когда-нибудь узнаем. Одно несомненно — восточнославянских племен было значительно больше, чем известно нам из «Повести временных лет».

Ятвяжские и литовские древности

На большей части Понеманья и в Среднем Побужье были распространены курганы или целиком сложенные из камней, или такие, в которых камень составлял существенный компонент. Отдельные могильники, состоящие из каменных курганов, известны и восточнее их основной территории. На основании распространения в области каменных курганов ятвяжской гидронимики эти памятники приписывают западно-балтийскому племени ятвягам. Обычай погребать покойников под каменными насыпями распространился у западно-балтийских племен еще в I тысячелетии до н. э. и просуществовал у отдельных ятвяжских племен вплоть до конца XIII в. [17]. В VII…X вв. господствовали безурновые трупосожжения.

В верховьях Вилии сосредоточены курганы, относимые к памятникам восточно-литовского круга древностей. Курганы иногда обкладывались камнями в виде венца у основания. Хронологически и по обряду захоронения восточно-литовские курганы делятся на три группы. Первую группу составляют ранние курганы с обрядом трупоположения, датирующиеся IV…V вв. н. э. Ко второй группе относятся курганы VI…VIII вв. н. э., в которых обряд трупоположения сочетается с трупосожжением.

Покойники хоронились на грунте под насыпью кургана и в самой насыпи.

Инвентарь погребений обычно не богат. Чаще всего при костяках находят железные ножи. Более разнообразны вещи, положенные вместе с сожженными костями. Так, в одном из курганов при остатках трупосожжения были найдены узколезвийный топор, наконечник копья с ланцетовидным пером и фибула с подогнутой ножкой. Фибулы являются важными датирующими находками, позволяющими выделить во второй группе курганов более ранние погребения, относящиеся к V…VI вв.

Курганы третьей группы содержат остатки трупосожжений, совершенных на стороне. Датируются они концом I…началом II тысячелетия.

В Черный Луже, недалеко от оз. Свирь, остатки сожжения были высыпаны в небольшие каменные ящики, вкопанные в материк. Иногда остатки сожжения высыпались на камни или перекрывались камнями. Таким образом, в деталях обряда захоронений наблюдаются значительные различия.

Известны случаи погребения вместе с остатками сожжения коней. Погребения часто сопровождаются разнообразными вещами. В мужских захоронениях обнаруживаются предметы вооружения и военного быта: мечи, боевые ножи, топоры, наконечники копий, детали щитов, шпоры, стремена, удила; сельскохозяйственные орудия и бытовые предметы: серпы, шилья, пинцеты, точильные камни, кресала, пряжки и т. д.

В женских захоронениях обычно встречаются украшения — браслеты, перстни, гривны, фибулы, различные бляшки, бусы. Иногда попадаются пряслица и миниатюрные серпы.

Керамика в курганах встречается редко, форма сосудов самая разнообразная: миски, горшки в виде банок, горшки с округлым и ребристым ту ловом.

В захоронениях курганов третьей группы отчетливо отразилось имущественное неравенство. В одних курганах совсем нет вещей, в других находятся ценные предметы. Так, в одном из курганов в Городилове был найден меч, серебряная с позолотой фибула, золотые бляшки.

В северной Белоруссии курганы не были единственным типом погребальных памятников второй половины I тысячелетия. В 1911 г. возле поселка Нача был раскопан грунтовой могильник, в котором обнаружено 22 ямных захоронения с сожжением. При 11 имелись вещи, главным образом украшения: бронзовые браслеты и гривны, синие и желтые стеклянные бусы. Найдены также оружие, ножи, иглы, глиняные пряслица, керамика. Некоторые горшки имеют круглые плечики и отогнутый венчик, но в большем количестве представлены сосуды с цилиндрической

шейкой. Горшки в верхней части орнаментированы полоской или ломаной линией. Шейные гривны относятся к типу пластинчатых. Поверхность их украшена насечкой.

По аналогиям, известным в основном в материалах Прибалтики, грунтовой могильник у Начи может быть датирован VI…VIII вв. [4].

Таким образом, археологические материалы, относящиеся к середине и второй половине I тысячелетия н. э., рисуют этнически пеструю карту территории Белоруссии, однако славянский элемент на ней становится, несомненно, господствующим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. Тр. Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959, т. 1.
2. Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв. Автореферат диссертации. М., 1955.
3. Гуревич Ф. Д. Верхнее Понеманье в I тысячелетии н. э. КСИИМК, 1960, вып. 81.
4. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962.
5. Гуревич Ф. Д. Этнический состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины I тыс. н. э. Исслед. по археологии СССР. Сб ст. в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961.
6. Гуревич Ф. Д. Удлиненные и длинные курганы Западной Белоруссии. КСИИМК, 1958, вып. 72.
7. Кравченко И. С. Итоги и задачи археологического изучения БССР. Тезисы..., М„ 1963.
8.Кухаренко Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, 1957, вып. 68.
9. Кухаренко Ю. В. Славянские древности V — IX вв. на территории Припятского Полесья. КСИИМК, 1955, вып. 57.
10. Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. М„ 1961.
11. Лявданский А.Н. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. ГАИМК, 1932, № 7—8.
12. Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4.
13. Русанова И. П. Территория древлян по археологическим данным. СА, 1960, № 1.
14. Рыбаков Б. А. Радзімічы. Працы секцыі археалогії, т. III. Менск, 1932.
15. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
16. Седов В. В. Дреговичи. СА, 1963, № 3.
17. Седов В. В. Кривичи. СА, 1960, № 1.
18. Седов В. В. Курганы ятвягов. СА, 1964, № 4.
19. Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (Вятичи, радимичи, северяне.) СА, 1956, вып. 25.
20. Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. Журн. Министерства народного просвещения. Спб., 1899, № 8.
21. Сыманович Э. А. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, 1963, № 108.
22. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
23. Успенская А. В. Курганы южной Белоруссии. Тр. ГИМ, вып. XXII. М., 1953.

V. ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА

Глава 6 НОВЫЕ ЧЕРТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПОРЫ

В результате длительного внутреннего социально-экономического развития к IX в. у восточных славян сложились новые феодальные отношения, продуктом которых стало могущественное государство Киевская Русь. Почти вся территория Белоруссии вошла в его состав. К этому времени в основном уже исчезло существовавшее ранее значительное различие в уровне развития производительных сил между северными и южными районами восточнославянской области. Экономической основой Руси было развитое пашенное земледелие, на базе которого начинают развиваться ремесло и торговля. Этногенический процесс завершился сложением древнерусской народности, создавшей единую в своей основе материальную и духовную культуру. Для эпохи Древнерусского государства характерно удивительное единообразие ее основных элементов.

Археологические памятники эпохи феодализма на территории БССР многочисленны и разнообразны. Поселения были представлены остатками деревень (селищами и сельскими городищами), феодальными усадьбами, пограничными крепостями, городами и т. д.

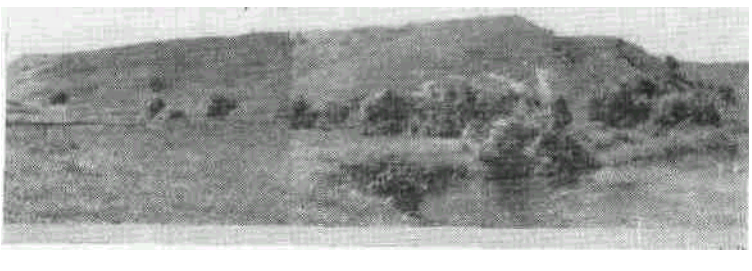
Разграничение укрепленных поселений древнерусской поры иногда представляет немалую трудность. «В каждую историческую эпоху,— отмечает Б. А. Рыбаков,— между настоящим городом и деревней существует ряд промежуточных звеньев, которые затруднительно отнести в ту или иную группу, но для Древней Руси, где многие сельские поселения имели свой «град» с земляными валами, это разграничение особенно трудно» [7]. Из общей массы древнерусских городищ Б. А. Рыбаков по внешним признакам условно относит в разряд сельских маленькие земляные крепостцы, имевшие 60…150 м в поперечнике. Эти укрепленные поселения крестьян-общинников были представлены главным образом мысовым типом городищ. Для первых веков существования Киевской Руси, т. е. для IX…X вв., такие городища составляли основную массу укрепленных поселений. Однако к концу X в. количество их сильно уменьшается. Для последующих эпох, начиная с середины или второй половины XI в., существование укрепленных поселений общинников уже маловероятно. Хозяйственной основой сельских городищ, естественно, являлось сельскохозяйственное производство, и это находит отражение в материальной культуре поселений.

В конце XI и особенно в XII в. широкое распространение получают укрепленные поселения феодалов, приобретающие постепенно черты замков-крепостей.

Одним из отличительных признаков феодальной усадьбы все исследователи древнерусских поселений называют малые размеры площадки городища при непропорционально мощных укреплениях. П. А. Раппопорт, классифицировавший древнерусские поселения по форме и характеру оборонительных сооружений, отмечает в качестве характерной черты феодальной усадьбы правильные геометрические формы укрепленного поселения [5].

Экономической основой господства феодала является его собственность на орудия и средства производства, собственность, определяющая руководящую роль феодала в сельскохозяйственном производстве. Вместе с тем феодализировавшаяся знать была тесно связана с городской культурой. Все это находит отражение в археологическом материале, происходящем из феодальных усадеб. С одной стороны, он свидетельствует о сельскохозяйственном производстве как хозяйственной основе поселения, с другой — подчеркивает принадлежность владельца усадьбы к господствующим верхам Руси.

Типичными недеревенскими вещами являются найденные в усадьбах особые глиняные сосуды — амфоры. К ним же следует причислить дорогие или сложные изделия городских ювелиров со сканью, зернью, чернью и эмалью, изделия, отлитые в тончайших литейных формах и т. д. По всей вероятности, значительная часть укрепленных феодальных усадеб принадлежала младшим дружинникам («дружине по селам»), хотя и связанным с деревней, но уже приобщившимся к городской культуре. Этот слой, по предположению Б. А. Рыбакова, был основным потребителем и заказчиком всевозможных имитаций: медных и позолоченных подвесок, имитирующих зернь и скань; медных и серебряных колтов и др. К городским вещам, не свойственным деревне, следует также отнести стеклянные браслеты. Характерной особенностью инвентаря из феодальной усадьбы является значительный удельный вес находок, связанных с военным бытом.

Остатки древнего Друцка.

Раскопки феодальных замков обнаруживают значительную имущественную дифференциацию среди его обитателей, указывающую, что наряду с феодалом в замке проживали его многочисленные слуги и холопы.

Феодальные замки сами по себе не были однородны. Существовали слабо укрепленные боярские дворы, обнесенные простым деревянным тыном; были сильные княжеские замки; имелись и специфичные пограничные крепости, отличающиеся и по своему назначению, и по своему устройству от обычных феодальных дворов.

Феодальные усадьбы и пограничные крепости Руси — продукты одной исторической эпохи, и это обусловило некоторые общие, присущие им черты. Но если для боярской усадьбы и княжеского замка одной из важнейших функций оставалась функция подавления зависимого сельского населения, то основным назначением военно-пограничного поселения была защита границ государства или отдельных княжеств. С переходом Руси к феодальной раздробленности, с обособлением отдельных экономически замкнутых и независимых политически княжеств в условиях непрерывного столкновения между феодалами появилась необходимость в создании системы круговой

обороны границ княжеств. Возникновение целого ряда таких крепостей — характерная черта политической карты Руси эпохи феодальной раздробленности. В каждом русском княжестве, отмечает Н. Н. Воронин [4], мы может найти такие пограничные крепости, обеспечивающие устойчивость территории княжеств и служащие базами походов князей на своих соседей. Если стены боярских дворов должны были противостоять напору крестьянских масс, то укрепления пограничных крепостей были рассчитаны на защиту от хорошо вооруженного войска неприятеля. Отсюда повышенные требования к конструкции укреплений, использование новейших фортификационных достижений, обеспеченность достаточным гарнизоном и создание условий для его существования с учетом возможностей длительной осады, достаточная площадь поселений, обеспеченность водой и т. д.

Новым и наиболее сложным археологическим памятником являются древнерусские города. Возникновение их на территории Белоруссии приходится на период феодализма.

Экономические и социальные предпосылки появления городов заключались в успехах земледелия и все возрастающем спросе деревни на разнообразные качественные орудия сельскохозяйственного производства, а феодализирующейся верхушки — на дорогие местные и привозные изделия, в развитии на этой основе ремесла и торговли при уже развитом институте частной собственности.

Если раньше производство хозяйственных и бытовых предметов укладывалось в основном в рамки обычных домашних промыслов, обслуживая текущие нужды семьи или в лучшем случае удовлетворяя заказ небольшого круга людей, то теперь такое производство становится основным занятием некоторых категорий населения. Их производство связано с рынком и рассчитано на него. Местом средоточия ремесленной и торговой деятельности становятся новые поселения — города, само появление которых, по словам К. Маркса, означало итог отделения «...промышленного и торгового труда от труда земледельческого».

Однако при всей ясности в теоретическом плане социально-экономических предпосылок проблема происхождения древнерусских городов остается сложной. Дело в том, что письменные источники помогают в этом вопросе слишком мало, а степень археологической изученности городов для решения проблемы в целом все еще не достаточна.

За исключением сравнительно позднего (конца XIV в.) «Списка русских городов дальних и ближних», помещенного в Новгородской первой летописи младшего извода, письменные источники не дают перечня городов в западных областях Руси. Упоминания о городах случайны и отрывочны и связаны, как правило, с какими-нибудь политическими или религиозными событиями. Картографирование летописных «городов» дает известное представление о числе и размещении крупных укрепленных поселений на территории Белоруссии в ранний феодальный период, но такая карта, естественно, неполна.

Археологические материалы в значительной степени восполняют недостачу письменных источников. Более того, они обладают доказательной силой в вопросах установления специфики того или иного поселения, его социально-экономической природы. Но, к сожалению, археологическому изучению было подвергнуто пока незначительное количество белорусских городов, а масштабы исследований были в ряде случаев совершенно недостаточны. Основываться только на данных разведок нельзя, так как археологическое понятие «городища» не тождественно научному понятию «города». Научное разграничение белорусских городищ эпохи феодализма все еще остается задачей будущих исследований.

Письменные источники называют свыше сорока географических пунктов на территории Западной Руси IX…XIV вв. К IX в. относится упоминание о Полоцке; к X в.— о Турове; к XI в.— еще о 10 городах: Бресте, Витебске, Копыси, Минске, Орше, Голотическе(?), Друцке, Логойске, Лукомле, Пинске. В связи с событиями XII в. упомянуты 17 новых городов: Слуцк, Борисов, Гродно, Клецк, Заславль, Неколочь(?), Стрежев, Гомель, Рогачев, Брагин, Мстиславль, Славгород, Мозырь, Кричев, Городок, Чечерск, Каменец; в XIII в. упомянуты также Новогрудок, Речица, Слоним, Волковыск, Копыль, Кобрин. Совершенно очевидно, что первое упоминание о том или ином «городе» отнюдь не означает времени его возникновения. Отмеченные в письменных источниках населенные пункты, как показывают археологические исследования, в своей подавляющей массе появились задолго до того, как о них сообщили летописи. Например, уже в XI в. существовали такие «города», как Волковыск, Слоним, Новогрудок, Гродно, Свислочь, Чечерск, Славгород, упоминание о которых относится к более позднему времени. Причем это только те города, по которым имеется археологический материал из начальных слоев. Можно смело утверждать, что именно на XI…начало XII в. приходится возникновение большинства летописных «городов» на территории Белоруссии.

Процесс возникновения и развития древнерусских городов сложен и многообразен [1, 2]. Общность экономических предпосылок не исключает различий в путях формирования городов. В большинстве случаев они развились из поселений иного социально-экономического облика. Проходит известное время, прежде чем ремесло и торговля становятся их наиболее характерной чертой, определяющей специфику самого поселения. Так, можно предполагать, что древнейший город на территории Белоруссии — Полоцк ведет свое начало от небольшого укрепленного поселения кривичей эпохи разложения первобытнообщинных и формирования феодальных отношений.

В основе многих белорусских городов лежали феодальные и княжеские замки или пограничные крепости. Так, летопись рассказывает об основании ряда «городов» князьями. По свидетельству В. Н. Татищева, пользовавшегося некоторыми из утраченных ныне списков, полоцкий князь Борис Всеславич в 1102 г. построил город Борисов в ознаменование своей победы над ятвягами. Волею князей, судя по летописям, были основаны Изяславль и Каменец.

Археологическое изучение Заславля и его окрестностей позволяет прийти к выводу, что город развился на базе нескольких сельских поселений. К югу и юго-западу от Заславля в радиусе до 2…2,5 км выявлены следы нескольких селищ. В X в. некоторые из них прекратили существование. Их жители, по-видимому, переселились под стены замка. Рядом с крепостью находился некрополь X…XI вв., насчитывавший до недавнего времени несколько сотен курганов. Среди раскопанных погребений некоторые принадлежали дружинникам, составлявшим близкое окружение и военную силу князя.

Есть основания думать, что из феодальных замков развились Волковыск, Клецк, Копысь, Кричев, Мстиславль, Рогачев, Свислочь, Стрешин, Чечерск. Возможно, что возникновение некоторых замков было связано с процессом освоения новых территорий, занятых неславянским населением. Но, возникнув как центры властвования феодала над своей сеньерией или иноплеменным населением, они постепенно меняли свое лицо. Стекавшийся с окрестных деревень ремесленный люд селился возле стен замка, образуя ремесленно-торговые посады. Впрочем, мастерские ремесленников обнаруживаются при археологических раскопках и внутри укреплений. По имеющимся данным превращение таких поселений в ремесленно-торговые центры приходится в основном на XI…XII вв. Удобное географическое положение на речных путях способствовало экономическому возвышению городов. Не случайно почти все они расположены вдоль рек.

Археологические раскопки показали, что такие города, как Минск и Гродно, развились из военных пограничных крепостей.

Не исключено, что некоторые города возникали на базе сельских поселений путем постепенного возрастания в них роли ремесла и специализации их населения на ремесле. Но применительно к территории Белоруссии таких примеров пока неизвестно.

Каковы бы ни были пути происхождения городов, значение их в экономическом и культурном развитии русских земель чрезвычайно велико. Появление ремесленно-торговых центров обеспечило дальнейшее развитие производительных сил, способствовало еще большему разделению общественного труда, возникновению и развитию противоположности между городом и деревней.

Обеспечивая нужды крестьян окрестных деревень в качественных ремесленных изделиях, города превращаются в промышленные центры сельских округ.

Благодаря археологическому изучению древних белорусских городов уже можно представить их внешний облик. В известной мере в этом помогают письменные и графические материалы [3].

Многие города в начальном периоде своей истории, по-видимому, не выходили за пределы крепости. Но по мере возрастания населения территория внутри укреплений становится недостаточной. Поселение распространяется на примыкающие к крепости площади. С этих пор становится типичным деление городской территории на две основные части: укрепленный центр — детинец — и ремесленно-торговый район — посад. Со временем укреплялись и отдельные участки за пределами собственно крепости. По-видимому, это и были так называемые окольные грады, упоминаемые летописью.

Деление городов на детинец и посад в большинстве случаев прослеживается топографически. Детинцы, как правило, занимали территории, имеющие наилучшую естественную защищенность. Формы их и размеры в значительной мере определялись рельефом местности. Так, многие детинцы располагались на мысах, образованных слиянием двух рек. Часто они устраивались на городищах предшествующей поры. Средние размеры детинцев были от 1 до 6 га.

Детинцы являлись не только военными крепостями, но и районами, где селилась преимущественно привилегированная часть городского населения — князь, дружина, высшее духовенство вместе со своей челядью. Инвентарь из раскопок детинцев обычно подтверждает принадлежность их обитателей к имущим слоям.

Если детинцы западных городов Руси изучены более или менее удовлетворительно, то о посадах сведения пока очень скудные.

Древний город немыслим без укреплений. Исторические планы многих белорусских городов зафиксировали остатки древних валов. Хорошо сохранились валы до сих пор в Друцке, Заславле, Логойске, Копыси, Речице. Во время археологических раскопок они обнаружены в Полоцке, Минске, Волковыске, Пинске и других городах. В отличие от невысоких валов первобытных городищ земляные укрепления древнерусских городов достигали в высоту 10 и более метров. По верху вала возводились крепостные стены. Иногда и внутри вала сооружались специальные субструкции. Некоторые крепости обносились широким рвом, иногда заполняемым водой.

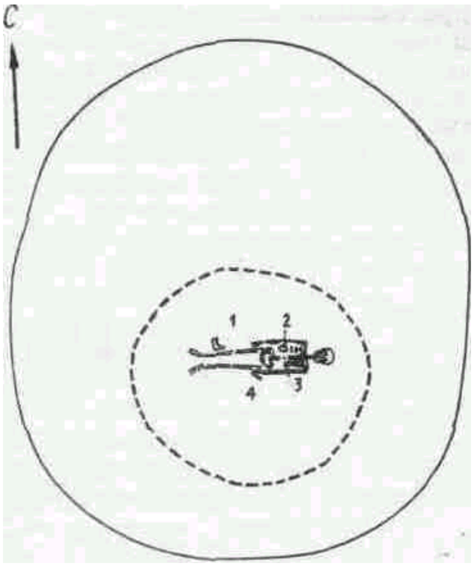
Крепости большинства западнорусских городов имели по одному въезду, защищенному воротной башней.

Как можно судить по раскопкам, почти все западнорусские города застраивались небольшими деревянными наземными срубами, состоявшими преимущественно из одного помещения площадью в 16…25 м^2. Изба на одно жилое помещение была традиционным типом белорусской постройки и в последующее время.

Курганный могильник эпохи Киевской Руси

Техника рубки большинства построек была одинаковой. Угловые чашки и продольные пазы для лучшего скрепления венцов делались в верхней стороне бревна, щели между венцами часто проконопачивались мхом. Низкие двери вращались «на пятке». Возле некоторых изб во время раскопок были обнаружены крылечные лестницы. Археологические материалы, равно как и этнографические параллели, свидетельствуют о том, что древние городские постройки имели двускатную крышу «на самцах». Во второй половине XIII в. были крыши и на стропилах. Постройки имели деревянные полы. В углу жилых изб возле входа помещалась глинобитная или кирпичная печь на невысоком опечке.

План курганного погребения под Заславлем.
1— топор; 2— сосуд; 3 — фибула; 4 — нож.

Кроме срубов, археологические раскопки выявили в городах столбовые, каркасные и плетеные постройки. Но их было значительно меньше. В некоторых городах были и полуземлянки.

Городская территория была поделена на отдельные участки, занятые усадьбами, которые включали в себя одну или две жилые постройки, несколько хозяйственных и внутренний дворик между ними. Замощенный деревом дворик иногда перекрывался легким навесом. Внутри детинцев, как показали археологические раскопки, площади городских усадеб составляли 220…250 м^2. В посаде, возможно, они были больше. Бросается в глаза чрезвычайная устойчивость внутренней планировки отдельных дворов. Усадьбы были отделены одна от другой или оплошным рядом построек, или деревянными заборами с запирающимися воротами.

Имелись в городах и каменные постройки. Это были главным образом величественные храмы, резко выделявшиеся на фоне рядовых городских построек. Только немногие из них сохранились до наших дней, да и то в неузнаваемо перестроенном виде. Однако существование каменных сооружений в большинстве крупных западнорусских городов подтверждается археологическими раскопками, обнаруживающими остатки все новых и новых памятников монументальной архитектуры. Памятники архитектуры обычно являются объектами самостоятельных исследований.

В заключение следует сказать о погребальных памятниках эпохи Древней Руси. В течение IX…XII вв. господствовал обряд захоронения в курганах. Правда, в связи с принятием христианства уже к XI в. этот обряд в основном исчезает в городах, но в деревне он продолжался до XII…XIII вв. По-видимому, под давлением церкви трупосожжение в XI в. было сменено трупоположением. Курганы XI…XIII вв. представляют собой преимущественно деревенские кладбища, дающие важный материал для изучения древнерусской деревни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, вып. 41, 1951.

2. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города. КСИА АН СССР, 1963, вып. 96.

3. Загорульский Э.М. Общая планировка и застройка раннефеодального города на территории БССР по археологическим данным. Труды Института истории АН БССР. Минск, 1958, вып. 3.

4. История культуры Древней Руси. М., 1951, т. 1.

5. Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, 1956, № 52.

6. Рыбаков В. А. Первые века русской истории. М., 1964. Т.Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

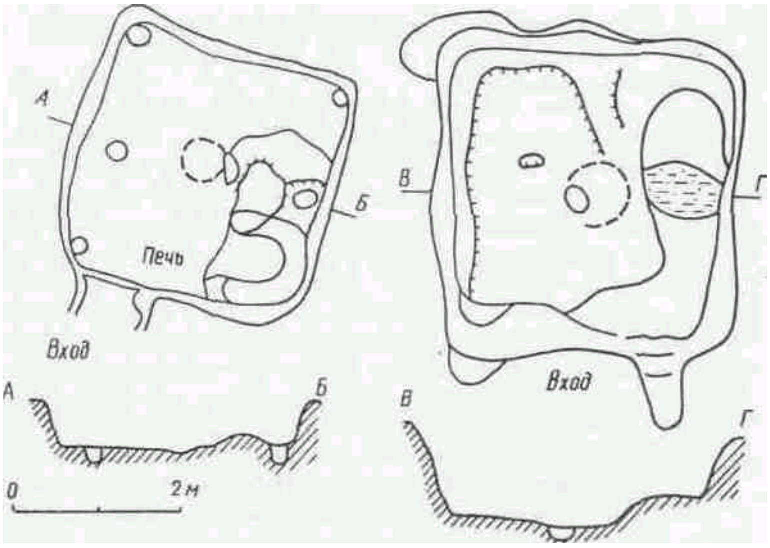
Глава 7 ДРЕВНЕРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Древняя Русь была страной деревенской. Основу ее экономики составляло сельское хозяйство, на базе которого сложились и получили развитие разнообразные стороны древнерусской культуры, ремесла и торговли. Однако русские летописи почти ничего не говорят о деревне. Б. А. Рыбаков совершенно справедливо отмечает, что «история русской деревни будет написана впоследствии на основе археологических материалов» [8]. Но и археологические источники по русской деревне до сих пор очень односторонни: при обилии курганного материала еще не раскопано целиком ни одно сельское поселение. Кроме того, представляет известную трудность также разграничение городских и деревенских курганов. В деревне проживали и представители княжеской и боярской дружины. Они были связаны как с деревней, так и с городом. В их курганах одинаково встречаются изделия и городских мастеров, и деревенских.

Остатками древнерусских деревень являются в основном многочисленные селища эпохи феодализма. Культурный слой селищ, как правило, незначителен по мощности. На месте большей части древних деревень расположены современные поселения или культивируемые поля, в результате чего культурный слой большинства селищ сильно поврежден. Все это затрудняет их поиски и изучение.

Подавляющая часть селищ располагается в бассейнах рек и по берегам озер, в местах, благоприятных для земледелия и скотоводства. Реки были главными путями сообщений, и освоение новых территорий шло обычно вдоль них. Это особенно относится к областям, занятым лесами. Приречные земли были в первую очередь подвергнуты обработке.

Для поселений чаще всего выбирались берега, приподнятые над уровнем речных долин. Отдавалось предпочтение местам, где имеется мыс, образованный слиянием двух рек, ручьем или оврагом, спускающимся к реке. Поселения обычно вытягивались полосой вдоль берега.

Планы и разрезы землянок в Чаплине.

Размеры селищ различные — от 1 тыс. до 45 тыс. м^2. Хронологическую классификацию селищ, расположенных на территории БССР, еще никто не проделал, но можно предполагать, что размеры их зависели от времени, к которому они относились. Так, по наблюдению В. В. Седова над сельскими поселениями Смоленщины, селища раннего времени (VIII…X вв.) отличались более крупными размерами и представляли собой преимущественно поселения больших общин. По мере роста населения в общинах появлялись новые небольшие селения, образованные выселившимися из материнского поселка крестьянами [9]. Известные на территории Белоруссии ранние селища возле Хотомеля и д. Городище (Минской области) тоже занимают большие площади.

О застройке деревенских поселений и типах жилых и хозяйственных сооружений сведений еще очень мало. Можно предполагать, что преобладала рядовая застройка вдоль берегов рек и озер [7].

Материалы раскопок на юге Белоруссии указывают на широкое распространение в деревне землянок и полуземлянок. Выше говорилось о землянках, выявленных на селище возле Хотомеля. Э. А. Сымановичем описаны две землянки X…XI вв., раскопанные за валом Чаплинского городища в Гомельской области [10]. Одна землянка размером 3,6x3,6 м была углублена в землю на 1…1,05 м. Посреди пола сохранилась яма от центрального столба, поддерживавшего перекрытие. Возле одного угла были хорошо заметны три ступеньки входа. В противоположном от входа углу на небольшом возвышении размещалась сводчатая печь. Одна стена ее была сложена из камней, другая (примыкавшая к стене землянки) — из глины.

Вторая постройка была углублена в землю всего на 0,5…0,55 м. Размеры ее — 3,15x2,95 м. В постройке тоже обнаружена глинобитная сводчатая печь, поставленная справа от входа. Основу стен жилища, по-видимому, составляли столбы.

Конечно, этих данных недостаточно, чтобы сделать вывод о безусловном преобладании в древнерусской деревне северо-западных областей земляночных типов жилищ. Хорошо зная характер застройки городов, можно быть уверенным в том, что наряду с землянками и полуземлянками в деревне имелись и наземные деревянные срубы.

Весьма скудные сведения письменных источников о древнерусской деревне, ограниченные по существу случайными упоминаниями об отдельных сельскохозяйственных культурах или предметах сельскохозяйственного обихода, породили ложный взгляд на значение и характер земледелия в Древней Руси. Многие видные русские историки недооценивали роль земледелия в экономике раннефеодального времени. На первый план ими

выдвигались охота, рыболовство и бортничество. Широко распространено было мнение об отсталости и примитивности земледельческой культуры и безраздельном господстве подсечной системы в сельском хозяйстве Руси.

Археологические источники убедительно свидетельствуют о том, что в эпоху феодализма пашенное земледелие на Руси стало господствующим уже к концу I тысячелетия н. э.

История древнерусского земледелия раскрывается на основании изучения сельскохозяйственных орудий, древнего зерна и сопутствующих ему семян сорных растений. Характерным признаком пашенного земледелия является применение упряжных почвообрабатывающих орудий, а также широкий состав возделывавшихся культур. По мнению А. В. Кирьянова, использование лошади в качестве тягловой силы в лесной полосе Восточной Европы следует относить к VII…VIII вв. н. э. В лесостепной зоне это имело место значительно раньше [5].

Археологически существование пашенного земледелия подтверждается находками железных наконечников почвообрабатывающих орудий. Основными пахотными орудиями были соха, рало и плуг. В лесной полосе господствовала соха, в лесостепной — плуг. Соха и рало относятся к орудиям рыхлящего действия. Они раздирают землю и рыхлят ее. Плуг срезает пласт горизонтально и переворачивает его. Как полагает П. Н. Третьяков, соха развилась из древнейшего орудия рыхления периода господства подсечного земледелия — суковатки, представлявшей собой срубленную ель с обрубленными на половину длины крупными сучками.

Древнейшие сохи были многозубыми, развившимися впоследствии в двурогие с полицей — приспособлением для отвала пласта.

Размеры сошников, наральников и плужных лемехов были разными и зависели от характера производимых работ. Длина наральников в среднем была около 15…17 см, нижний рабочий край их закруглен. Сверху загнутые края образовывали втулку-трубицу, с помощью которой наральник закреплялся на станине. Отношение ширины наральника к его длине составляло 1:2 или 1:3. Сошники имеют более вытянутые пропорции, их ширина относится к длине, как 1:3, 1:4 или 1:5. Сошники многозубых сох имели симметричную форму с округлой в поперечном сечении трубицей. Основным функциональным назначением таких сох, как и суковатки, было поверхностное рыхление пашни. Такая соха была наиболее удобным и целесообразным орудием освоения и обработки лесных и каменистых почв. При встрече с препятствиями она легко и быстро извлекалась из земли.

Симметричные сошники многозубых сох имеют длину 20…25 см. Сошники от двузубых сох отличаются своей асимметричной формой и размерами. Они несколько длиннее симметричных сошников (в среднем около 30 см) [7].

Сошник из Полоцка.

Лемеха древних плугов значительно шире и массивнее сошников. Их ширина составляет 1/6 длины. Трубицы уже верхнего края рабочей части лемеха и сравнительно короткие. Для переворачивания пласта правый край лемеха обычно делался шире левого. Часто древнерусский плуг оснащался специальным ножом — чересплом, укрепленным впереди лемеха. Чересло, разрезая пласт вертикально, облегчало работу лемеха. Плуг, а также рало более пригодны для мягких почв.

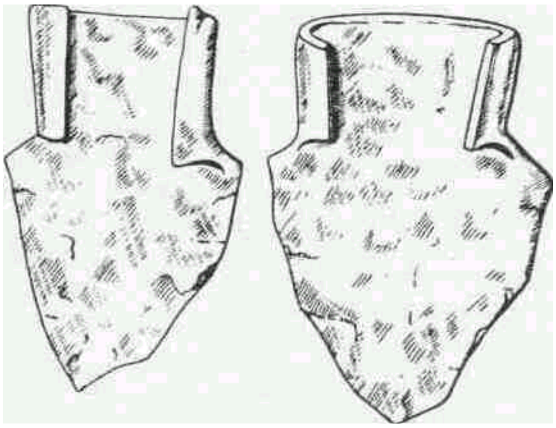
Вследствие слабой археологической изученности сельских поселений находок землеобрабатывающих орудий в Белоруссии сравнительно мало. К тому же основная их часть происходит из раскопок древнерусских городов.

Сошники были найдены при раскопках феодального городища возле деревни Городище Минской области и в городах Полоцке, Минске, Гродно, Волковыске, Новогрудке. Два фрагмента минских сошников, а также сошники из Волковыска и Новогрудка принадлежат многозубой сохе. Сошники из Городища, Полоцка и Гродно имеют хорошо выраженную асимметричность, свидетельствующую об их принадлежности к двурогим сохам. Как уже отмечалось раньше, наральник и, возможно, плужный лемех, а также чересло были найдены только однажды на селище в Хотомеле в слоях VIII…IX вв. [6]. На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов можно утверждать, что основным землеобрабатывающим орудием на территории Белоруссии в раннефеодальное время была соха, сначала многозубая, а позже двузубая.

Для обработки земли использовались также мотыги и лопаты. Одна мотыга была найдена в минских раскопках В. Р. Тарасенко. Более частой находкой являются железные оковки лопат. При несомненном господстве

пашенного земледелия в рассматриваемый период подсека, особенно как средство освоения новых лесных угодий, еще играла немаловажную роль. Основным орудием подсечного земледелия оставался железный топор.

Находки в раскопках как сельских, так и городских поселений зерен и плодов дают представление о составе и удельном весе возделывавшихся культур.

Наральник и плужный лемех. (Хотомель.)

Основной зерновой культурой на Руси была рожь. К X…XI вв. она занимает уже господствующее положение. Рожь была найдена при раскопках феодального замка X…XII вв. у д. Городище под Минском. По подсчету Т. Н. Коробушкиной, рожь в одной пробе составила 55%, в другой — 63% по отношению ко всему найденному зерну. В Гродно в слоях XI…XII вв. рожь составила 64 %, а в слоях XII…XIII вв. — 98% всех найденных зерен.[I]. Преобладала рожь и в зерновом материале из раскопок Минска и Полоцка [11].

Второй по значению зерновой культурой была пшеница, найденная в раскопках у д. Городище, в Гродно, Минске, Полоцке. В зерновом материале городищенского замка пшеница составила в одном случае 15%, в другом — 44 %.

В раскопках Полоцка, Гродно и Минска были найдены зерна ячменя. О ячмене говорит витебская берестяная грамота XIII…XIV вв.

Зерна проса были найдены при раскопках феодального замка под Минском, в самом Минске, в Гродно и Полоцке. Однако это растение, как полагают, было более характерно для южных районов Руси.

Большой интерес представляет находка в Гродно зерен гречихи, которую считали культурой довольно поздней, завезенной в Европу арабами не ранее XV в. [7].

При раскопках замка у д. Городище, а также в Гродно и Полоцке был найден овес. В одной пробе из городищенского замка он составил 21%. В Гродно в слоях XI…XII вв. овес составил 35% всего зернового материала.

Рисунка нет

Чересло. (Хотомель.)

Исключительно важный материал для суждения о характере использования пахотных земель, степени окультуренности почвы, места и условий возделывания той или иной культуры дает изучение видового и количественного состава сорных растений, почти всегда сопутствующих древнему зерну. Дело в том, что условия, создаваемые человеком для возделываемых им культурных растений, стали в результате длительного биологического приспособления жизненно необходимыми для многих сорных растений. Некоторые сорные растения вообще не встречаются в диком виде. От них практически невозможно полностью освободиться при применявшихся на Руси способах очистки зерна провеиванием на ветру с последующим просеиванием через сито. Значительная засоренность зерна из белорусских раннефеодальных памятников свидетельствует об использовании старопахотных почв. В зерновом материале, полученном во время раскопок раннефеодального городища под Минском, в Гродно и Полоцке, имеется костер ржаной, являющийся типичным сорняком озимой ржи и имеющий одинаковый с ней цикл развития. Это указывает на то, что рожь тогда была озимой культурой и произрастала на старопахотных давно окультуренных почвах.

Как отмечает А. В. Кирьянов, «в условиях старопахотных почв предшественником поля с озимой рожью может быть только паровое поле» [5]. Таким образом, в рассматриваемое время был распространен типичный

двухпольный севооборот. Можно предполагать также существование трехполья и некоторых переходных форм паровой системы.

Из других культур, найденных на территории Белоруссии во время археологических раскопок, можно отметить горох (Гродно, Полоцк), бобы (Минск, Гродно, Полоцк), лен, коноплю и др.

Основным орудием уборки зерновых на Руси был серп, являющийся частой находкой при раскопках и поселений, и погребений. В погребениях он обычно сопровождает женские захоронения; вероятно, как и позже, жатва серпом была женской работой. Исследователи древнерусских серпов отмечают большую близость их по конструкции, деталям, размерам и иногда технологии изготовления к современным серпам [7]. Это не исключает их различий между собой по ряду признаков: положению рукоятки по отношению к клинку, высоте дуги лезвия, положению вершины дуги лезвия относительно ее основания, крутизне изгиба лезвия в начальной и конечной части клинка, углу резания в различных точках лезвия. Эти различия позволили наметить несколько локальных типов серпов, имеющих определенное географическое распространение.

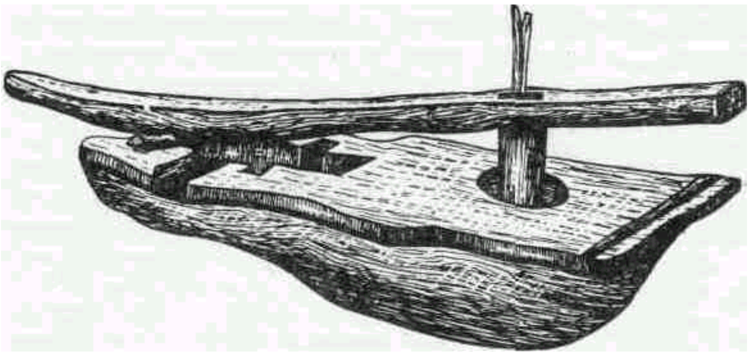

Коса-горбуша (1), оковка заступа (2), серп (3). (Минск.)

Для белорусских серпов, происходящих из памятников раннефеодального времени, можно отметить характерный сдвиг вершины дуги лезвия в сторону рукоятки. Такая форма серпа не допускала чрезмерного увеличения углов резания в разных точках клинка, что делало его более удобным в работе. Некоторые серпы близки к так называемому ярославскому варианту новгородского типа серпов, являвшегося одним из лучших древнерусских серпов вообще. Большая часть серпов имеет насеченное лезвие, изготовлялись они из железа и стали.

Косьба производилась с помощью кос-горбуш, закреплявшихся на короткой рукоятке. Находки их часты при раскопках поселений.

Зерно на Руси хранилось в специальных клетях и хлебных ямах. Мололи его на ручных жерновах, состоявших из двух каменных дисков с отверстием в центре. Нижний жернов имел конически выпуклую поверхность, верхний — конически вогнутую. Существовали ручные мельницы с регулировкой зазора между камнями. Об этом, в частности, свидетельствуют находки железных и деревянных порхлиц, посредством которых верхний жернов укреплялся на вертикальном штыре. В минских раскопках был найден деревянный боковой подшипник верхнего жернова. В нем укреплялся один конец ручки, за которую вращают жернов. Обдирка зерна на крупу производилась в деревянных ступах. При раскопках Минска были найдены две совершенно уникальные ножные ступы, одна из них найдена почти в собранном виде. Ступа состояла из трех основных частей: основания, рычага и песта. Основание сделано из толстой сосновой плахи длиной 1,3 м и шириной 0,5 м. Верх основания представляет собой плоскую площадку с невысоким бортиком.

Ножная ступа. (Минск.)

В центре площадки выдолблена круглая конусообразная чаша глубиной 22 см с начальным диаметром входного отверстия 19 см. На другом конце основания сделан продольный сквозной выруб длиной 60 см и шириной 25 см. Через него проходил дубовый рыгач прямоугольного сечения, поставленный на толстую планку-ось, укрепленную в боковых крыльях основания. В месте насадки на ось рычаг имел выруб. На другом конце точно против чаши основания в рычаге было прорублено сквозное прямоугольное отверстие, в котором с помощью клина крепился деревянный пест.

Хозяйственной жизни деревни был присущ натуральный уклад. Большая часть необходимых в быту вещей производилась самими же крестьянами. Археологические материалы достаточно хорошо иллюстрируют состояние и технику прядения и ткачества. Сырьем для изготовления тканей служили шерсть, лен и конопля. Отряхивание костры и грубых частиц волокна производилось трепанием. Основное орудие этой операции — деревянное трепало- — было найдено в раскопках некоторых городов. Для чесания волокон употреблялись деревянные гребни. Основным способом получения нитей было прядение на веретене. Веретена представляют собой тонкую деревянную палочку, круглую в сечении с некоторым утолщением в нижней части. Длина веретен 18…25 см. Для

придания веретену большей инерции при вращении на него надевали грузик-пряслице. В XI…XIII вв. повсюду на Руси бытовали волынские шиферные пряслица, являющиеся очень частой находкой при археологических раскопках. Для снования нитей применялись полые костяные цилиндрики с двумя или тремя отверстиями сбоку — юрки. Они были найдены, в частности, при раскопках минского «Замчища». Сами по себе юрки свидетельствуют о наличии горизонтального ткацкого станка, ибо для снования на вертикальном ткацком станке они не нужны. В минских раскопках были найдены части от ткацкого станка — боковые планшетки от набилок, веретено с пряслицем(?).

Как известно из этнографических примеров, процессы, связанные с домашним ткачеством, крайне длительны и трудоемки. Особенно много времени уходит на прядение. Оно, как и ткачество, целиком ложилось на плечи женщины. По подсчетам Н.И. Лебедевой, на прядение 16 кг кудели требуется 955 часов. Чтобы соткать три холста (150 м), нужно затратить около 1920 часов.

Большое место в хозяйственной жизни деревни занимало животноводство. При раскопках селища у д. Городиловка Гродненской области были найдены кости свиньи, козы, лошади, быка [2]. К домашним животным относилась подавляющая часть костных остатков из городища и селища возле д. Городище Минской области. По количеству особей здесь на первом месте стоит мелкий рогатый скот и бык, затем следуют свинья и лошадь. Аналогичная картина наблюдается и при изучении остеологических материалов из раскопок древних белорусских городов (исключая Гродно).

Известную роль в хозяйстве древней деревни играли охота, рыболовство, собирательство и бортничество. Значение последнего вида хозяйственной деятельности определяется тем, что на Руси не было тогда сахара. Из меда приготовляли медовку — излюбленный хмельной напиток. В бортничестве использовались специальные ножи — медорезки. Такой нож был найден в одном из курганов в южной Белоруссии.

В деревне проживало значительное число ремесленников, обеспечивавших большую часть потребностей сельского населения в ремесленных изделиях. Занятие ремеслом для большинства деревенских мастеров было делом подсобным.

Важнейшей отраслью деревенского ремесла было кузнечное дело, причем деревенские кузнецы были главными добытчиками и поставщиками кричного железа. Сплошное археологическое обследование района западных кривичей дает, по подсчетам Б. А. Рыбакова, одну домницу на 500…800 м^2. Это значит, что одна производственная единица (домница-кузница) обслуживала район радиусом 12…16 км, т. е. несколько окрестных поселков [4]. Деревенские кузнецы изготовляли по существу все необходимые в хозяйстве и быту железные изделия. Однако по техническому уровню и технологии деревенское кузнечное ремесло значительно уступало городскому. Деревенские кузнецы почти не изготовляли качественных стальных орудий.

Деревенские ювелиры удовлетворяли потребности сельских женщин в предметах украшения. Рыбаков, применив методику изучения и картографирования вещей, отлитых в одной литейной форме, пришел к выводу, что централизованного изготовления деревенских украшений не было. Так, изучение семилучевых височных колец, отлитых в двух разных формах, показало, что расстояние между пунктами, в которых встречаются отливки с одних форм, не превышает 40 км. Подвески так называемого петлистого типа, отлитые в одной форме, были найдены в курганах у Влазович и Казарич, расстояние между которыми равнялось 7 км. Другой «гроздевой» тип подвески с одной формы найден в курганах из Хизово и Торович, находящихся друг от друга на расстоянии 17 км. Отсюда можно сделать вывод, что деревенские ювелиры-литейщики обслуживали ограниченный район радиусом 10…15 км. «Для самого маленького племени — радимичей — нужно было 40…50 литейных мастерских, чтобы сеть их мелких рынков покрыла территорию распространения семилучевых височных колец» [8].

Древнерусский гончарный сосуд.

Изделия деревенских ювелиров представлены всевозможными головными украшениями, нагрудными привесками, бронзовыми браслетами, перстнями, фибулами, пряжками и т. д. В женском наборе украшений всегда видное место отводилось всевозможным амулетам, якобы оберегавшим от бед и болезней. Их изучение раскрывает интереснейшую страницу языческой идеологии, свойственной древнерусской деревне.

Самой многочисленной категорией находок в сельских поселениях является керамика. Широкая сырьевая база и сравнительно несложная технология, основы которой были выработаны в глубокой древности, сделали гончарное производство одним из самых распространенных на Руси. Густая сеть деревенских гончарных мастерских покрывала и территорию западных земель Руси. В XI…X вв. здесь распространяется гончарный круг. Изготовление гончарных изделий на круге повлекло за собой замену домашнего изготовления посуды, находившегося ранее в руках женщины, производством мужчины-ремесленника. Этнографические материалы позволяют составить представление об устройстве ранних гончарных кругов. В Белоруссии до недавнего времени был известен

примитивный гончарный круг, восходящий по своей конструкции, по-видимому, к X…XI вв. Его основой являлась низкая скамья, в которой укреплялась ось с насаженным на нее массивным деревянным кругом толщиной в 2…3 см и диаметром 15…20 см. При работе гончар сидел верхом на скамье, левой рукой вращал круг, а правой формовал глину. Для того чтобы глина легко отделялась от круга, его поверхность посыпалась песком. Небольшая инерция, обусловленная малой скоростью вращения и сравнительной легкостью деревянного круга, не позволяла вытягивать сосуд непосредственно из комка глины. Гончару приходилось проводить специальную подготовительную работу в виде лепки сосуда из раскатанных глиняных валиков-лент. Вращая круг, гончар сглаживал неровности лент правой рукой.

Самый распространенный древнерусский тип горшка имеет устойчивые черты: конусообразное тулово, в достаточной степени выраженные плечики, широкое горло и отогнутый венчик. Излюбленными орнаментами были линейный и волнистый, либо линейно-волнистый. По форме венчика, степени его отгиба, крутизне плечика и некоторым другим признакам удается наметить хронологическую классификацию древнерусской керамики. При раскопках и особенно разведках сельских поселений керамика часто является единственным материалом, позволяющим установить дату.

В деревне, несомненно, были развиты и другие ремесла, связанные с обработкой дерева, кости, камня. Однако вследствие недостаточной изученности сельских памятников Белоруссии нельзя пока воспроизвести цельной картины их состояния и установить степень значимости этих видов деятельности деревенских мастеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин Н. Н. Древнее Гродно. МИА, 1954, № 41.

2. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962.

3. Довженок В. И. Землеробство древней Русі. Киів, 1961.

4. История культуры Древней Руси. М., 1951, т. 1.

5. Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли в Х—ХУ вв. МИА, 1959, № 65.

6. Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. М., 1961.7. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, вып. 32, М., 1956; вып. 33, М., 1959.

8. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

9. Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, 1960, № 92.

10. Сымонович Э. А. Поселения эпохи Киевской Руси в с.Чаплин в южной Белоруссии. СА, 1961, № 2.

11. И.Тарасенко В. Р. Сельскагаспадарчая вытворчасць старажытнага Полацка. Весці АН БССР, серыя сельскагасп. навук, 1963, № 2.

12. Успенская А. В. Курганы южной Белоруссии. Археологический сборник. Тр. ГИМ, вып. XXII, М., 1953.

Глава 8 ДРЕВНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ

Одна из самых ярких страниц истории Руси может быть написана на материалах раскопок древнерусских городов. Города были не только политическими и религиозными столицами отдельных областей, но и мощными очагами материального и духовного творчества русского народа. Столь характерное для Руси бурное развитие производительных сил наблюдается в первую очередь в городах. Все настоящие города были центрами ремесла и торговли. Самодовлеющий характер древнерусской экономики обусловливал разностороннее развитие городского ремесла, достаточное для обеспечения непосредственных нужд не только горожан, но и жителей близлежащих деревень, составлявших экономически связанную с городом сельскую округу. Многоликий характер городского ремесла не исключал различий в степени развития производства в отдельных городах и некоторой специфики их экономической и культурной жизни, вытекающих из ряда причин географического, экономического, политического и культурного порядка. Эти общие черты и различия в развитии городов нашли отражение и в археологическом материале; они тем заметнее, чем больше масштабы изучения отдельных городских памятников.

Археология белорусских городов — молодой отдел археологической науки. Исследования городов большими площадями стали вестись преимущественно в послевоенный период.

Изучение городских древностей сопряжено с рядом трудностей. Как правило, города представляют собой памятники многослойные с мощными культурными напластованиями. Их раскопки требуют больших затрат труда и времени и особых методических приемов. Как бы ни были велики раскопки, они обычно захватывают незначительную площадь по сравнению с общей площадью, занимаемой городскими поселениями. Для городской территории в целом они сравнимы с булавочным уколом. Применительно к территории большинства изучаемых городов археологические раскопки в лучшем случае могут быть названы широкими разведками. В связи с этим и в интерпретации добытого материала требуется особая осторожность. Совершенно очевидно, что далеко не всегда в материалах раскопок могут быть представлены в достаточной степени различные стороны городской культуры, обычно в одних случаях они освещены лучше, в других — хуже.

Раскопки и крупные разведки затронули значительное число белорусских городов: Полоцк, Минск, Туров, Гродно, Новогрудок, Друцк, Мстиславль, Волковыск, Витебск, Пинск, Слоним, Браслав, Свислочь, Давид-Городок и др.

Ниже дается краткая характеристика древностей отдельных городов.

Полоцк

Древнейшим городом на территории БССР и одним из крупнейших политических центров Древней Руси был Полоцк. Впервые он появляется на страницах летописи под 862 годом в числе первых русских городов. Город занимал очень выгодное географическое положение, располагаясь у слияния рек — Полоты и Западной Двины, по которой в древности проходил один из путей «из варяг в греки». Правовые документы XIII в. рисуют Полоцк как крупнейший торговый центр Руси, находившийся в оживленных сношениях с Прибалтикой, островом Готландом и немецкими городами. Еще в XVI в. жива была память о славе и богатстве города, добытые его купцами и ремесленниками. «Берега Двины серебряные, а дно ее золотое», — говорил Иван Грозный. К сожалению, полоцкие летописи погибли, а другие летописные своды, хотя и упоминают Полоцк значительно чаще других белорусских городов, все же не дают достаточных сведений для раскрытия его ранней истории. Археологические материалы и здесь должны стать решающими.

На исторических планах и рисунках Полоцка отмечены три большие самостоятельные части: Верхний замок, расположенный на левом берегу Полоты, при ее впадении в Западную Двину; Нижний замок, примыкающий к Верхнему замку с севера, и так называемое Заполотье, на противоположном берегу Полоты, как и Верхний замок, выходящее к Западной Двине. Эти три района топографически легко прослеживаются и на современном рельефе города. До сих пор превосходно сохранились мощнейшие валы Нижнего замка, известные под названием вала Стефана Батория или Иоанна Грозного. В городе обнаружено также городище, находящееся на правом берегу р. Полоты приблизительно в 800 м от Западной Двины. Полоцк замечателен своими древними архитектурными памятниками. Одни из них сохранились до наших дней в перестроенном виде (Софийский собор и церковь Спаса), от других остались только фундаменты. Ни один город Белоруссии не может соперничать с Полоцком по количеству древних памятников.

Топография древних памятников Полоцка.
1 — Софийский собор; 2—Свдсская церковь.

Археологическое изучение Полоцка началось в советское время. В 1928 г. интересные разведки провел в

городе А. Н. Лявданский. Начиная с 1957 по 1963 г. осуществлялись новые раскопки на больших площадях. В разное время ими руководили М. К. Каргер, А. Г. Митрофанов, В. Р. Тарасенко и Г. В. Штыхов.

Археологические раскопки производились на территории городища и Верхнего замка. Городище в плане имеет очертания неправильного треугольника размером 75x85 м. Высота его от подошвы составляет около 14 м. Городище сплошь застроено и в значительной степени утратило свою первоначальную форму. Раскопки здесь носили разведочный характер. Было заложено несколько шурфов и траншей. В нижних слоях найдена лепная керамика, относящаяся к разным временам и культурам. Ранняя датируется первой половиной I тысячелетия н. э., поздняя — эпохой длинных курганов VII…VIII вв. [35]. Слой с лепной керамикой перекрыт напластованиями, содержащими вещи древнерусской поры. Обнаружены остатки вала, насыпавшегося в разное время.

Раскопки в восточной части Верхнего замка, охватившие площадь более чем в 1000 м^2, выявили мощный культурный слой, достигающий 5,5 м. Повышенная влажность грунта обеспечила отличную сохранность органических веществ: дерева, кожи, кости. В предматериковом слое найдена византийская монета X в., давшая дату заселения этой территории, которая быстро застраивается деревянными домами. Застройка отличается большой плотностью и стабильностью планировки.

В процессе археологического обследования Полоцка было установлено наличие древних напластований и в других частях города, в том числе в Заполотье и на Нижнем замке. Но ранние даты их пока точно не определены из-за отсутствия достаточного материала. Поэтому в вопросе о начальной истории Полоцка еще не все ясно. В свое время А. Н. Лявданский высказал мысль о том, что первоначальным ядром города было городище, служившее укрепленным кремлем вплоть до XII в. В XIII в. вследствие увеличения численности населения территория древнего кремля становится недостаточной и политический центр города перемещается на территорию Верхнего замка. Этой схемы территориального развития Полоцка придерживаются многие ученые.

Конечно, городище было одним из древнейших поселений на территории Полоцка, но еще предстоит установить непрерывность обитания на нем хотя бы со времен, представленных культурой длинных курганов. Вызывает сомнение вероятность пребывания кремля одного из крупнейших городов Руси на столь ничтожном по площади и в общем маловыразительном городище, имевшем законченные черты поселения предшествующей исторической эпохи. Детинцы многих других древнерусских городов, игравших несравненно более скромную роль в истории, значительно превышали его по площади и были более совершенными по устройству, полностью отвечая требованиям новой исторической эпохи. К сожалению, археологическое изучение Полоцка не затронуло по существу Заполотья. Между тем на исторических планах оно иногда обозначается как «Старый город». На рисунке Пахоловицкого (1579 г.) Заполотье обнесено крепостной стеной. Известно, что «Старым городом» часто назывались древнейшие части городов. Раскопки в Заполотье могут дать важный материал, освещающий начальный период истории Полоцка. Но даже и без этого раннее (с. X в.) заселение Верхнего замка (площадь около 7 га), где в середине XI в. сооружается соборная церковь, носящая, как в Киеве и Новгороде, имя Софии, позволяет рассматривать эту часть города в качестве его главного военно-политического и культурного центра того исторически достоверного времени, когда Полоцк находился в расцвете мощи и величия.

Верхний замок был окружен валом с деревянной стеной. Оборонительные сооружения выявлены раскопками, но степень изученности их недостаточна. Из документов XVI в. известно, что крепостная стена имела семь башен. Самой крупной была восточная, известная под именем Красной или Королевской. Сделана она была из камня. Документы XVII в. называют 9 башен: Красную, Проезжую, Гуську, Рождественскую, Башню-фортку, Новую, Воеводскую, Мошну, Боярскую. Можно предполагать, что некоторые из них являются древними или возведенными на месте древних.

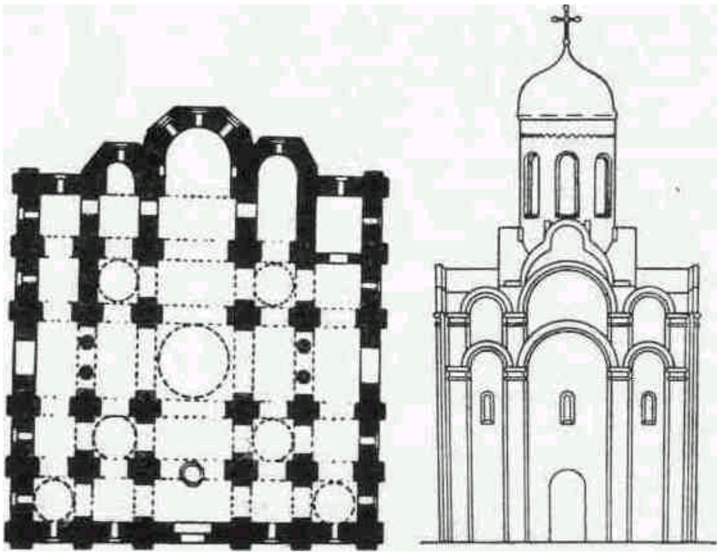
Основным типом постройки был наземный деревянный сруб размером от 12 до 25 м^2. Жилые постройки имели деревянные полы и глинобитные печи. Несколько построек составляли городской двор. Пространство между домами обычно вымащивалось деревом. В одном месте, по-видимому, обнаружена уличная мостовая. Хотя вскрытая раскопками площадь ничтожна по сравнению с остальной территорией Верхнего замка, картина характера рядовой застройки города в целом представляется отчетливой. За долгий период жизни постройки разрушались и на их месте возводились новые. Хорошая сохранность древесины позволила проследить эти этапы сплошных или частичных перестроек, наметить своеобразные строительные периоды. Поскольку каждому периоду соответствует определенный комплекс найденных вещей, представляется возможность рассматривать материальную культуру города в четкой хронологической последовательности. Хронология отдельных строительных периодов может устанавливаться не только на основании вещей, дата которых уже известна, но и по самим деревянным постройкам и мостовым. Сейчас разработан специальный метод определения дат по годичным кольцам деревьев, из которых возводились древние сооружения. Этот так называемый дендрохронологический метод основан на следующем принципе. Рост дерева в значительной степени зависит от климатических условий. Годичные колебания климата отражаются на росте дерева таким образом, что в благоприятный по климатическим условиям год у дерева обычно вырастает широкое годичное кольцо, в неблагоприятный — узкое. Колебания широких и узких годичных колец у деревьев, произраставших в одни годы и в одинаковых условиях, в целом совпадают. Сравнивая между собой спилы с различных сооружений, можно по совпадению колебаний широких и узких колец определить не только постройки, возведенные из деревьев, когда-то произраставших в одно время, но и подсчитать с точностью до года, на сколько лет одни сооружения старше или моложе других. Если известна абсолютная дата рубки какого-нибудь из сопоставляемых деревьев, то легко устанавливаются даты и других сооружений.

Сопоставляя спилы с полоцких деревянных построек с датированными новгородскими образцами, Б. А. Колчин определил хронологию полоцких строительных горизонтов. Она видна из следующей таблицы.

Нет таблицы

В материалах раскопок нашли отражение различные стороны хозяйственной и культурной жизни города. Находки убедительно свидетельствуют о высоком развитии железообработки, ювелирного ремесла, деревообработки, кожевенного дела. На исследованном раскопками участке проживали ювелиры. В слоях XI… XIV вв. найдено свыше двух десятков литейных форм различных конструкций, а также ювелирные клещи. Добыто довольно много отходов кожевенного производства. Давая оценку полученным материалам, следует, однако, иметь в виду, что раскопки коснулись очень небольшого участка города, вследствие чего может создаться несколько одностороннее представление о его культурном облике в целом.

Излюбленным украшением городских женщин были стеклянные браслеты. На Руси существовало несколько больших центров их производства. Крупнейший находился в Киеве. Киевские мастера по стеклу обеспечивали потребность в стеклянных украшениях большей части русских городов. Изделия киевского производства найдены и в Полоцке. Однако спектральное изучение полоцких браслетов позволило прийти к выводу о существовании в Полоцке местного производства браслетов [37]. В местном стекле содержится примесь титана, позволяющая отличать полоцкие изделия от привозных. В середине XIII в. киевские мастерские были разгромлены монголами и производство стекла там прекратилось. В Полоцке оно существовало вплоть до XIV в.

План Софийской церкви. (По Хозерову.)
Церковь Спаса. (Реконструкция Хозерова.)

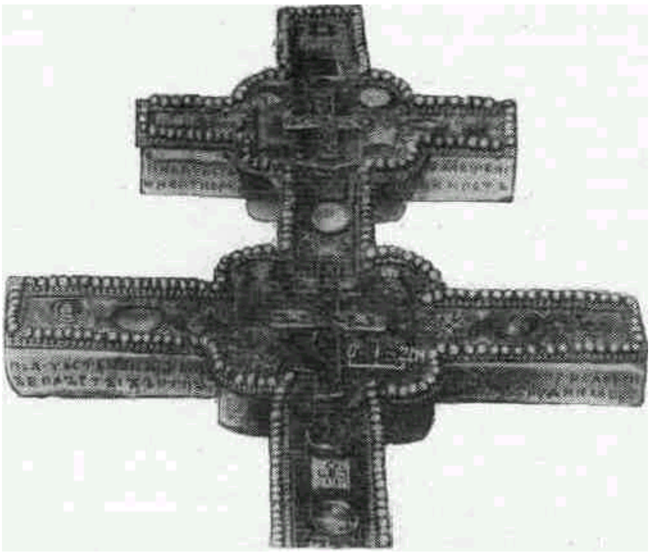
Показателем высокого развития духовной и материальной культуры Полоцка являются его знаменитые памятники монументального зодчества.

Полоцк был одним из выдающихся архитектурных центров Древней Руси. Между 1044 и 1066 гг. в нем вслед за Киевом и Новгородом на высоком плато Верхнего замка был воздвигнут величественный храм св. Софии. Теперь от него сохранилась лишь незначительная часть, вошедшая в состав ныне существующего барочного собора, построенного в 1750 г. Нижняя часть древней Софии оказалась в его подполье. Из списка XIV в. известно, что храм был увенчан пятью главами. Некоторые имеющиеся материалы позволяют говорить о том, что собор был построен в манере, характерной для русского зодчества XI в. Ее отличают подчеркнутая монументальность, гармоничная связь с окружающим рельефом, сложность и красочность интерьера, богатство внутренней отделки. В эпоху феодальной раздробленности в русской архитектуре складывается и быстро распространяется Новый стиль, характеризующийся меньшими размерами культовых зданий, большей простотой и расчлененностью их внутреннего пространства. Храмы приобретают «кубические» черты. При сохранении единства унаследованных традиций киевской архитектурной школы в различных областях Руси получают развитие самостоятельные архитектурные течения с особыми художественными и техническими чертами. Значительный вклад в историю древнерусской архитектуры внесли зодчие северо-западных областей Руси.

Наиболее выразительным воплощением и оригинальным решением нового типа культового здания явились полоцкие храмы XII в. Среди них особое место занимает церковь Спаса в Спасо-Ефросиниевом монастыре, построенная замечательным зодчим Иоанном. Хотя внешний облик церкви претерпел серьезные изменения в результате реставрационных работ XIX в., исследованиями И. М. Хозерова и других историков архитектуры удалось воспроизвести ее первоначальный вид. Основное конструктивное решение храма было подчинено идее преодоления статичности прежних архитектурных схем. Зодчий Иоанн блестяще разрешил эту задачу, подняв центральную часть здания и увенчав ее стройным башнеобразным барабаном. Ярусная композиция верха придала храму изящную форму, строгое величие и динамичность. Оригинально был оформлен интерьер здания. Великолепная фресковая роспись украшала его стены.

Недалеко от Спасской церкви в 20-х годах нашего века были обнаружены и в 1961…1962 гг. раскопаны М. К. Каргером руины(?) церкви, остатки еще одного большого храма. С трех сторон к нему примыкали большие притворы-усыпальницы, выстланные майоликовыми плитками и мозаикой. Стены притворов были украшены фресками. Недавно в Полоцке были обнаружены остатки еще двух древних построек.

Крест Лазаря Богши.

Замечательные храмы были воздвигнуты в XII в. невдалеке от древнего Полоцка — в Бельчице, теперь вошедшей в черту города. Их было не менее четырех. Два храма существовали еще в 20-х годах нашего века. Один из них — храм Бориса и Глеба — очень напоминает по плану церковь Спаса. Можно предполагать, что бельчицкие постройки также обязаны творчеству мастера Иоанна. Небольшая бельчицкая Пятницкая церковь отмечена явными следами влияния народного деревянного зодчества. По мнению Н. Н. Воронина, бельчицкие храмы могли быть местом погребения полоцких князей. Яркая и самобытная полоцкая архитектура оказала заметное воздействие на архитектуру других областей Руси.

Непосредственно к полоцким древностям относится замечательный памятник ювелирного искусства Руси так называемый «Крест Евфросинии Полоцкой», изготовленный в 1161 г. мастером-ювелиром Лазарем Богшей. Его заказчицей была настоятельница полоцкого монастыря св. Спаса Евфросиния, внучка знаменитого князя Всеслава Брячиславича.

В изделии нашли отражение высшие достижения ювелирного мастерства [2]. Крест имел модную в то время шестиконечную форму. Длина его 51 см, верхнего перекрытия — 14 см, нижнего — 21 см. Сделан он был из дерева (по некоторым сведениям кипарисового), обитого с лицевой и задней стороны золотыми пластинами, а по бокам — пластинами из позолоченного серебра. Техникой тончайшей перегородчатой эмали на пластинах изображены Христос, Богоматерь, четыре евангелиста, Иоанн Креститель, архангелы Михаил и Гавриил, Евфросиния Александрийская, Георгий, София, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов, Петр, Павел, Стефан, Дмитрий и Пантелеймон. Великолепные орнаменты из перегородчатой эмали и вставки драгоценных камней составили богатый, насыщенный красками декор креста. Орнаменты группируются в 17 разнообразных фигур, каждая из которых заполнена самостоятельными орнаментами, включающими 15 различных элементов. Все орнаментальные мотивы находят себе аналогии в памятниках ювелирного искусства Древней Руси. В эмалях преобладают тона синие, белые, красные и зеленые. В отличие от ряда известных изделий, в которых использовались эмали, снятые с других вещей, эмали полоцкого креста были сделаны непосредственно на его пластинах, т. е. специально для креста.

На обратной стороне креста были устроены четыре прямоугольных приемника для хранения мощей. Почти на всех пластинах имеются четко выполненные надписи. На одной из них помещено имя мастера в обычной для того времени формулировке: «Господи помози рабоу своемоу Лазорю, нареченному Богъши, съделавъшемоу крьестъ сии цръкви святаго Спаса и Офросиньи».

Самая замечательная надпись, состоящая из двух рядов, сделана вокруг креста на его боковых сторонах. «В лето 6669 (1161) покладаеть Офросинья чьстьный крестъ въ манастыри своемъ въ церкви святаго Спаса. Чьстьное древо бесценьно есть, акованье его злато и серебро и каменье и женчугъ зъ 100 гривнъ а... 40 гривнъ. Да не изнесеться из манастыря никогда же яко ни продати ни отдати аще се кто преслоушаеть изнесеть и от манастыря да не буди емоу помощьникъ чьстьный крестъ ни въ сь векъ, ни в боуд...щий и да боудть проклятъ святою живо-творящею троицею и святыми отци 300 и 50 семию съборъ святыхъ отець и боуди емоу часть съ Июдою иже преда Христа. Кто же дрьзнеть сътворити с... властелинъ или князь или пискоуць или игоуменья или инъ который любо

человекъ а боуди емоу клятва си.

Офросинья же раба Христова сътяжавъши крестъ сии, прииметь вечную жизнь съ всь(м)и с (вятыми)...»

Б. А. Рыбаковым высказано предположение, что 40 гривнами определена цена работы мастера. Если это так, то Богша представляется очень высокооплачиваемым ремесленником, выполнявшим дорогие заказы полоцких феодалов.

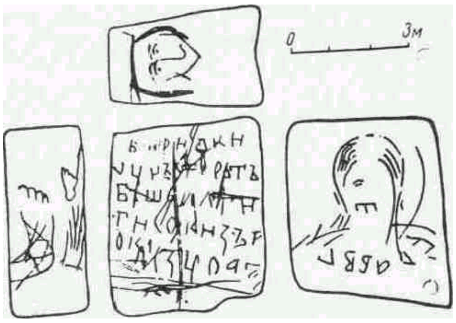
До Великой Отечественной войны крест хранился в Минском государственном музее. В 1941 г. он был похищен немецко-фашистскими захватчиками и бесследно исчез.

«Борисов камень».

«Рогволодов камень».

Камень с татарской кириллической надписью.

Своеобразный и ставший теперь уже уникальным памятник лежит в реке напротив города недалеко от левого берега Западной Двины. Это большой камень-валун, на плоской поверхности которого высечен пятиконечный крест и надпись «ХС. Ника. ГИ (господи) помози рабю своему Борису». Таких камней известно было на территории Белоруссии около десяти. Их называют чаще всего Борисовыми камнями и связывают с именами полоцких князей Бориса Всеславича (умер в 1128 г.) и его сына Рогволода Борисовича. Большинство камней находилось в русле Западной Двины или на ее берегах. Один у местечка Коханово недалеко от Орши. Его размеры 2,5x3 м. Вокруг большого креста высечена надпись, которая в современной транскрипции читается так:

«В лето 6679 (1171 г.) месяца мая в 7 день доспен (иссечен) крест сии; господи помози рабу своему Василию в крещении именем Рогволоду, сыну Борису». Князья, как известно, имели тогда по два имени — русскому и церковному греческому. Надпись, по-видимому, сделана по заказу Рогволода, князя полоцкого, затем друцкого. Интересно, что в летописи Рогволод Борисович, живший в неспокойное время княжеских междоусобиц и сам неоднократно страдавший от этого, упомянут в последний раз под 1161 г.

Объясняется назначение камней по-разному. Некоторые считают, что князья связывали с камнями попытку увековечить свои имена или призвать божью помощь. Считают эти камни и межевыми знаками. Связывают их появление с очисткой рек от камней и т. д.

Надписи на камнях — одно из свидетельств широкого распространения грамотности. В этой связи любопытна находка небольшой каменной известковой плитки 4,5x4,3x2 см, которая была обнаружена во время раскопок на Верхнем замке [36]. На одной из ее сторон русскими буквами в шесть строк написан перечень татарских числительных от одного до десяти: бир, иаки, оучъ, терьтъ, беше, алти, ...ти, сокизъ, токузъ, уоан. По палеографическим признакам эта кириллическая надпись может быть датирована XIV…XV вв. [28].

Витебск

В Витебске была найдена единственная пока на территории Белоруссии берестяная грамота [13]. Обнаружена она случайно при земляных работах на площади Свободы в 1959 г. на глубине около 3…4 м. Грамота содержит полный текст письма из шести строк, написанного буквами, характерными по начертанию для рубежа XIII и XIV вв. Вот ее содержание: «От Степана къ Нежилови. Ожееси продалъ порты, а купи ми жита за 6 гривенъ. А ли цего еси

не продалъ, а поели ми лицемъ. А ли еси продалъ, а добро сътворя у купи ми жита».

Витебская берестяная грамота.

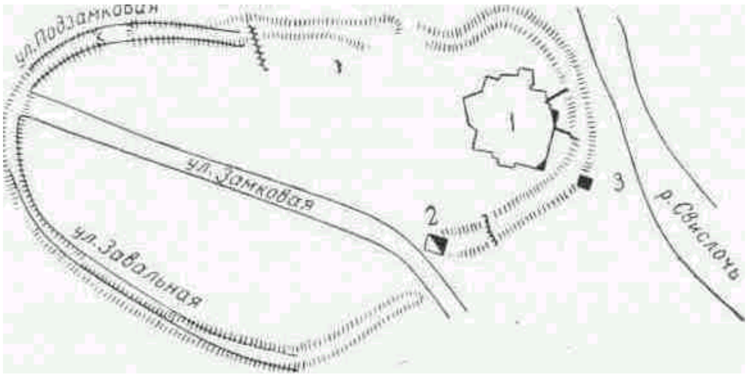
Словом «жито» называли ячмень. Личность Степана может быть истолкована двояко: либо он крестьянин, пострадавший от недорода, либо ремесленник, изготовляющий одежду на рынок. Любопытно, что в то время за 6 гривен можно было купить 300 овчин, или 12 свиней, или двух кобыл, или трех коров, или нанять двух батрачек на 12 лет. По своим языковым особенностям грамота может быть местной, поскольку в ней отчетливо отразилось цокающее произношение, характерное для северо-западных областей Руси.

Витебская грамота — важное свидетельство широкого распространения грамотности в Древней Руси.

Минск

В 1067 г. произошли события, благодаря которым впервые стало известно о существовании Минска. Огромное объединенное войско трех южнорусских князей — братьев Изяслава киевского, Святослава черниговского и Всеволода Переяславского, выступив походом против полоцкого князя Всеслава Брячеславича, с боя взяли Минск, перебили его защитников и направились к Немизе, где 3 марта произошла знаменитая битва, горьким эхом отозвавшаяся на Руси: «Немизы кровавые берега не добром усеяны, усеяны костьми русских сынов»,— писал автор «Слова о полку Игореве». Всеслав был разбит и бежал.

Упоминание о Немизе смутило ученых. Автор «Слова о полку Игореве» прямо говорит о реке Немизе. Но ведь Немиза (Немига) протекает через Минск. Князьям, овладевшим городом, казалось бы, незачем было куда-то идти. Значит, решили некоторые, древний Минск был не там, где современный. Но поиски другого Минска не увенчались успехом, чего и следовало ожидать. Интересно, что сам летописец не называет Немизу рекой. О реке Немизе вообще нет упоминания в русских летописях. Зато в одном из древних списков упомянут город Немиза, местонахождение которого до сих пор неизвестно. Возможно, к этому городу и направились князья. Как бы там ни было, вопрос о местонахождении древнего Минска до археологических исследований в современном Минске получал различное толкование.

План минского «Замчища». 1, 2, 3 — места раскопов.

Еще до 50-х годов нашего века на правом берегу Свислочи в районе площади им. 8 Марта имелся высокий пригорок, который называли «Замчищем». Как показали раскопки, это «Замчище» оказалось небольшой частью древнего города. Первоначальную территорию древнего Минска помогли установить исторические планы, составленные в XVIII и XIX вв. На них нанесены остатки древней крепости, окруженной валом. Во время археологических раскопок, проводившихся после Отечественной войны в течение 12 лет Институтом истории АН БССР [32] этот вал был обнаружен точно в том месте, где он показан на исторических планах города. Везде он оказался древним, восходящим к начальному периоду истории Минска. Значит, исторические планы зафиксировали древний план города, остатки его укреплений, еще отчетливо заметные в XIX в. Анализ письменных источников, сохранивших описания остатков оборонительных сооружений Минска, изучение исторических планов города и сопоставление всех этих материалов с археологическими данными позволили точно установить территорию укрепленной части древнего Минска. Детинец раннефеодального города занимал всю ту территорию, которая на планах XVIII в. заключена внутри вала и которая в XVI…XIX вв. называлась Старым замком, Старым городом или просто «Замчищем». Она простиралась от р. Свислочь на запад до современных улиц Подзамковой и Завальной, охватывая площадь в 3 га. В плане крепость имела полукруглую форму и занимала сравнительно плоскую местность. Заболоченность прилегающих территорий облегчала оборону города. Но не это главное. Основу военной мощи древнего Минска составил искусственный деревоземляной вал. Изучение оборонительных сооружений показало, что город был окружен валом, насыпанным из крупнозернистого светлого песка. Первоначальная ширина вала составляла 14 м. Но эта ширина и соответственно высота вала, по-видимому, оказались недостаточными. Вскоре вал был расширен до 22…25 м. Во многих местах внутри вала были обнаружены массивные бревна, укреплявшие его внутренний и внешний склоны. Оригинальная деревянная субструкция выявлена на юго-восточном участке крепости в том месте, где вал делал поворот. В его основании было уложено девять деревянных накатов из

длинных сосновых бревен, расположенных перпендикулярно к оси вала. Такая система накатов составила прочное основание земляного вала. По верху вала должна была проходить деревянная стена, но остатки ее не сохранились.

На исторических планах города XVIII в. показано два въезда в Старый город: один на северной стороне, другой — на южной. Судя по всему, центральным въездом был южный, к которому сходятся основные минские улицы, расположенные за пределами укрепленной части города. Можно предполагать, что в древности въезд был только на одной южной стороне, так как к северу от крепости местность была сильно заболочена и не застроена. Впрочем, об одном въезде в «город» сообщают и письменные источники XVII в. На всех исторических планах города концы вала в месте южного въезда в крепость показаны сдвинутыми относительно друг друга. Если это не результат позднейшей застройки, исказившей первоначальный план этого участка крепости, то следует признать, что въезд в минский детинец был образован не простым прорезом линии вала. История древнерусской фортификации знает примеры, когда концы вала шли параллельно друг другу, заходя один за другой. Такое устройство въезда усиливало защитные возможности крепости, так как осаждавший крепость неприятель ставился дополнительно под двусторонний или односторонний обстрел у городских ворот.

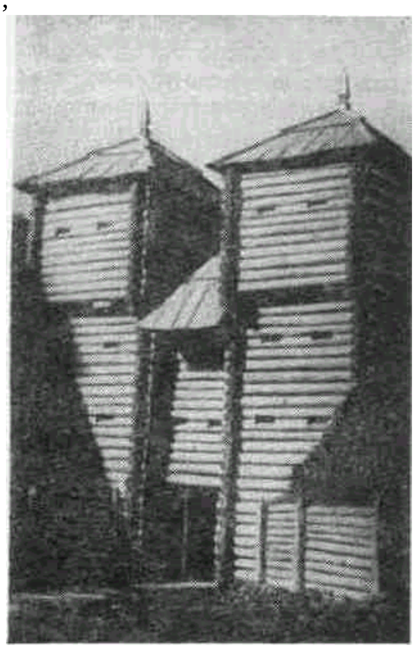
Сообразуясь с планами XVIII в., были произведены раскопки точно в месте разрыва вала на южной стороне крепости. Как и следовало ожидать, в раскопках было обнаружено окончание вала, шедшего от въезда в крепость к реке. На нем — остатки мощного деревянного сруба из четырех венцов, заполненного песком. Рядом с ним прошла мостовая, сохранившая несколько разновременных деревянных настилов. Мостовая вела в город. Сруб не был жилой постройкой. Он завершал вал у городских ворот или, всего вероятней, сам являлся нижней частью воротной башни. Большие размеры сруба, для сооружения которого использовался дуб, заполнение сруба и место, которое он занимал, говорят о необычности и монументальности сооружения. В раскопки не могла быть включена территория на противоположной стороне мостовой. Но можно предположить, что там имелась такая же срубная конструкция и вместе они составляли городские ворота. Мостовая проходила между двумя башнями, соединенными, по-видимому, между собой вверху.

Бревна субструкции вала.

Сооружение башни относится ко второй половине XI в. Простояла она недолго и уже в конце века была разрушена. Вместо нее конец вала был огражден группой столбов, врытых на расстоянии около двух метров друг от друга. Возможно, что пространство между ними закладывалось деревом и эта столбовая ограда была частью своеобразного варианта конструкции городских ворот.

,

Реконструкция городских ворот древнего Минска.

Минск принадлежит к числу тех редких археологических памятников, культурный слой которых превосходно

сохраняет органические вещества. Благодаря этому удалось отчетливо представить внешний облик города, детально изучить планировку и застройку раскопанного участка. Мощные культурные напластования, достигающие 6…7 м, и обилие деревянных сооружений создали превосходные условия для стратиграфических и хронологических наблюдений.

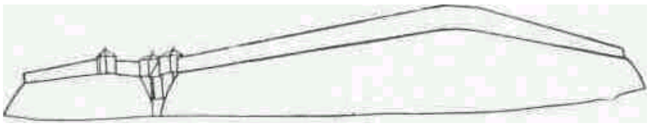
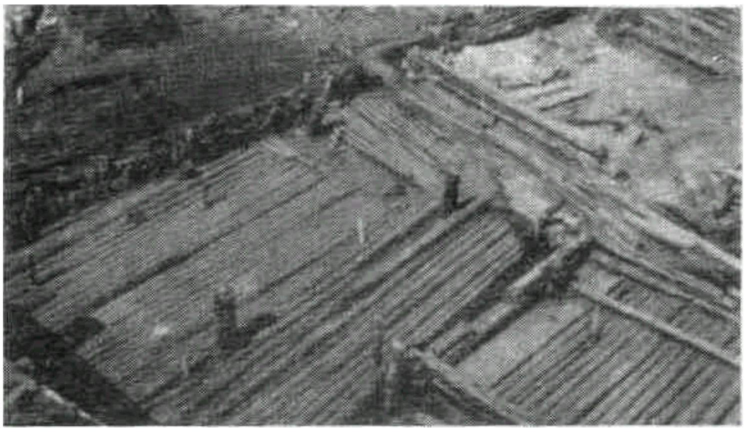

Схема-реконструкция минской крепости.

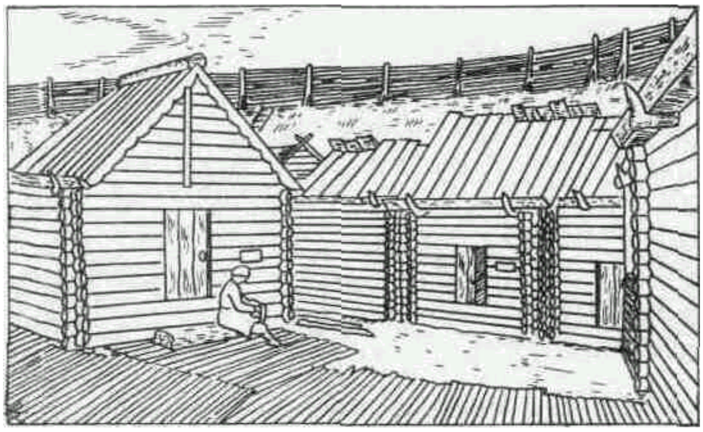
Уже в первые годы существования города в нем сложилась уличная планировка. На вскрытом в восточной части детинца участке общей площадью около 2 тыс. $м^2$ было обнаружено несколько улиц, замощенных деревянным настилом. После разрушения Минска в конце XI в. Владимиром Мономахом сложилась новая планировка, которая с небольшими изменениями просуществовала здесь до XV в. Это свидетельствует о крайней устойчивости городской планировки во времени, что, впрочем, характерно и для других древнерусских городов. Одна из главных улиц детинца пересекла его восточную часть с севера на юг и подошла к городским воротам. Ее ширина была более 4 м. Вскрытая на протяжении около 40 м, она сохранила 13 бревенчатых настилов. К западу и востоку от нее отходили еще более узкие улочки.

Территория минского детинца была поделена на отдельные участки под городские усадьбы, представлявшие собой замкнутые дворы, застроенные жилыми и хозяйственными сооружениями. Одна из вскрытых целиком раскопками усадеб имела две жилые избы и четыре-пять хозяйственных построек. Стабильность плана была свойственна и для отдельных усадеб. Новые постройки, сооруженные на месте старых, обычно в точности повторяли их план и размеры.

Остатки двора горожанина. (Вторая половина XII в.)

Археологическими раскопками на минском «Замчище» открыто частично или полностью около 130 построек. От них сохранились фундаменты, стены на несколько венцов, полы, дверные проемы, двери, крылечные лестницы, детали перекрытий, печи. Господствующей формой минской постройки был наземный деревянный сруб на одно помещение площадью 16…25 $м^2$. Угловые чашки и продольные пазы для более плотного прилегания венцов делались в верхней стороне бревна. Щели между венцами проконопачивались мхом. Почти все жилые постройки имели деревянный пол, настилавшийся обычно на лагах-переводинах между вторым и третьим или третьим и четвертым венцами. Вход в постройки устраивался со стороны двора.

Реконструкция городской усадьбы XIII в.

Двери были узкие и низкие. Возле некоторых изб сохранились крылечные лестницы.

Находки «кокошин» и «самцов» свидетельствуют о близости древних минских построек к белорусским этнографическим жилым и хозяйственным сооружениям. Фронтоны построек образовывались бревнами, постепенно укорачивающимися кверху. Между собой они скреплялись продольными слегами — «сволоками». Под нижний «сволок» подкладывались с каждой стороны крыши две или три пары крючков — «кокошин», которые поддерживали толстую доску — «закрылину». В нее упирались своими концами тесины перекрытия ската. В

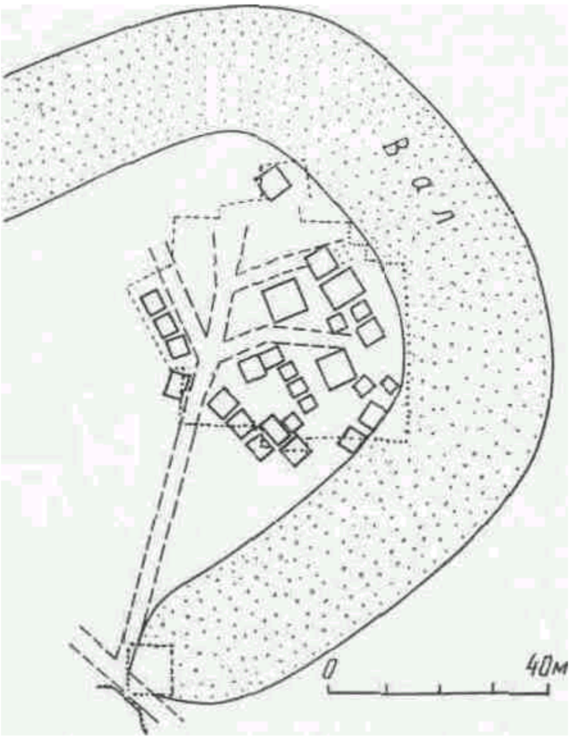
этнографической литературе такой способ покрытия крыши называют «внахлестку». Считается, что нахлестка придавала крыше своеобразный живописный вид.

В древнем Минске были также постройки со столбовой техникой сооружения стен, основу которых составляли врытые в землю столбы. Пространство между ними заполнялось различными способами. Для более ранних построек характерно преимущественно вертикальное заложение тесинами или жердями, позже господствует горизонтальная закладка в столбы бревен или тесин. В слое XIII в. была открыта плетеная хозяйственная постройка.

Внутренняя облицовка минской церкви.

Во всех жилых постройках печи располагались в углу, справа или слева от входа. Для XI…XII вв. отмечено удивительное единообразие их конструкции. Все печи сооружались на невысоком возвышении — опечке, огороженном досками и забитым глиной с мелкими камнями. Высота его — 20…30 см. В плане он, как правило, квадратный, размерами 1,2х1,2 м. Сама печь сбивалась из глины на каркасе из прутьев или кольев. Часто в основание стен укладывались крупные камни. Ни разу не обнаружено следов отверстия для выхода дыма в своде печи. Очевидно, печи топились по-черному.

План-реконструкция застройки восточной части минского детинца XII…XIII вв.

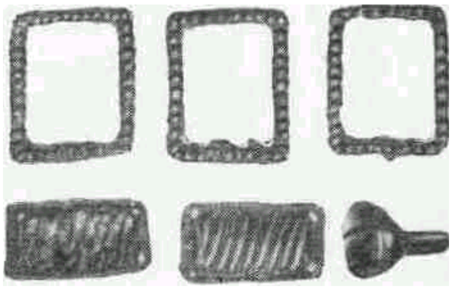
В самых ранних слоях минского «Замчища», относящихся к концу XI в., был открыт фундамент небольшой каменной церкви 12х16 м с тремя выступающими полукружиями — абсидами [33]. Строго в центре сохранились основания четырех столбов, против которых на внутренних сторонах северной и южной стен намечаются прямоугольные лопатки. Фундамент и стены были сложены из камня, скрепленного белым известняковым раствором. На внутренних стенах у юго-западного угла сохранились участки, облицованные кирпичеобразными известняковыми блоками. Как показали раскопки, храм не был достроен. Об этом свидетельствует и незавершенность внутренней отделки, и отсутствие каких бы то ни было следов пола, и то, что сохранившаяся часть стен была залита сверху ровным слоем раствора, в котором отсутствуют отпечатки кладки. Тем не менее, минский храм даже в своем незавершенном виде представляет несомненный интерес. Помимо оригинальной кладки и облицовки, он своими небольшими размерами и композиционным решением четырехстолпного интерьера предвосхитил художественные архитектурные принципы периода феодальной раздробленности Руси. Вероятно, церковь со временем надеялись закончить. До середины XII в. возведенную часть не разбирали и не засыпали. Затем ее превратили в своеобразный некрополь. Внутри храма раскопками обнаружено 21 погребение в деревянных гробах. Однако в первой половине XIII в. поверх каменного фундамента прошла уличная мостовая. Можно предполагать, что древняя церковь имелась в другом месте крепости. Письменные источники начиная с XVI в. упоминают о Соборной церкви Замка минского. Возможно, эта церковь и обозначена на планах Минска XVIII в. недалеко от крепостных ворот.

Древний Минск, как и большинство древнерусских городов, состоял из двух частей — укрепленного детинца

и примыкавшего к нему посада. Первоначальное поселение, вероятно, вмещалось в пределы крепости, но по мере возрастания экономического значения Минска и увеличения численности его населения территория крепости становится недостаточной. Начинают застраиваться участки к югу от детинца. Разведывательные раскопки и некоторые наблюдения за строительными работами, проводящимися в этом районе города, обнаружили следы посада в различных местах к югу, юго-востоку и востоку от «Замчища» в радиусе до 300 м. Но есть основания предполагать, что город простирался значительно дальше.

Обширный археологический материал убедительно показывает развитость в городе различных видов ремесла. Найденные инструменты, заготовки, полуфабрикаты, сырье и многочисленные готовые изделия свидетельствуют о существовании местных производств, обслуживавших как нужды горожан, так и сельского населения минской городской округи.

Железообрабатывающее ремесло представлено многочисленными находками различных по своему назначению изделий, среди которых на первое место следует, естественно, поставить инструментарий. В слоях XI…XIV вв. были найдены кузнечные клещи, бородок (для пробивания отверстий в металлических изделиях), зубила, топоры, тесла, скобели, долота, сверла, гвоздодеры, ножи, ножницы, иглы. Из железных орудий, связанных с сельскохозяйственным производством и различными промыслами, найдены сошники, серпы, косы, оковки лопат, рыболовные крючки, гарпуны. Многочисленны находки предметов домашнего обихода и утвари, вооружения и т. д.

Предметы из мастерской ювелира.

Металлографические исследования найденных в Минске железных изделий показали, что кузнецы умели варить сталь, сваривать ее с железом, знали термическую обработку, искусно владели всеми необходимыми техническими приемами обработки черного металла: обточкой, опиловкой, пайкой, инкрустацией и покрытием другими металлами. Материалы из раскопок Минска свидетельствуют не только о высоком уровне кузнечного и слесарного дела в городе, но и о единстве технологии производства в Минске и других русских городах, об общем для них пути развития железоделательного ремесла.

Золотой браслет.

Ювелирное дело представлено льячкой, литейной формой, ювелирными пинцетами, находками медной проволоки, слитков олова и свинца, многочисленными готовыми изделиями. Ювелиры жили и в крепости. Так, внутри и возле одной небольшой постройки XII в., стоявшей в глубине двора около самого вала, среди груды вещей самого различного назначения были найдены две створки одной составной литейной формы, в которой вырезаны гнезда для отливки сразу трех металлических пуговиц. Здесь же найдена и пуговица, неудачно отлитая и выброшенная недоделанной. Судя по размерам, пуговица отлита не в найденной форме. Значит, в распоряжении жившего здесь ювелира было по меньшей мере две формы для изготовления пуговиц. Продукция ювелира была также представлена тремя прямоугольными пряжкообразными накладками, предназначенными, вероятно, для украшения поясного ремня или конской сбруи. Поверхность их украшена ложной зернью. Две накладки отлиты в одной литейной форме. Изделия еще окончательно не отделаны — не были опилены и зашлифованы заусеницы на краях. Отливка, следовательно, производилась в односторонних формах, прикрываемых сверху гладкой крышкой. Еще две накладки имели вид прямоугольных пластинок с украшенной рядом насечек выпуклой поверхностью и обрамленных по краю узким ложнозерненым пояском. Таким образом, в распоряжении местного ювелира был целый набор ювелирных форм: не менее двух для отливки пуговиц и не менее трех для изготовления накладок. Ассортимент изделий представлен обычными недорогими бытовыми вещами, изготовленными простой техникой литья. Видно, что изделия эти изготовлялись для рынка. Основными потребителями продукции минского ювелира были городские жители и младшие дружинники «по селам». Готовые ювелирные изделия многочисленны и разнообразны. Вне всякого сомнения, значительная часть их была изготовлена местными мастерами, хотя выделить их продукцию из общей массы находок пока не удается — слишком однообразны по форме и технике ювелирные

изделия Древней Руси. Из отдельных уникальных находок можно особо отметить золотой браслет весом 75,472 г, найденный в раскопках В. Р. Тарасенко в заполнении храма [33]. Браслет сплетен из нескольких золотых проволок и оканчивается двумя стилизованными головками.

Большое место в хозяйственной жизни Минска занимала деревообработка, которая, как и в других поселениях Руси, в значительной степени стояла на грани ремесла и домашнего промысла. В раскопках найдена большая часть из известного в то время деревообрабатывающего инструмента. Материалы свидетельствуют о существовании в Минске токарного станка по дереву. Местные мастера хорошо знали и разумно использовали различные породы дерева. Дерево было основным строительным материалом. Остатки жилых и хозяйственных построек дают отчетливое представление об уровне строительного дела. Из дерева изготовлялась домашняя утварь, посуда, бочки, корыта, лопаты, вилы, льнотрепалки, ступы, веретена, детали к различным механизмам, рукоятки к инструментам и т. д.

Самой многочисленной категорией находок является керамика, вся изготовленная на гончарном круге. Хотя следов производства гончарных изделий на «Замчище» не обнаружено, сомневаться в местном производстве основного керамического материала едва ли возможно. Очевидно, гончары проживали за пределами детинца. Наиболее распространенным типом посуды был обычный горшок. В единичных экземплярах были найдены фрагменты кувшинов, мисок, чашек. Сравнительно мало амфор и поливной посуды.

Многие находки свидетельствуют о развитости в древнем Минске косторезного дела. Основными инструментами были пила, нож, сверло, резец, напильник, токарный станок. Имеются прямые или косвенные свидетельства о существовании в Минске всех названных инструментов. Готовые изделия представлены рукоятками для ножей, шильями-проколками, всевозможными накладками, оружием, деталями одежды и бытовыми вещами, украшениями и т. д. Некоторые вещи сделаны с большим искусством, украшены гравировкой и резьбой.

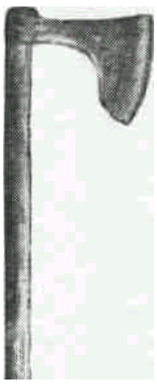

Мягкая туфля.

Широкое развитие в городе получило кожевенное дело, представленное инструментами, многочисленными обрывками кож и серией готовых изделий. Два типа обуви были особенно распространены в древнем Минске: мягкие туфли и поршни. Верх туфель состоял из одного или двух кусков кожи и обычно украшался нарядной вышивкой. Подошва была мягкой. Поршни изготовлялись из одного куска кожи. Были также сапожки и полусапожки. Из кожи делали рукавицы, кошельки, футляры для ножей, мячи и др.

Значительную группу находок из раскопок Минска составляют изделия из стекла: браслеты, перстни, бусы, обломки сосудов. Все эти вещи типичны для древнерусского города.

Следов местного стеклодельного производства в Минске не обнаружено, а данные спектрального изучения найденных здесь браслетов, позволяют думать, что стекло было привозным. Больше всего найдено браслетов. Их около тысячи. Браслеты различаются между собой по цвету, форме, толщине, химическому составу и т. д. Интересно отметить, что в разное время наблюдается мода на определенный тип или цвет браслета. Так, в конце XI… начале XII в. модными в Минске были цвета черный, синий и голубой. Зеленые и коричневые браслеты распространяются в XII и XIII вв. В конце XI…первой половине XII в. носили преимущественно крученые, довольно толстые браслеты. Со второй половины XII в. становятся модными гладкие браслеты.

Боевой топор.

Рисунка нет

Наконечник копья.

Большой интерес представляет группа находок, связанная с военным бытом жителей древнего Минска — детали мечей, наконечники копий и стрел, фрагменты защитного оружия, шпоры, стремена, удила и т. д. Некоторые изделия отличаются богатой отделкой. Так, железное навершие от рукоятки меча XII в. было покрыто серебряной пластинкой, на которой выгравирован строгий узор, подчеркивающий формы навершия. В слое XII в. был найден замечательный с художественной стороны штыковидный наконечник копья с трехгранным пером и конусообразной втулкой. По краю втулки нанесена серебряная спираль, между двумя параллельными линиями. От вершины втулки к ее основанию спускались тонкие серебряные полоски, от которых в обе стороны симметрично ответвлялись

спиралевидные завитки.

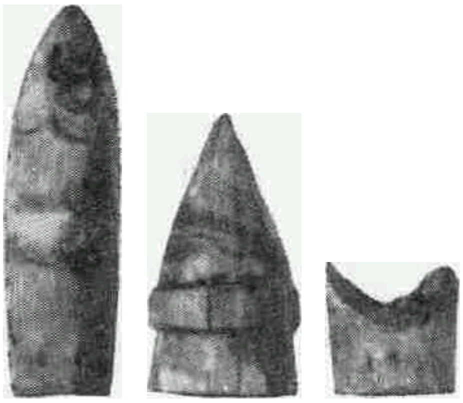
Из предметов вооружения больше всего найдено наконечников стрел (около 60). Бросается в глаза чрезвычайное разнообразие наконечников, хорошо отразившееся в военном деле. Появление новых типов обусловлено усовершенствованием доспехов. В XI…начале XII в. еще широко распространены плоские двушипные или ромбовидные наконечники, то в XII в. в связи с совершенствованием защитного оружия, значительно возрастает количество узких граненых наконечников стрел, специально предназначенных для пробивания брони.

Стрелы носились в колчанах. В минских раскопках найдены три костяные петли от них и костяная накладка, сплошь украшенная резьбой в виде волнистых линий, зигзагов, ромбиков, спиралей, лепесткообразных крестиков. Наряду с русскими мотивами в орнаментации накладки присутствуют черты, характерные для искусства кочевников южнорусских степей. По мнению Л. В. Алексеева, мастером, изготовившим эту накладку, мог быть половчин или тюрк (?) [15].

Весьма примечательно, что основная масса предметов, связанных с военным делом, приходится на ранние слои, относящиеся к концу XI…первой половине XII в. Это свидетельствует о большом удельном весе военного элемента среди населения раннего этапа жизни города.

Специально следует остановиться на двух предметах, характеризующих культурную жизнь города. Во время археологических раскопок были найдены несколько «писал», предназначенных для письма. Они представляли собой заостренный стержень с лопаточкой на одном конце. Острым концом писали на специальных дощечках, покрытых воском. Лопаточкой стирали написанное. «Писала» найдены во многих древнерусских городах.

Древние минчане были знакомы с игрой в шахматы. Во дворе усадьбы XII в. были найдены четыре деревянные фигурки от одного шахматного набора. Одна имела форму сигары высотой 6 см, другая — конус на невысокой цилиндрической подставке, окаймленной пояском. Третья и четвертая фигурки были одинаковы: цилиндр высотой 2,2 см завершался двумя зубцами.

Шахматные фигуры.

Набор, следовательно, состоял из абстрактных геометризированных фигур. Интересно, что шахматы были сделаны от руки обычным ножом, возможно, хозяином того двора, где они были найдены. Это дает право предполагать широкое распространение в городе искусства шахматной игры.

Полученный в результате многолетних раскопок значительный материал позволяет рассматривать раннюю историю города в различных аспектах. Очень важным, хотя и трудным, представляется вопрос о числе ремесленных специальностей в древнем Минске и социальной организации ремесла. Не следует забывать, что по отношению к территории города археологически изучена незначительная площадь и исследования велись в основном внутри укрепленной аристократической части. Тем не менее об основных чертах минского городского ремесла судить можно. На основании изучения археологического материала можно наметить следующий профессиональный состав ремесленников за весь период с XI по XIII в.: а) кузнец-универсал, серпник-косник, топорник, ножовник, оружейник, гвоздочник; б) кузнец меди, литейщик имитационных украшений; в) плотник, тесляр, токарь, бочар, ковшечник, ладейник; г) каменщик; д)гончар; е) сапожник; ж) косторез. Пока нельзя утверждать, что перечисленные ремесленники проживали одновременно в течение какого-нибудь узкого хронологического отрезка. Это маловероятно. На каждом этапе жизни города была определенная комбинация названных профессий.

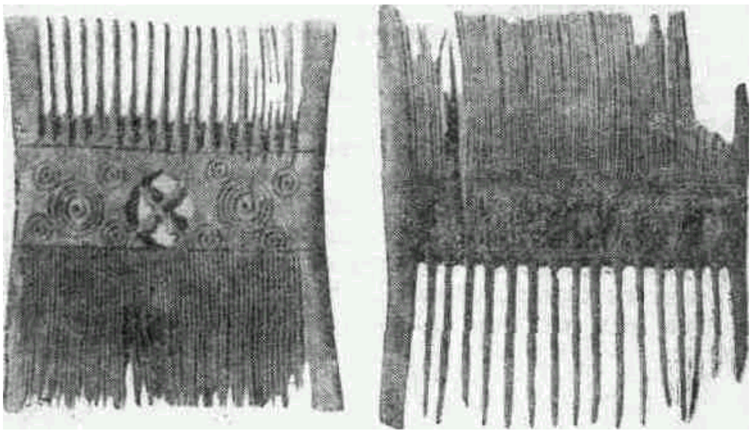
Каменная иконка. (Увеличено.)

Городское ремесло базировалось на труде свободных ремесленников. Однако возможно также существование

в городе и вотчинных ремесленников.

В жизни города большая роль принадлежала домашним промыслам, земледелию, скотоводству, рыболовству, собирательству. Среди найденных зерен имеется рожь, пшеница, просо, бобовые. Изучение остеологического материала, произведенное В. В. Щегловой, показало, что подавляющее большинство найденных костей относилось к домашним животным (92,9%), из них: кости свиньи составили 31,7%, домашнего быка—30,7%, лошади—5,9%, овцы и козы—15,2%. Охота не имела особого промыслового значения.

Отраженное в археологическом материале состояние торговой жизни древнего Минска, по-видимому, неполно. В категорию действительно неместных изделий попадает незначительная часть вещей. Сюда прежде всего следует отнести стеклянные изделия. Бытование в Минске стеклянных браслетов различного химического состава совпадает по времени с бытованием таких же изделий киевского производства. Есть поэтому основания считать, что основным поставщиком стеклянных изделий в Минск был Киев. Из него же привозились некоторые украшения и предметы культа. В Минске найдены две удивительные по своему мастерству каменные иконки, видимо, киевской работы. С Волыни поступали шиферные пряслица; с юга — амфоры с вином, самшит, грецкий орех; из Прибалтики — янтарь, (вероятно, в качестве сырья для местной переработки).

Гребни из самшита.

О возможном участии Минска в экспорте товаров на внешний рынок говорит находка свинцовой пломбочки так называемого дрогичинского типа, на лицевой стороне которой изображен Борис или Глеб, а на обратной — процветший крест. Товары взвешивались на весах и безменах. В Минске найден безмен с запасом прочности, позволяющим взвешивать груз в 7…8 пудов.

Превосходная сохранность дерева, из которого были сооружены постройки и мостовые древнего Минска, позволила путем дендрохронологических сопоставлений получить данные о хронологии отдельных сооружений, строительных периодов и стратиграфических напластований. Любопытно, что дома в среднем стояли 30…40 лет, мостовые на улицах перемащивались каждые 12…20 лет.

Дендрохронологические и стратиграфические наблюдения показали, что Минск возник незадолго до того, как о нем впервые упомянула летопись. По своему плану и особенностям оборонительных сооружений минская крепость являла собой пример нового типа поселения, отвечавшего всем требованиям фортификации того времени. Мощный вал с деревянной субструкцией и оригинальным решением проблемы защиты въезда окружил обширную площадь. Сооружение его потребовало громадного объема работ. Только на рубку деревьев на субструкцию вала ушло, как показал дендроанализ, не менее 4 лет. Большая территория, мощь укреплений, отсутствие следов поселения под валом, обилие в ранних культурных слоях вещей, связанных с военным бытом, свидетельствуют о том, что Минск возник как сильная княжеская крепость Полоцкой земли.

Гродно

На пограничье Руси и Польши в землях, некогда заселенных воинственным племенем ятвягов, в XII в. возник город Гродно. Русские летописи двенадцать раз вскользь упоминают о нем. Но их сведения настолько отрывочны и разрозненны, что не только не дают ясного представления о его ранней истории, но и явились поводом для спора о местонахождении города. Многим казалось немыслимым отождествлять летописное Городно, связанное с волынской княжеской линией, с неманским Гродно. Делались попытки связать Гродно русских летописей с Давид-Городком, расположенным в низовьях Горыни. В качестве доказательства указывали на то, что отца первого известного гродненского князя звали Давидом Игоревичем. Но проведенные польскими археологами раскопки Давид-Городка не подтвердили одного летописного свидетельства. В записи 1183 г. сказано следующее: «Того же лета Городен погоре всь и церкы каменая от блистания молние и шибения грома». В Давид-Городке никаких каменных церквей не оказалось. Он был застроен деревом. Между тем в неманском Гродно до сих пор сохраняются руины каменного храма Бориса и Глеба XII в. Чтобы разрешить этот спор, нужно было провести раскопки и в Гродно. Исследование начали польские археологи в 1932…1939 гг. и закончили советские в 1949 г. [6].

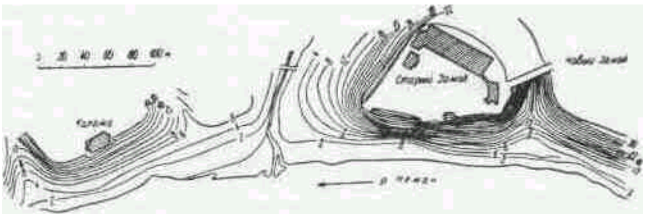
В пределах современного Гродно имеется несколько мест, с которыми может быть связана его древнейшая история. На высоком правом берегу Немана речкой Городничанкой образован треугольный мыс, известный и теперь под названием Старого замка или Замковой горы. Через овраг от него расположено высокое плато Нового замка. На противоположном берегу Городничанки сохранились остатки Борисоглебской церкви XII в.. Схема топографии древнего Гродно:

1 - Коложа; 2 — Замковая гора; 3 — Но?????? замок. (Кружками отмечены выходы домонгольских слоев.)

Выходы древнего культурного слоя зафиксированы в радиусе до 500…600 м от Замковой горы. Приблизительно в 650 м к юго-востоку от нее, судя по старым описям города, имелась Курганная улица, которая, по-видимому, указывает на существование здесь курганного могильника, уничтоженного позже городской застройкой.

Раскопки велись на территории Старого замка, который явился ядром древнего Гродно. Культурный слой достигал здесь местами десятиметровой толщины. Нижние пласты толщиной от 1,5 до 5 м содержали остатки древнерусского Гродно XI…XIII вв. Особенности почвы благоприятствовали хорошей сохранности органических веществ.

План детинца древнего Гродно. («Старый замок».)

Как показали раскопки, город ведет свое происхождение от крепости, возникшей на Замковой горе во второй половине или конце XI в. Первоначально она имела военное значение. В составе населения заметная роль принадлежала вооруженному люду, конным дружинникам. В раскопках найдены пять различного типа шпор, обломок клинка кинжала или копья, железные втульчатые наконечники сулиц, железные и костяные четырехгранные стрелы. О состоятельности жителей крепости свидетельствует обилие замков и ключей от дверей, сундуков и ларцов. Крепость была застроена деревянными срубами. Один из них имел подполье и, возможно, слюдяные окна. Сохранились остатки деревянных мостовых. Совершенно неожиданным оказался результат изучения костных остатков. Половина костей принадлежала диким животным, прежде всего оленю, зубру, кабану. Охотничья добыча была важной статьей хозяйства. Возможно, дичь представляла разновидность феодальных повинностей с крестьян, однако следует учитывать и то обстоятельство, что охота на крупных животных всегда была излюбленным «спортом» привилегированных слоев, к которым, несомненно, относились дружинники крепости. Лесные пущи Понеманья изобиловали тогда дичью.

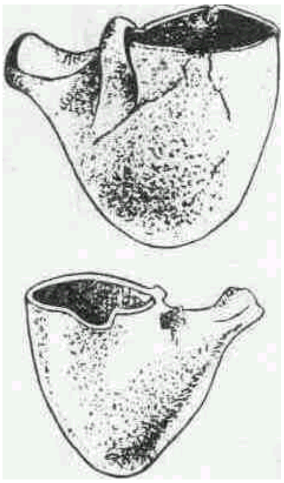
Бронзовая булава.

Ремесла представлены еще слабо. Помимо продукции гончаров, найдены предметы, связанные с ювелирным литьем: обломки тигельков и литейные формочки. В одной из них отливались щитки для перстней-печатей. Можно говорить о существовании в крепости косторезного и деревообрабатывающего ремесла. Почти все вещи имеют типичный общерусский облик. Крепость была тесно связана с Русью. В культурных напластованиях древнейшего периода найдены стеклянные браслеты, шиферные пряслица, бусы, киевские писанки, амфоры, обломки стеклянной посуды. Вместе с тем в керамике можно уловить и местные особенности, выражающиеся в украшении посуды своеобразным штампованным орнаментом или налепными орнаментированными валиками.

В начале XII в. крепость сгорела. Ее дальнейшая история представляет собой процесс постепенного превращения в княжескую резиденцию и столицу княжества. Планировочные работы сравняли с лицом земли остатки пожарища, сгоревшие строения засыпаются привозным грунтом, выравнивается площадка. В центре крепости сооружается кирпичный храм, а несколько позже — кирпичные башни на берегу Немана. В восточной части крепости, вероятно, отстраивается княжеский двор. Позже там был дворец Витовта, а затем Стефана Батория. Застраивается деревянными домами территория вокруг церкви. Со временем застройка становится все более плотной. Ориентировка церкви определяет ориентировку деревянных построек. С севера на юг мимо западной стены храма через крепость прошла улица, мощенная деревом. Другая соединила западную окраину крепости с городскими воротами на восточном краю.

Культурные отложения XII…середины XIII в. составили толщу от 1,6 до 2 м. За это время сооружения на вскрытом участке перестраивались пять раз. Облик застройки и характер строительных приемов типичен для русских городов лесной полосы. Жилые постройки имели размеры от 3,40x3,40 м до 4x4 м. Рубились они преимущественно из сосны, углы связывались в обло(?). Под некоторыми постройками прослежены «стулья» из вертикальных бревен или камней. Одна изба имела завалину. Внутри настилались дощатые полы. В углу помещалась глинобитная с включением камня печь на деревянной платформе. Хозяйственные постройки отличались лишь меньшими размерами. Внутренние дворики мостились деревом. Некоторые, возможно, имели навесы на столбах.

Хотя ни княжеский дворцовый комплекс, ни постройки дружинников не попали на исследованную площадь, довольно многочисленные и разнообразные предметы вооружения по-прежнему указывают на аристократический характер района и, несомненно, большую роль дружинного элемента в составе населения крепости. В слоях XII... середины XIII в. найдена целая серия шпор, наконечники стрел и копий, бронзовая булава. Одна шпора была богато украшена бронзовой инкрустацией, напоминающей когти хищной птицы с роговыми чешуйками. Стрелы различные по типу: ромбовидные, треугольные с шипами, граненые, специально предназначенные для пробивания кольчуги. Бронзовая булава с четырьмя выступающими пирамидальными шипами очень маленького размера. Насаживалась она на тонкую рукоять. Для борьбы с неприятельской кавалерией применялся так называемый «чеснок» с зазубренными остриями.

Льячки.

В материалах, относящихся к этому этапу жизни города, значительно полнее представлена хозяйственная жизнь населения. В керамическом производстве появилась новая статья. В связи с началом княжеского и храмового строительства в Гродно появляются кирпичные сараи и печи для обжига, где изготовлялись плоский и фасонный кирпич и специальные поливные плитки. Плитки эти различны по размерам и форме, покрыты желтой, зеленой и коричневой глазурью. Из них можно было составлять красивые замысловатые узоры.

Шахматная фигура — ладья.

Хорошо представлено сапожное ремесло в Гродно. Часть сапожников жила и работала в самой крепости. Обувь обычная для Руси: поршни и мягкие туфли. Особо следует отметить находку кожаного крепления лыж.

Очень много изделий из дерева: посуда, черпаки, клепки от ведер и бочек, гребни, лопаты, весла, разнообразные колотушки, детали ткацкого станка и т. д. Некоторые отрасли деревообработки, видимо, выделились

в особые ремесла. Найдены детские игрушки из дерева: лодочка из сосновой коры, стрелы и мечи. Интересна находка деревянного колка струнного музыкального инструмента. Форма его такая же, как и современных.

О развитии ювелирного дела свидетельствуют найденные льячки-тигельки, одиннадцать литейных форм, в которых отливались лунницы, круглая подвеска с изображением креста, крестообразная подвеска, звездчатая семилучевая ложнозерненая подвеска, ложнозерненая буса, трехбусинные ложнозерненые серьги, пластинчатый перстень. Некоторые формы составлялись из нескольких створок. На одной форме процарапан «знак Рюриковичей». Интересно, что в раскопках не встречено ни одной вещи, отлитой в найденных формах. Значит, продукция гродненских ювелиров быстро находила своего потребителя.

В крепости найдены отходы косторезного производства и полуфабрикаты. Достаточно много готовых изделий из кости: рукоятки ножей, гребни, застежки и т. д. Многие изделия нарядно орнаментированы, сделаны на токарном станке.

Уникальной по своей художественной ценности и реалистичности изображения является каменная скульптурка ладьи на подставке. Ее размеры 55x45 мм. Оба ее носа острые, что характерно для боевой ладьи с двусторонним ходом. По бокам — круглые отверстия для весел и по три с каждой стороны миндалевидных щита, типичных для XII…XIII вв. На палубе помещены четыре человеческие фигурки: одна на корме, одна на носу, две посередине. Скульптура является поразительно точной иллюстрацией следующего летописного текста 1151 г.: «бе бо исхитрил лодье дивно: беша бо в них гребьци гребуть невидимо, токмо весла видети, а человек бяше не видети, бяхуть бо лодье покрыты досками, бяхуть бо борци стояще горе и стреляюще, а кормника два беста, один на корме, а другый на носе...»

Ладья, несомненно, исполненная русским мастером по образу и подобию реальных суден XII в., представляет собой одну из фигур высокохудожественного набора шахмат, в котором «ладья» заменяет «колесницу», характерную для шахматных наборов других стран.

Из импортных вещей следует отметить хранившийся в Коложской церкви бронзовый водолей, представляющий собой фигуру рыцаря верхом на коне. Водолей отлит в мастерской Гильдесгейма (Нижняя Саксония) в XIII в.

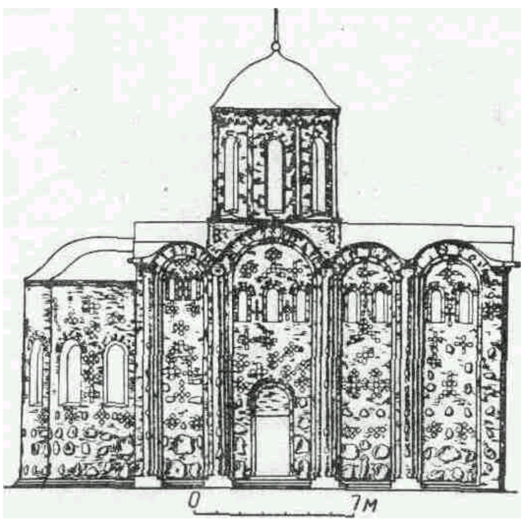
Картина жизни Гродненской крепости будет неполной, если не отметить находки, связанные с земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством. Население Гродненской крепости, как и в других городах, еще не порвало с сельским хозяйством. Об этом говорят находки железного сошника от трех или четырехзубой сохи, обломка косы-горбуши, железных серпов. Злаки представлены рожью, пшеницей, ячменем, овсом, просом, гречихой.

Интересно отметить, что удельный вес охотничьей добычи в XII…XIII вв. не только не уменьшился по сравнению с начальным периодом, но и несколько увеличился: кости домашних животных составили 32,4%, диких — 67,6%. О занятиях рыболовством свидетельствуют находки остроги, рыболовных крючков, грузил.

XIII…XIV вв. были неспокойными для Гродно. Сначала борьба между литовскими и русскими князьями **за** обладание Черной Русью, а затем борьба с Тевтонским орденом не способствовали развитию города. Гродно и его окрестности не раз подвергались опустошению. Вещевой материал, происходящий из слоев XIII…XIV вв., исключительно бедный и однообразный, воссоздает картину некоторого упадка культуры [6].

Особого рассмотрения требует гродненская монументальная архитектура, по праву считающаяся ярким проявлением культуры Гродно XII в. Самым ранним архитектурным памятником является так называемая Нижняя церковь, открытая раскопками в центре крепости. Уже она отмечена печатью архитектурного своеобразия, получившего развитие и воплощение в последующих каменных постройках Гродно и некоторых других городов.

Нижняя церковь, рухнувшая во время пожара 1183 г., сохранила свои стены на высоту до 3,5 м. Сложены они из тонкого плитчатого кирпича размером 26 x 15 X 2,5…3,5 см обычной для XII в. техникой порядовой кладки на толстых швах связующего раствора. Фундамент сделан из камней, пересыпанных землей. Необычен план и общая композиция храма.

Коложская церковь. (Реконструкция Н. Н. Воронина.)

Храм имеет всего одну плоскую абсиду. Две другие скрыты в толще угловых стен. Столбов шесть. Причем четыре западных столба мощнее восточной пары, что, указывает на то, что купол храма был смещен к западу. Это придавало церкви необычную асимметричную композицию. Столбы имели восьмигранную форму. Для улучшения акустических условий в кладку стен были уложены многочисленные глиняные кувшины-голосники, выделявшиеся своими темными отверстиями на розовато-белом фоне кирпича и извести. Пол храма был богато выстлан цветными

майоликовыми плитками желтого, зеленого и коричневого тонов. Под куполом здания плитки различной формы и окраски составили сложный нарядный узор. Но еще более необычно было наружное оформление храма. В нижнюю часть стен были вставлены огромные цветные валуны с шлифованной поверхностью, а выше — на плоских лопатках, членивших наружный фасад здания, и на срезанных углах были размещены различные геометрические фигуры из майоликовых плиток. Такое красочное убранство Нижней церкви выделяет ее среди строгих храмовых построек юга Руси.

После гибели Нижней церкви была построена Борисоглебская церковь на Коложе, которой, по-видимому, предшествовало воздвижение каменных башен, открытых в западной и южной части Верхнего замка, Башни сложены из кирпича несколько более крупного, чем кирпич Нижней церкви, на известковом растворе без примеси кирпичной крошки. Южная башня, по-видимому, была квадратная в плане 10х10 м, первоначальные размеры другой установить невозможно.

Фасады южной башни, как и Нижней церкви, украшены вставками из необработанного камня светло-розового, темно-коричневого и серого цвета. Возможно, что верхняя часть сооружения имела майоликовый полихромный убор. Назначение башен, очевидно, военное. Можно предполагать, что они соединялись между собой валами [6].

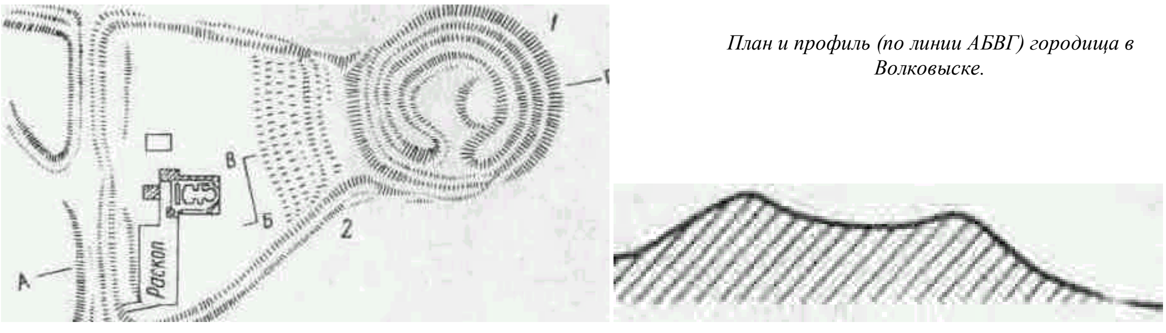
Борисоглебская церковь еще в большей степени выразила новые художественные принципы гродненских зодчих. Интерьер этого шестистолпного трехабсидного храма поражает своим исключительным своеобразием и эффектностью. Стройные круглые столбы, легкие балконы вдоль боковых стен, обилие света, проникавшего через многочисленные окна стен и барабана, делали его похожим на просторный роскошный зал. Стены были обильно заполнены голосниками. Более богатым и продуманным был и внешний облик церкви. Убранство фасадов камнем и майоликой стало особенно красочным. Здесь для украшения использовались сравнительно небольшие и мелкие камни. Были учтены инженерные просчеты, допущенные при строительстве Нижней церкви, крупные валунные камни которой сильно ослабили прочность стен. Каменные вставки с большим художественным вкусом сочетались с фигурами крестов из цветных майоликовых плиток и отдельными квадратами плиток. Подсчитано, что на внутреннее и внешнее оформление церкви использовано не менее 16 различных форм майолики.

Роскошная многокрасочность убранства гродненских памятников позволяет говорить о сложившейся здесь особой архитектурной школе XII в. Очевидно, удаленность Гродно от главных центров религиозной жизни с ее канонизацией традиционных архитектурных форм и отсутствие контроля над церковным строительством создали здесь благоприятные условия для воплощения в монументальных постройках народных эстетических представлений.

Гродненские постройки были хорошо известны зодчим других русских областей. В некоторых постройках XII в. явно ощущается подражание гродненским приемам убранства фасадов.

Волковыск

Недалеко от Гродно находится небольшой городок Волковыск, впервые упомянутый в русских летописях в середине XIII в. В древности он располагался на высокой моренной гряде в 0,5 км к юго-востоку от современного города. Самая высокая часть гряды называется Шведской горой. Существует легенда о том, что ее насыпали шапками шведы во время русско-шведской войны. В действительности она никакого отношения к шведам не имеет. Высота горы от подошвы 18 м. Площадка в плане почти круглая, по периметру окружена валом, сохранившимся местами на высоту до 7 м. С запада к Шведской горе примыкает другая, значительно большая по площади возвышенность — «Замчище». От Шведской горы «Замчище» отделено рвом. В 0,5 км к востоку от этого комплекса среди низменной, частично заболоченной местности имеется еще одно городище «Муравельник», устроенное на одиночном холме. Площадка городища почти по всему периметру окружена валом.

План и профиль (по линии АБВГ) городища в Волковыске.

Раскопки в Волковыске проводились И. Иодковским (1925 г.), Г. И. Пехом (1948 г., 1958 г.), В. Р. Тарасенко (1954—1956 гг.), П. А. Раппопортом (1959 г.).

Шахматная фигура — пешка. (Раскопки В. Р. Тарасенко.)

Шахматная фигура - ладья. Кость. (Раскопки В. Р. Тарасенко.)

Наиболее ранним памятником оказалось городище «Муравельник», на котором найдена керамика X в. Однако почти полное отсутствие культурного слоя на большей части площадки дает основание видеть в нем обычное для тех времен городище-убежище [26]. В XI в. в связи с основанием поселений на Шведской горе и «Замчище» «Муравельник» был заброшен. Шведская гора сразу же была укреплена земляным валом по краю площадки. Прорезка вала показала отсутствие под ним культурного слоя.

В XI в. в связи с основанием поселений на Шведской горе и «Замчище» «Муравельник» был заброшен. Шведская гора сразу же была укреплена земляным валом по краю площадки. Прорезка вала показала отсутствие под ним культурного слоя. Незначительная площадь территории внутри кольца вала и мощь укреплений дают основание предполагать, что новое поселение имело характер феодального замка. Здесь могло разместиться незначительное количество построек. У подножья замка и на соседней возвышенности раскинулось неукрепленное поселение. В конце XI или в начале XII в. поселение на «Замчище» было укреплено с напольной стороны валом, имевшим ширину у основания 12 м. К этому времени здесь уже вырос культурный слой толщиной 0,5 м. Возведение укреплений на «Замчище», по-видимому, знаменовало собой превращение его в городской детинец. Почти одновременно с этим проводятся работы по строительству кирпичного храма недалеко от городских ворот.

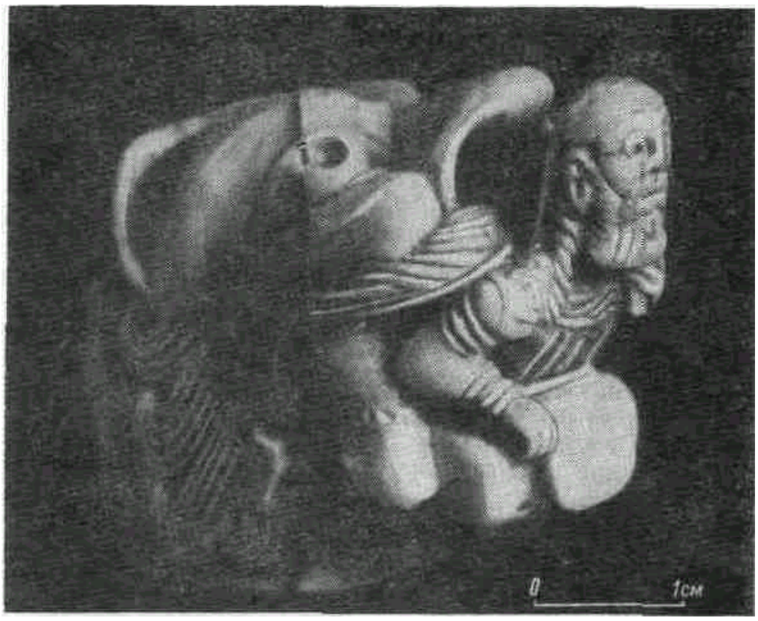
Раскопки производились как на Шведской горе, так и на «Замчище». Мощность культурного слоя на Шведской горе составляет от 1,75 м до 3,80 м, на «Замчище» — от 0,5 м в центре до 2,1 м на краю площадки возле вала. Особенностью и того и другого объектов является плохая сохранность построек. В культурном слое совсем не сохраняются дерево и кожа. Было выявлено несколько печей, указывающих на местонахождение построек.

По мнению В. Р. Тарасенко, большая часть построек относилась к типу полуземлянок со стенами столбовой конструкции. Но были, по-видимому, и бревенчатые избы.

На Шведской горе и «Замчище» был добыт обширный материал, характеризующий культуру древнерусского города. Находки убедительно свидетельствуют о развитости в городе различных ремесел и об оживленных внешних связях.

В 1953 г. у подножья Шведской горы были открыты остатки сыродутного горна, большое количество железных шлаков и несколько обломков глиняных сопел. Готовые изделия из железа многочисленны и разнообразны. Только на Шведской горе, где вскрыта площадь в 288 м^2, найдено более 40 категорий различных железных предметов. Среди них орудия труда, бытовые вещи, предметы вооружения и военного быта. Последних особенно много: наконечники копий и стрел, обломок боевого топора, наконечник от ножен меча, стремена, шпоры и т. д. Относительно много украшений: перстней, бронзовых браслетов, стеклянных браслетов. Находки литейных формочек, тигельков, кусков серебра, меди и свинца говорят, что даже на Шведской горе занимались ювелирным делом. Найдено много кусков необработанного янтаря, служившего, вероятно, сырьем для местных мастеров. Существовали также гончарное и косторезное ремесла. Керамика имеет типичные для древнерусской посуды формы и орнаментацию. Правда, в самых ранних слоях обнаружена керамика, отмеченная явно местными чертами: ниже венчика часто имелся налепной валик, покрытый косой насечкой, стенки сосудов украшались нарезным орнаментом в елочку, кружковым орнаментом. Подобная керамика встречена в Гродно, известна она и в землях западных славян. Часть посуды поступала в Волковыск путем обмена. Это керамика, покрытая глазурью, а также амфоры, находки которых обильны. Некоторые изделия выделяются искусным художественным исполнением. На Шведской горе в слое XII в. была найдена костяная фигурка ладьи на ножке с прямоугольным основанием. Она поразительно схожа с гродненской шахматной ладьей: почти одинаковые размеры, тот же тип судна с двусторонним ходом, те же фигурки воинов и миндалевидные щиты на бортах. Воины изображены без усов и без бороды, с длинными прямыми волосами до плеч, в небольших плоских шапочках. Вполне возможно, что волковысская и гродненская фигурки изготовлены одним и тем же искусным мастером. В том же слое, где была найдена ладья, обнаружена и костяная фигурка воина-барабанщика высотой 2,5 см, тоже в шапочке, покрывающей зачесанные назад прямые волосы, в подпоясанной рубахе до колен и с барабаном, подвешенным на широкой ленте. В правой руке у этого приземистого некрасивого человека «вощага», которой он ударяет по барабану. Фигурка эта, как и ладья, принадлежала, по-видимому, к одному богатому высокохудожественному набору шахмат.

Привозной из Южной Германии оказалась очень тонко исполненная костяная головка льва с человеком в раскрытой пасти. Такими фигурами украшали перекладины легких сидений. Можно отметить также резной медальон, на котором имеется нагрудное изображение воина со щитом в шлеме и кольчуге. Возле головы надпись «Димитри». Найденная на Шведской горе каменная иконка с надписью «Гавриил», видимо, была привезена из Киева. Вообще по составу находок Шведская гора заметно отличается от «Замчища». Здесь не только больше искусно исполненных ценных изделий, но и значительно больше даже таких предметов, как амфоры и стеклянные браслеты. В этом следует видеть отражение социальной топографии Волковыска. Шведская гора была, несомненно, местопребыванием крупного феодала. Здесь, по всей видимости, и размещался двор Волковысского князя.

Голова льва. Кость. (Раскопки В. Р. Тарасенко.)

Очень интересным открытием было обнаружение на «Замчище» остатков строительства каменного храма. Сохранился фундамент, состоящий из мелких и средних валунных камней, уложенных непосредственно на материковый грунт. Камни пересыпаны песком и не связаны между собой раствором. Рядом с фундаментом лежали кирпичи-плинфы. В некоторых местах они были специально уложены на ребро рядами в определенном порядке. Следов раствора на плинфах нет. Следовательно, они еще не были в употреблении. Строительство, как видно, остановилось на стадии закладки фундамента, но о художественных замыслах строителей можно судить уже по тому, что было сделано. Храм должен был иметь размеры примерно 16х20 м, одну абсиду и шесть столбов. Причем расстояние между западной парой столбов и центральной в два раза больше, чем между центральной и восточной. Следовательно, церковь должна была получить асимметричную композицию со смещенным к западу куполом. Интересной особенностью волковысской церкви было наличие башни у ее юго-западного угла. Остальные углы были скошены [26].

Медальон с изображением воина.

Среди множества плинф, большую часть которых составляли обычные прямоугольные плитчатые кирпичи, имелись и лекальные в форме трапеций, а также со срезанным или скругленным углом и с полукруглой стороной. Некоторые кирпичи помечены различными знаками, в том числе княжескими знаками Рюриковичей. Весьма примечательно, что вокруг фундамента были найдены крупные гранитные камни различных оттенков с отшлифованными поверхностями. Они, несомненно, предназначались для украшения фасада церкви.

Легко заметить, что волковысская церковь и гродненские храмы имеют много общего. Это выразилось в асимметрии плана, скошенности углов, характере декора и даже в способе закладки фундамента. Все это дает основания относить волковысскую церковь к кругу памятников Гродненской архитектурной школы. Стратиграфическая дата волковысской церкви — рубеж XI…XII вв. или самое начало XII в.

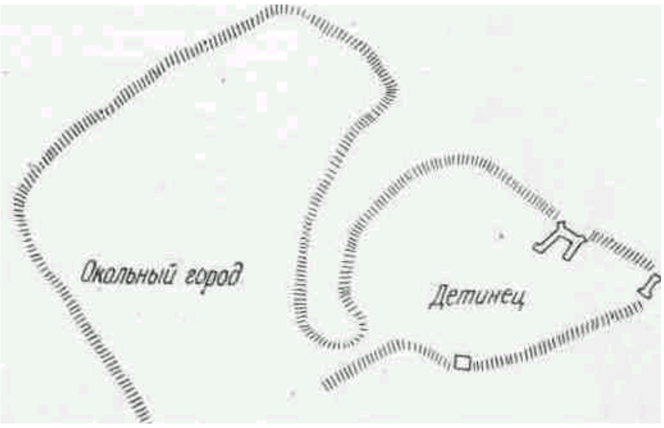
Новогрудок

Важным форпостом Руси на границе с Литвой был Новогрудок. О его существовании и связанных с ним политических событиях становится известно из письменных источников только с 30-х годов XIII в. Археология удревнила историю города на три столетия.

Археологическое изучение Новогрудка началось в 50-х годах нашего века Славяно-литовским отрядом Прибалтийской экспедиции под руководством Ф. Д. Гуревича.

Новогрудок представляет собой сложный археологический комплекс. Еще летопись в записи под 1274 г. отмечала наличие в городе детинца и окольного града. Эти две части древнего Новогрудка легко заметны и теперь.

К ним можно еще прибавить примыкающий к окольному городу холм, на котором находится церковь Бориса и Глеба. Раскопки в детинце, на котором еще и теперь сохраняются каменные руины средневекового замка, носили разведочный характер. Обнаружено, что культурный слой там имеет мощность не менее трех метров. В шурфе и небольшом раскопе найдены вещи, типичные для древнерусских городов XII…XIII вв. Однако Новогрудский детинец требует дальнейшего изучения. Без этого нельзя, в частности, решить вопрос о происхождении города.

Топография древних частей Новогрудка.

На основании раскопок окольного города, где за период с 1956 по 1961 г. была вскрыта площадь свыше 1000 $м^2$, можно пока утверждать, что поселение на месте Новогрудка возникло не позже конца X…XI в. От этого времени сохранилось полуземляночное жилище размером 6х 3 м со следами каменного очага, плохо сохранившиеся остатки наземных деревянно-глинобитных построек и хозяйственные ямы, заполненные костями животных. Найдены сошник, серп, ножи, шилья, глиняные и каменные пряслица, железные и бронзовые подковообразные пряжки со спирально загнутыми концами, костяные односторонние гребни, характерные для X…начала XI в., глиняные горшки с рифлением по всему тулову и толстостенные сковородки с примесью дресвы в тесте.

Развалины замка на Новогрудском детинце.

В XII в. характер поселения резко меняется. Сооружается вал, город застраивается большими наземными домами. Некоторые из них углублены в землю. В одном месте в слоях, относящихся к XII…середине XIII в., были вскрыты три жилые постройки, возведенные одна над другой. Самая верхняя, прекратившая свое существование в середине XIII в., была сооружена из глины с примесью кирпича и белого пористого камня. Под ней был деревянный срубный дом 8,8х6,6м, разделенный перегородкой на две неравные части. В одной из них находилась печь, сделанная из кирпичей и камня. Пол был замощен тесом. Вблизи углов найдены оконные стекла. Дом сгорел. Этим в значительной степени объясняется обилие находок в нем: посуды, ножей, наконечников стрел, ключей, замков, множества стеклянных браслетов. Найдены золотые вещи: круглые и грушевидные бусы, цепочка и часть медальона с перегородчатой эмалью. Особо следует отметить обломки роскошной привозной посуды — бутыли и чашки из белого матового стекла, расписанные красной и золотой красками, а также иранской фаянсовой посуды с люстровой росписью. В слое, одновременном жилищу, найден толстостенный стеклянный бокал, на котором вырезан сложный орнамент, изображающий льва, крылатого грифона и пальметку. В доме же найден целый набор ювелирного инструмента: щипцы, молоточки, наковаленка, два напильника, долотце и несколько тиглей. По вещам постройка датируется второй половиной XII в.

Под этой второй постройкой находились остатки громадного глинобитного дома, квадратного в плане, площадью в 76 $м^2$. В одном из углов располагалась глинобитная печь с кирпичным подом. Стены дома были расписаны полихромной фреской. Преобладают геометрический и растительный орнаменты, выполненные красной, белой, зеленой и другими красками, но есть и изображения людей. Пол был деревянный, окна стеклянные. Эта необычная постройка, несомненно, принадлежала знатному горожанину, о чем свидетельствует и состав находок. На полу дома и в слое, одновременном ему, найдены золотой перстень с камнем, обломок иранского фаянсового блюда, обломки стеклянной привозной посуды, фигурка собачки из черного и белого стекла, большие глиняные амфоры, костяная уховертка, в верхней части которой изображен музыкант, играющий на струнном инструменте. Сооружение датируется первой половиной XII в.

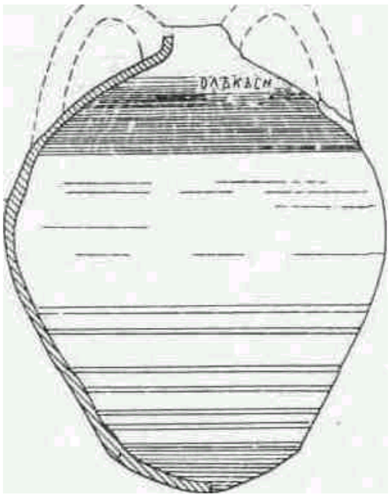
Итак, постройки окольного города Новогрудка разнотипны. Наличие деревянно-глинобитных домов и срубов, углубленных в землю, свидетельствуют о каких-то южных традициях в домостроительстве. Многие дома, судя по

раскопкам, имели стеклянные окна. Найденные стекла имеют округлую форму до 20 см в диаметре.

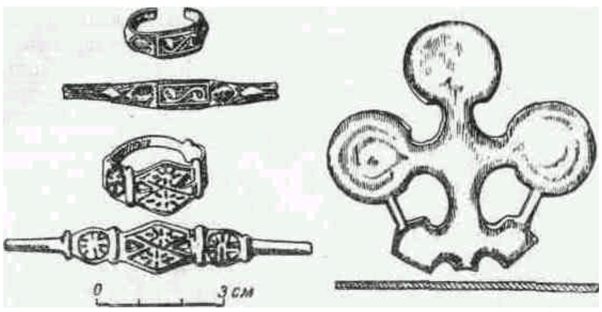
Резной стеклянный бокал.

Культура города типично древнерусская. Большая часть найденных вещей относится к XI…XII вв. В слоях XII…XIII вв. их несколько меньше. XIV…XV вв. представлены совсем слабо. Можно предполагать, что начавшаяся с середины XIII в. борьба галицко-волынских князей с Литвой, в результате которой Новогрудок неоднократно переходил из рук в руки, привела к постепенному запустению окольного города.

Амфора с надписью.

В целом раскопки дали обильный материал. Но он заметно специфичен. Основную массу находок составляют, помимо обычной керамики, которой всегда много, и некоторых предметов домашнего обихода (ножей, ножниц, ключей, замков и т. д.), всевозможные украшения и привозные изделия. Последние свидетельствуют о широких внешних связях Новогрудка с Польшей, Прибалтикой, Западной Европой, Причерноморьем, странами Средиземноморья, Киевской Русью. Очень много стеклянных браслетов, поливной посуды и амфор. Некоторые амфоры помечены знаками и буквами, на одной амфоре процарапано имя ОЛЪ-КЪСН [18].

Серебряные перстни и булавка.

Хозяйственную жизнь города XII…XIII вв. археологический материал отражает слабо. Анализ найденных костей показал, что охота имела большое значение для жителей окольного города. Около одной трети всех костей относилось к диким животным: благородному оленю, лосю, косуле, зубру, кабану, медведю.

Ремесло представлено почти исключительно ювелирным и косторезным делом, т. е. теми отраслями производства, которые рассчитаны на удовлетворение потребности в предметах роскоши и быта. Тем же целям служили и импортные вещи. Учитывая этот специфический характер находок и, несомненно, аристократические черты в домостроительстве, исследователь Новогрудка Ф. Д. Гуревич приходит к выводу о том, что окольный город

XII…середины XIII в. был заселен городской знатью [11].

Стеклянный бокал и Стеклянный сосуд.

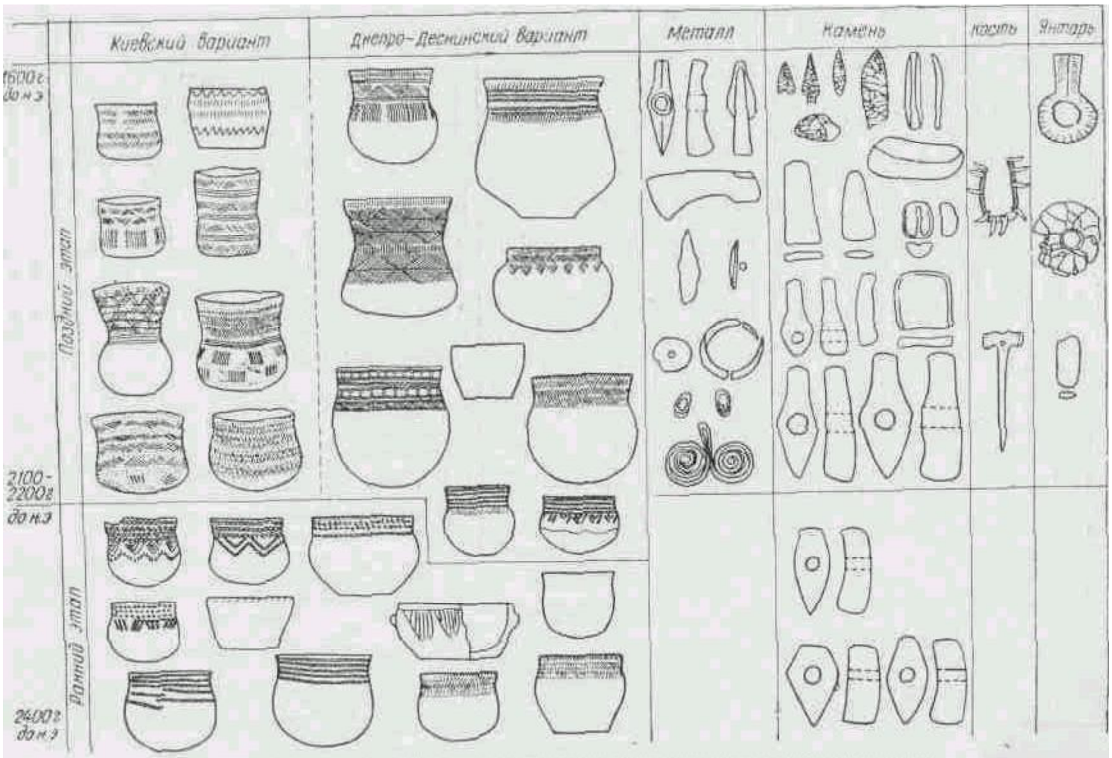
Медная чаша.

В 1961…1962 гг. раскопками М. К. Каргера возле Борисоглебской церкви были открыты остатки древнего храма, отличающегося своеобразием строительной техники, не повторяющей приемы других архитектурных школ Руси. Новогрудский храм, нуждающийся в дальнейшем исследовании, представляет собой интереснейший образец творчества зодчих западных областей Руси, внесших значительный вклад в общую сокровищницу древнерусской культуры [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Л. В. К истории и топографии древнейшего Витебска. СА, 1964, № 1.
2. Алексеев Л. В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, № 3.
3. Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв. Автореферат диссертации. М., 1963.
4. Алексеев Л. В. Три пряслица с надписями из Белоруссии. КСИИМК, вып. 57, 1955.
5. Алексеев Л. В. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии. СА, 1962, № 4.
6. Воронин Н. Н. Древнее Гродно. МИА, 1954, № 41.
7. Воронин Н. Н. На берегах Клязьмы и Немана. В кн.: «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953.
8. Гуревич Ф. Д. Древнерусский Новогрудок. Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963.
9. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962.
10. Гуревич Ф. Д. О жилищах окольного города Новогрудка. КСИА, вып. 87, 1962.
11. ГуревичФ. Д. Об окольном городе летописного Новогородка X—XШ вв. СА, 1962, № 1.
12. Гуревич Ф. Д. Стеклянный резной бокал из Новогрудка. СА, 1963, № 2.
13. Дроченина Н. Н., Рыбаков Б. А. Берестяная грамота из Витебска. СА, 1960, № 1.
14. Загорульский Э. М. Древний Минск. Минск, 1963.
15. Каргер М. К. Памятники древнего зодчества Белоруссии. Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963.
16. Лявданский А. Н. Археолёгічныя раскопкі у м. Заслауі Менскай акругі. Працы кафэдры археолёгіі, вып. I.

Менск, 1928.
17. Лявданский А.Н. Раскопкі у Полацкай акруге. Працы секціі археолёгіі, вып. II. Менск, 1930.
18. Малевская М.В. Амфора с надписью из Новогрудка. СА, 1962, № 4.
19. Никольский Н. М. Раскопкі на месцы старажытнага Мінска. Весці АН БССР, 1947, № 1.
20. Очерки истории Полоцка. Минск, 1962.
21. Пех Г. И. Раскопки в Волковыске в 1958 г. СА, 1963, № 1.
22.Полубояринова М. Д. Раскопки древнего Турова. КСИА АН СССР, 1963, вып. 96.
23. Полубояринова М. Д. Стеклянная посуда древнего Турова. СА, 1963, № 4.
24. Раппопорт П. А. Волынские башни. МИА, 1952, № 31.
25. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. МИА, 1961, № 105.
26. Раппопорт П. А. Раскопки в Волковыске в 1959 г. СА, 1963, № 1.
27. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
28. Рыбаков В. А. Татарская кириллическая надпись из Полоцка. СА, 1963, № 4.
29. Сементовский А. М. Белорусские древности Спб., 1890, вып. 1.
30. Сербов И. А. Археолёгічныя раскопкі у аколіцах Менску у 1925 годзе. Гістарычна-археолёгічны зборнік. Менск, 1927, т. 1.
31. Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. СА, 1946, .№ 8.
32. Тарасенко В. Р. Вынікі раскопак Мінскага Замчышча у 1945—1949 гг. Весці АН БССР, 1950, № 4.
33. Тарасенко В. Р. Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск, 1957.
34. Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. Материалы по археологии БССР, т. 1. Минск, 1957.
35. Штыхов Г. В. Археологическое изучение Полоцка. Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963.
36. Штыхов Г. В. Письмена на камне из Полоцка. СА, 1963, № 4.
37. Щапова Ю. Л. Стеклянные браслеты древнего Полоцка. СА, 1965, № 1.

Приложение 1. Сводная таблица среднеднепровской культуры.

Приложение 2. Сравнительная таблица археологических культур раннего железного века Белоруссии.

